ИНСТИТУТ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

В.И. МЕСАМЕД

ИРАН В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ДВА ДЕСЯТИЛЕТИЯ ДИАЛОГА

Москва 2010

Научное издание

В.И. Месамед
ИРАН В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ДВА ДЕСЯТИЛЕТИЯ ДИАЛОГА
М., 2010. 268 стр.

Мнение автора не обязательно отражает позицию Института.

ISBN 978-5-89394-217-0

ISBN 978-5-89394-217-0

© Институт Ближнего Востока

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОБ АВТОРЕ.....5

ВВЕДЕНИЕ.....6

Глава 1
ИРАН И ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ: НОВОЕ ЗНАКОМСТВО ПОСЛЕ ДЕСЯТИЛЕТИЙ ОТЧУЖДЕНИЯ.....8

Главные игроки.....8
Факторы взаимного интереса.....21
Тактика и стратегия.....39
Культурная доминанта.....42
Религиозная доминанта.....48
Экономическая доминанта.....56
Центральная Азия и ирано-американский диалог.....59

Глава 2
ИРАН – РЕСПУБЛИКА УЗБЕКИСТАН: ТРУДНЫЙ ДИАЛОГ....73

Начало прямых контактов.....64
Вектор тяготения.....77
Торгово-экономическое сотрудничество.....84
Сотрудничество в транспортной сфере.....92
Политический диалог.....97

Глава 3
ИРАН – РЕСПУБЛИКА КАЗАХСТАН: СОСЕДИ ПО КАСПИЮ.....113

Факторы притяжения и отторжения.....113
База взаимодействия.....118
Нефтяной фактор.....123
Каспийский фактор.....127
Достижения и проблемы сотрудничества.....133
Что впереди?.....139

Глава 4
ИРАН – РЕСПУБЛИКА ТАДЖИКИСТАН:
НЕ ТОЛЬКО БРАТЬЯ, НО И ПАРТНЕРЫ.....149

Ближе друг к другу 149
Становление и развитие сотрудничества 156
Специфика ирано-таджикистанского сотрудничества.....165
Под сенью «арийства» и персоязычного союза.....172

Глава 5
ИРАН – ТУРКМЕНИСТАН: ОБРЕЧЕННЫЕ ДРУЖИТЬ.....186

Специфика взаимодействия.....186
Статус в регионе.....190
Реалии сотрудничества 195
Факторы напряженности в двусторонних отношениях 199
Что изменил уход Туркменбаши? 207

Глава 6
ПРЕДЕЛЫ И ОГРАНИЧЕНИЯ
ИРАНО-ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОГО ДИАЛОГА.....216

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 229

SUMMARY 236

ОБ АВТОРЕ

Д-р Владимир Месамед живет и работает в Иерусалиме (Израиль). Выпускник Восточного факультета Ташкентского государственного университета. В 1984 году защитил диссертацию в Институте востоковедения АН СССР в Москве. В 1994 г. репатриировался в Израиль. До этого в течение 5 лет работал заместителем главного редактора – заведующим отделом вещания на Иран Управления вещания на зарубежные страны Гостелерадио Республики Узбекистан. С 1996 года преподает иранистику в Институте стран Азии и Африки Еврейского университета в Иерусалиме. В 1995–2008 гг. работал в отделе вещания на Иран радиостанции «Коль Исраэль». С 2008 г. преподает также в Открытом университете Израиля. С 1997 г. – представитель журнала «Центральная Азия и Кавказ» (Швеция) на Ближнем Востоке. В 1999–2003 гг. колумнист приложения «За рубежом» газеты «Новости недели» (Тель-Авив). С 2002 года – политический обозреватель телеканала «Израиль-плюс». С 2006 г. – эксперт Института Ближнего Востока (Москва). Автор многочисленных книжно-журнальных и газетных публикаций по различным актуальным проблемам востоковедения, изданных в Израиле, России, Швеции, Германии, США, Казахстане, Узбекистане.

Издательством Института Ближнего Востока выпущена его книга ***Иран – Израиль: от партнерства к конфликту. – М., 2009. – 376 с.***

ВВЕДЕНИЕ

В ташкентский период своей жизни, в 70–80-е годы прошлого века, мне часто по делам службы приходилось бывать в Узбекском обществе дружбы и культурных связей с зарубежными странами, помещавшемся в небольшом старинном особняке колониальной постройки в самом центре города. Я не сразу узнал, что здесь же одновременно помещалось и министерство иностранных дел тогдашней Узбекской ССР. Оно занимало всего несколько маленьких комнат. Как ни странно, этого было вполне достаточно для выполнения той работы, которую делали МИДы союзных республик. В их функции не входила реализация связей с зарубежными странами. Внешнеполитические ведомства в республиках не имели прямых отношений ни с одной из стран, «добровольно» делегировав эти функции союзному Центру. Развал Советского Союза и образование на его пространстве сразу 15 новых независимых государств немедленно сделало их полноправными субъектами мировой политики, прибавив многократно работы их внешнеполитическим ведомствам. С другой стороны, многие страны мира получили редкую возможность установить и развивать отношения с этими государствами, делавшими первые шаги в бескрайнем океане реальных международных отношений.

В этой монографии мы попытаемся рассмотреть, как распорядился своей возможностью выхода в новое геополитическое пространство Иран, как формировалось иранское направление разнообразного спектра международных отношений в государствах, до начала 1990-х годов пребывавших в статусе среднеазиатских союзных советских социалистических республик – Казахстане (хотя формально, по старой советской градации, он не входил в этот регион), Киргизии, Таджикистане, Туркменистане и Узбекистане.

Как для Ирана, так и для этих новых государств рубеж 90-х годов был периодом серьезных трудностей. Закончившаяся в 1988 г. затяжная ирано-иракская война и все никак не заживавшая травма этой жестокой бойни дополнялись трудностями многочисленных социально-экономических экспериментов. В результате стра-

на оказалась в условиях жестокого кризиса. Потенциал системы исламской республики стал близок к тому, чтобы исчерпать себя. В стране поняли, что необходимо реформирование, способное дистанцироваться от жестких идеологических догм и обеспечить дальнейшее развитие. Начиналась эра исламских прагматиков, которые обеспечили Ирану условия для преодоления социально-экономического кризиса, а затем – и выхода из внешнеполитической и экономической изоляции. Новые государства центральноазиатского региона, для которых получение государственной независимости оказалось в значительной мере неожиданным, начали самостоятельный путь в условиях коллапса советской экономики и разрыва отлаженных и наработанных десятилетиями совместного развития межрегиональных связей. Перед ними стояли задачи превращения в нормально функционирующие государства, использования постсоветского периода для формирования необходимых государственных, социально-экономических и политических институтов. Задачи Ирана в этот же период заключались в постепенном приближении к статусу регионального лидера, опираясь в этом на максимальный прагматизм в экономике, включавший в качестве обязательного компонента неуклонную интеграцию в мировую экономику.

Начало постсоветского периода дало Ирану редкую историческую возможность активного взаимодействия на новом для него экономическом и политическом пространстве. Минувшие годы показали, что Иран достаточно эффективно распорядился предоставленным ему историческим шансом, достигнув неплохих результатов в экономическом сотрудничестве со странами региона, ряде культурных проектов, оказав им неоценимую помощь в интеграции в ряде международных организаций. Монография рассматривает все плюсы и минусы этой интеракции, используя различные материалы и источники на русском, английском, французском, персидском, узбекском, таджикском и казахском языках.

Пользуясь возможностью, автор хотел бы поблагодарить различные организации, оказавшие ему неоценимую помощь в работе над книгой и ее издании, в первую очередь – Институт Ближнего Востока (Е. Сатановский и Е. Жигун), Институт Азии и Африки Гуманитарного факультета Еврейского университета в Иерусалиме (Р. Амитай-Прайс), Институт Евроазиатских исследований Междисциплинарного центра в Герцлии (Ц. Маген и З. Ханин).

Иерусалим, ноябрь 2010 г.

Глава 1

ИРАН И ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ: НОВОЕ ЗНАКОМСТВО ПОСЛЕ ДЕСЯТИЛЕТИЙ ОТЧУЖДЕНИЯ

Главные игроки

Распад в 1991 г. Советского Союза знаменовал образование на постсоветском пространстве новых независимых государств. Мировое сообщество приобрело 15 новых стран, заявивших о себе как о полноправных участниках международных отношений. Это в полной мере относилось и к бывшим среднеазиатским союзным республикам СССР, превратившимся в независимые государства Казахстан, Киргизию, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан. За минувшие почти двадцать лет все эти страны прошли сложный и во многом болезненный путь становления и развития, установили равноправные отношения со многими зарубежными государствами, часть из которых значительно укрепила за эти годы свои позиции в центральноазиатском регионе. Некоторые из новых стран, например, Узбекистан, продолжили преемственность существовавших века назад на их территории самостоятельных государств, обладавших всеми атрибутами независимости[1]. Другие впервые проходили подобный путь, наращивая шаг за шагом необходимый опыт. За истекшие годы в Центральной Азии появились новые для региона политические игроки, такие как США, страны Западной и Восточной Европы, Китай, Иран, Турция, Пакистан, Индия, государства Арабского Востока. Сами государства Центральной Азии, став членами важнейших международных организаций, получили широкие возможности для внешнеполитического маневра.

Доминирующую роль в регионе по-прежнему играет **Россия**, де-факто являющаяся правопреемницей бывшего СССР. Ее доминирование в регионе практически непререкаемо, вне всякой связи с тем, что страна в большой степени ослаблена политически и экономически. Пройдя за эти годы периоды сближения и дистанцирования от региона, Россия пытается устано-

вить свой контроль над базовыми отраслями экономики этих стран, доминирует в происходящих здесь приватизационных процессах. За почти двадцать лет, прошедших после развала СССР и образования в регионе новых независимых государств, политика России на этом направлении неоднократно менялась. Поначалу отношение новой России к странам региона Центральной Азии можно было охарактеризовать как проявление крайнего нигилизма. В начале 1990-х гг. создавалось впечатление, что Москве глубоко безразлично, что происходит в новопровозглашенных государствах, еще вчера бывших братскими субъектами единого государства. По сути, можно утверждать, что Россия в тот период фактически игнорировала их как новых субъектов международных отношений. К середине последнего десятилетия XX в. Россия постепенно проявила интерес к происходящим в этом регионе процессам, но в отсутствие осознанной политики, сопровождающейся стратегией, разработанной именно по отношению к странам этого региона, внешнеполитические действия России не привели к каким-либо результатам. Это дало основание исследователям утверждать, что Россия сама «...инициировала процесс своего окружения на юге недружественными государствами»[2]. С приходом к власти на рубеже веков В. Путина, а затем, в 2008 г., и Д. Медведева отмечена постепенная, но не всегда неуклонная, активизация российской политики на центральноазиатском направлении. «Нынешняя российская власть, по-видимому, после нескольких лет колебаний, все-таки решила не уходить из Центральной Азии, а попытаться закрепиться в ней всерьез и надолго, сохранить регион в сфере российских геостратегических интересов»[3]. Правомерно сделать утверждение о постепенном введении в действие вырабатываемой стратегии внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности на этом направлении. Начинают работать и межгосударственные структуры, реализующие многостороннее сотрудничество в таких важных сферах, как коллективная безопасность и борьба с террором. При всем при том, Россия до сих пор рассматривает регион Центральной Азии в основном как поставщика нефти и газа, не задаваясь долгосрочной задачей выстраивания развитых экономических отношений с центральноазиатскими партнерами.

«Богатые энергетические ресурсы, которыми обладают Туркменистан, Казахстан и Узбекистан, превращают обеспечение интересов России в данной области в одну из важнейших

внешнеполитических задач. Однако неуемное российское желание стать монополистом, который диктует как пути экспорта газа и нефти, так и цены на них, и постоянные попытки заставить страны Центральной Азии отказаться от альтернативных российским маршрутов транспортировки не могут не вызывать у них раздражения, что ...само по себе служит дополнительным стимулом к диверсификации своих экономических связей»[4], выталкивая Россию из этого региона.

Важнейшее значение для России в центральноазиатском регионе имеет Казахстан. Общая граница между двумя странами является самой протяженной в мире и составляет 7591 километр. Можно констатировать, что эти две страны наиболее близки друг другу по менталитету своих народов, основополагающим внешнеполитическим принципам. Экономическое сближение в рамках экономического союза, тесное взаимодействие в энергетической сфере потенциально способно усилить позицию России как поставщика энергоресурсов на европейском направлении. В течение последнего года экономическое сближение России и Казахстана приобрело конкретные формы.

В ходе прошедшего 5 июля 2010 г. в Астане саммита Межгосударственного совета ЕврАзЭС (Евразийского экономического сообщества) началось реальное формирование Единого экономического пространства между Казахстаном и Россией. Уже можно говорить о полноценном союзе и единой таможенной территории этих стран, ибо с июля 2010 г. введен в действие общий таможенный кодекс. Интересы обеих стран почти во всех сферах жизни близки или совпадают, и, как видно из заявлений их лидеров, проблемы безопасности России и Казахстана можно решить только путем сложения общих усилий. Обе страны находятся под угрозой потенциально жесткой конфронтации с Китаем, реально заявившем о себе как о претенденте на вторую сверхдержаву XXI века. Стратегические интересы России и Казахстана совпадают и в плане осознания ими угроз радикализма и исламского экстремизма, локализовывающегося на их южных рубежах. Обе страны объединяет и противостояние экспансии международного наркобизнеса, ибо через территорию как России, так и Казахстана проложены и активно используются пути транспортировки афганского героина. У экономик двух стран до сих пор сильна взаимозависимость, несмотря на декларированную каждой из сторон диверсификацию своей внешнеэкономической деятельности. Това-

рооборот с Россией составляет сегодня более трети общего товарооборота Казахстана с зарубежными странами и имеет тенденцию к росту. Как сказал президент Казахстана Н. Назарбаев на встрече со своим российским коллегой Д. Медведевым в Усть-Каменогорске 7 сентября 2010 г., в первой половине 2010 года товарооборот между Казахстаном и Россией составил примерно 8 миллиардов долларов, что более чем на 40% превышает показатель того же периода прошлого года.

Однако Казахстан, следуя провозглашенной президентом Н. Назарбаевым идее многовекторности, не всегда считается с интересами России как своего стратегического союзника. Сегодня в самом перспективном секторе казахстанской экономики – нефтяном – увереннее всего чувствуют себя американские корпорации. «...Казахи сегодня всегда готовы к сближению с Соединенными Штатами и воспринимают Америку как противовес прежде всего российскому влиянию. В актив себе американцы могут записать еще и то, что казахи «любят американцев» – особенно гранты, на которые там живет большинство так называемых неправительственных организаций и независимых профсоюзов»[5].

Другим союзником России является Узбекистан. С 2005 г., после значительного периода сближения с Западом, Узбекистан сменил вектор своих внешнеполитических приоритетов и заключил Договор о союзнических отношениях с Россией. Это, несомненно, подняло двусторонние отношения на новый уровень. Как заявил президент Узбекистана Ислам Каримов во время своего визита в Москву в ноябре 2005 г., новый уровень отношений более полно отвечает коренным интересам двух народов, служит делу обеспечения национальной, региональной и международной безопасности, защищает стратегические интересы двух стран во всех сферах. Новая договорная база российско-узбекистанских отношений вызвала интенсификацию сотрудничества двух стран. Так, если товарооборот между Россией и Узбекистаном в 2005 г. чуть превысил 2 миллиарда долларов, а в 2009 году составил уже 4,5 миллиарда долларов. По словам премьер-министра Узбекистана Шавката Мирзиеева, Россия «оставалась и остается одним из крупнейших торговых партнеров Узбекистана». Обе страны «в довольно непростых условиях...реализуют крупные проекты в области топливно-энергетического комплекса и промышленности»[6]. .Крупнейшие российские компании осваивают топливно-энер-

гетический комплекс Узбекистана. Например, Россия инвестировала в разработку одного лишь Устюртского газового месторождения 1,4 миллиардов долларов. В 2006 г. в Россию экспортировано 10 миллиардов кубометров узбекского газа. Значительных успехов Россия добивается и в сфере безопасности. Несмотря на отсутствие широких возможностей для борьбы с такими вызовами безопасности региона, как терроризм, наркобизнес, распространение международной преступности, не обладая так и не выработанной за прошедшие годы стратегией отношений со странами этого региона, Россия, тем не менее, все больше укрепляется в регионе Центральной Азии.

Российские политические элиты все чаще и увереннее говорят о регионе Центральной Азии как сфере своих жизненно важных интересов. В качестве аргументов приводятся такие факторы, как проживающие в странах региона многочисленные русские диаспоры, наличие крепких исторических связей с Россией, необходимость иметь своеобразное мягкое подбрюшье для минимизации рисков на своих южных границах. Заявленная Россией в 2000 г., в период активизации режима талибов в Афганистане, готовность нанести превентивные удары по Афганистану показала, что Россия на деле считает регион Центральной Азии зоной своих стратегических интересов и реально видит связь своей национальной безопасности с идеей коллективной безопасности в центральноазиатском регионе. Это признают и сами государства региона. Президент Узбекистана Ислам Каримов еще в 2000 г. на саммите СНГ в Москве призвал руководителей стран Центральной Азии «признать долгосрочные интересы России в этом регионе»[7]. Однако в самое последнее время наметилось падение влияния России в регионе, она все меньше «завязана» в глубинных процессах развития Центральной Азии как интегральной части постсоветского пространства. Это связано с экономическими и социальными проблемами новых государств Центральной Азии, как то: беспрецедентно низким уровнем жизни большинства населения, неуклонно увеличивающейся безработицей, катастрофической перенаселенностью ряда регионов, в частности Ферганской долины, простирающейся на территории трех государств – Узбекистана, Киргизии и Таджикистана. Сюда же можно отнести недостаточное развитие экономики, кадровый «голод», особенно в части высококвалифицированных кадров, одной из причин которого можно считать утечку кадров на За-

пад. Можно приплюсовать экологические проблемы, острый дефицит водных источников. Резюмируя, правомочно утверждать, «что ... для подавляющего большинства поколений, еще заставших советский режим, итоги этих двадцати лет независимости по меньшей мере неоднозначны» [8]. Такое положение обычно сочетается с потенциальными возможностями социальных взрывов, что на территории Центральной Азии с ее преимущественно мусульманским населением часто ведет к росту исламского фундаментализма и радикализма.

Стремление руководства стран региона Центральной Азии к поиску помощи в решении острых проблем вынуждает их адресоваться за пределы постсоветского пространства. Именно там находятся самые богатые страны-доноры и основные потребители центральноазиатского природного сырья и углеводородов. «Россия – в том числе и из-за нынешнего кризиса – выпадает из числа надежных спонсоров. Сегодня от Москвы трудно ожидать не только масштабных и амбициозных инвестиционных проектов, на которые возлагалось немало надежд (например, планы по восстановлению и развитию гидроэнергетики в Таджикистане), но и даже полноценного выполнения кредитных обещаний. Поэтому в перспективе России все труднее будет противостоять растущему влиянию США и ЕС»[9]. Авторитарным лидерам государств центральноазиатского региона импонирует то, что в происходящей на просторах региона геополитической игре ЕС и США в целях более успешной конкуренции с Россией и Китаем существенно сократили свои требования по части соблюдения прав человека и реализации процессов демократизации. Кроме того, как считают аналитики, «несмотря на некоторые отличия в подходах США и КНР, реализуемых в ...регионе, позиции этих стран по ограничению геостратегического присутствия России в Центральной Азии совпадают»[10].

Своими интересами обладают в странах Центральной Азии и **США**, имеющие там «...большую свободу для маневра, чем когда-либо ранее»[11]. Постепенное вхождение США в центральноазиатский регион диктуется четко выверенными геополитическими соображениями, досконально учитывает американские приоритеты и интересы и направлено на поддержание стабильности в этом регионе, способствование экономическому прогрессу расположенных там государств, возможный и логичный учет интересов основных дружественных геополитиче-

ских игроков, задействованных в ведущейся там геополитической игре. Американские компании принимают активное участие в разработке нефтегазовых ресурсов Каспия, создании современной инфраструктуры для экспорта каспийских энергоносителей на мировые рынки, в том числе в США. Значительная часть усилий американской дипломатии в регионе направлена на предотвращение китайской и иранской экономической и политической экспансии в этот важный район. В политической сфере США пытаются способствовать укреплению стоящих у власти во всех странах региона секулярных авторитарных режимов. Видимо, этим объясняются усилившиеся за последнее время антиамериканские, постепенно трансформирующиеся в антизападные настроения[12]. Усилия США в регионе направлены и на борьбу с наркобизнесом, нелегальной торговлей оружием.

США считают для себя актуальной задачей и недопущение радикализации местного ислама, его политизации. Более концентрировано выразил американские интересы в Центральной Азии известный политолог Ариэль Коэн. Это – безопасность, энергия и демократия. По его словам, «американская внешняя политика не отдает приоритет одному из направлений в ущерб другим». Временами, однако, американские возможности стеснены натянутыми отношениями с большинством стран этого региона, в которых проявляют себя авторитарные тенденции. Но такие тенденции никоим образом не беспокоят Россию, Иран и Китай [13]. Вслед за некоторым охлаждением узбекистано-американских отношений, вызванным «непропорциональной» критикой Вашингтоном событий в Андижане в мае 2005 г., конструктивный диалог уверенно восстанавливается. США уже инвестировали в республику 500 миллионов долларов, и есть возможности их увеличения. Как писала российская «Независимая газета», «Узбекистан для США не просто одна из стран Центральной Азии. Через территорию республики проходит основной транзит американских грузов для Афганистана. Узбекистан уже играет жизненно важную роль в осуществлении международных усилий по борьбе с воинствующими экстремистами в Афганистане. Республика обеспечивает Афганистан столь необходимой электроэнергией, реализовывает инфраструктурные проекты, такие как строительство железной дороги в Мазари-Шарифе, а также оказывает содействие в транспортировке невоенных грузов в Афганистан[14]. В 2009 г. возоб-

новился официальный политический диалог между Вашингтоном и Ташкентом. Его первый результат – подписание в декабре 2009 г. главами двух стран плана действий по укреплению двустороннего сотрудничества на 2010 г. США намерены не ограничиваться лишь Узбекистаном, а планомерно расширить свое присутствие, в том числе военное, во всем центральноазиатском регионе. В Туркменистане и Киргизии создаются пограничные КПП и тренировочные центры по обучению местных сил безопасности. Тем самым, по мнению авторитетного российского политолога-востоковеда А. Малашенко, реализуется новая американская стратегия, «заключающаяся в принципе: базы – везде»[15] и предуматривающая неуклонное наращивание американского влияния в регионе.

Важным игроком на центральноазиатском геополитическом поле считает себя и **Китай**. Для этой страны связи с государствами региона имеют многовековую историю. Издавна Китай и государственно-политические образования Центральной Азии связывали интенсивные экономические связи. Через регион пролегал Великий шелковый путь, который в средние века был главным транспортным коридором в Европу и способствовал бурному развитию центральноазиатского региона в самых различных сферах. Китай был определенным «локомотивом торговли» стран региона, «служил важнейшим источником научных знаний и передовых технологий»[16]. На протяжении постсоветского периода Китай поначалу сосредоточился на восстановлении прерванного за последние столетия прямого диалога. С течением времени стало возможным проводить целенаправленную политику, охватывающую к данному времени взаимодействие по предельно диверсифицированным направлениям – в области безопасности, противодействия международному терроризму, исламскому фундаментализму, наркотрафику, доступу к природным ресурсам региона.

Как считают В. Парамонов, А. Строков и О. Столповский, сейчас можно констатировать значимое повышение роли ЦА во внешнеполитической и внешнеэкономической стратегии Китая и, соответственно, его существенную активизацию на центральноазиатском направлении[17]. Сотрудничество Китая со странами ЦА имеет стратегический характер, в нем практически нет места сиюминутным конъюнктурным соображениям. Решая серьезные задачи в сфере экономики, главным образом – в разработке нефтересурсов, строительстве инфраструктуры для их

экспорта в Китай, последний успешно пытается разрабатывать природные ресурсы региона. Так, в настоящее время становится все более заметным, что Китай интенсивно завоевывает узбекское энергетическое пространство, работая на перспективу. У него имеются «свободные деньги», что весомо отличает его от России в соревновании за энергоресурсы региона. Его главная стратегическая задача – «перетянуть на себя» серьезные газовые и нефтяные потоки из региона[18]. Она наполнилась реальным содержанием в 2004 г., когда было достигнуто соглашение в разведке нефти в узбекской части Ферганской долины и северо-западных регионах Узбекистана. Если в период с 1995 по 2004 гг. Китай предоставил Узбекистану кредитов на общую сумму 35 миллионов долларов, то вышеуказанный проект превзошел все предыдущие более чем в два раза[19]. Это означает, что России придется потесниться на рынке энергоресурсов.

Интенсивно развиваются и отношения Китая с Казахстаном. Возьмем показатели взаимного товарооборота. За первое полугодие 2010 г. он увеличился на 66% по сравнению с аналогичным периодом предшествующего года и составил 9 миллиардов долларов. При этом китайский импорт в Казахстан остался на прошлогоднем уровне, а казахстанский экспорт в КНР за полгода вырос более чем в 2 раза в сравнении с первой половиной 2009 г.[20] Его основу составили закупки нефти, газа, оборудования химической промышленности и др. В 2009 г. объем товарооборота между двумя странами составил 14 миллиардов долларов.

Сталкиваясь у себя в стране с угрозами сепаратизма и растущего в населенных преимущественно тюркоязычными уйгурами регионах Северо-Западного Китая (Синьцзян-Уйгурский автономный район, СУАР) исламского фундаментализма, проявившими себя в очередной раз весной и летом 2009 г., Пекин пытается различными способами препятствовать росту в регионе политизации ислама и росту пантюркизма, не допустить поддержки уйгурских движений СУАР со стороны центральноазиатских государств, главным образом Казахстана, Киргизии и Узбекистана, где имеются компактные массивы уйгурского населения.

Вполне логично, что Китай ревниво относится к все более заметному иностранному присутствию, особенно в военной сфере, со стороны США. Это грозит поступательному развитию его экспансии в этот регион. Пытаясь не допустить дестабили-

зации в этом и так крайне конфликтогенном, как показали события на юге Киргизии в июне 2010 г., регионе, Китай, тем не менее, шаг за шагом будет склоняться к необходимости принципиального диалога с другими главными геополитическими игроками в центральноазиатском регионе – США и Россией, главной темой которого станут проблемы региональной безопасности, других вызовов и угроз.

Нельзя снимать со счетов еще одного видного игрока – **Турцию**. Эта страна не могла не заинтересоваться таким важным феноменом, как возникновение в регионе Центральной Азии сразу пяти новых независимых государств, четыре из которых – Казахстан, Киргизия, Туркменистан и Узбекистан – принадлежат к тюркоязычному миру, что создавало некие «родственные» отношения по линии этнолингвистической и культурной общности. Превращение бывших союзных республик в полноправные субъекты мировой политики давало Турции потенциальный шанс превратиться в региональную державу. Этого можно было добиться, выстроив новую внешнеполитическую стратегию, которая бы зиждилась на развитии всесторонних отношений с новыми государствами ЦА. Это было бы выгодно и самой Турции, ибо руководство страны в начале 1990-х гг. было уверено, что объединение тюркоязычных государств, куда кроме стран ЦА вошел бы и Азербайджан, могло бы серьезно повысить геополитический вес Турции, стать важным козырем в ее вхождении в объединенную Европу. В подобном контексте могли обрести реальность мечты турецких политиков о возвращении их страны к той реальной силе, которой обладала Турция во времена Османской империи. Коллапс СССР, таким образом, предоставил Турции редкую возможность сплотить вокруг себя поднимающуюся к новой жизни тюркскую цивилизацию, включающую, кроме нее, еще 6 стран, образовавшихся на обломках бывшего Советского Союза. Как писал С. Хантингтон, в этом деле ее целиком поддерживает Запад[21]. На этой базе было возможна ревизия взглядов Запада по отношению к Анкаре. Соответственно, могли повыситься позиции страны в сферах международной безопасности, ее экономический вес[22]. Плотная «опека» со стороны Турции центральноазиатских государств могла, кроме всего прочего, повысить геостратегическую привлекательность Турции в глазах ее союзников в рядах НАТО, стать надежным мостом в строительстве Западом своих отношений со странами центральноа-

зиатского региона. В 1992 году состоялась первая встреча лидеров тюркоязычных государств, на которой было заявлено о сближении Казахстана, Турции, Азербайджана, Кыргызстана, Туркменистана и Узбекистана на основе языковой и культурной общности. На Западе приветствовали турецко-центральноазиатский диалог, потому что он в некоторой мере уводил эти страны от России, а с другой стороны, способствовал уменьшению влияния в регионе Китая и Ирана.

Запад был весьма заинтересован и в том, чтобы в новых странах центральноазиатского региона успешно внедрилась турецкая модель социально-экономического и государственного развития. Ее привлекательность там видели в том, что она подразумевала светский путь развития, демократизацию и свободные рыночные отношения. Для решения своих геополитических задач на центральноазиатском геополитическом пространстве Запад считал необходимым провести там необходимые трансформации именно в этих сферах, и Турция, на его взгляд, как нельзя более подходила в качестве модели для подражания и внедрения. Турецкий опыт мог быть реально востребован для создания модели современной секулярной демократии как страны с доминирующим мусульманским населением, выстроившей и успешно использовавшей систему многопартийности, преданной идее европеизации. В Турции видели «достойную модель развития» [23]. Заявления руководителей стран Центральной Азии в начале 1990-х гг. свидетельствовали об их готовности принять на вооружение такую модель развития. К сожалению, достаточно быстро выяснилось, что в Анкаре переоценили свои реальные потенции в создании общетюркской политико-экономической общности. Стало ясно, что у Турции нет достаточных ресурсов в этой сфере, она не может оказывать молодым тюркоязычным государствам требуемую и заранее обещанную экономическую помощь. Результатом явилась потеря турецкой моделью своей аттрактивности для лидеров стран центральноазиатского региона.

Следующим ударом по реализации турецкой модели в странах Центральной Азии явился приход к власти в Анкаре в 1996 г. исламистов во главе с Н. Эрбаканом, а затем, в 2002 г. – Р.Т. Эрдоганом. К этому времени все государства региона твердо определились с секулярным путем развития, а дальнейшее развитие Турции и все больший крен в сторону постепенной исламизации сформировали сомнения в престиже ту-

рецкой секулярной модели. В самой Турции на рубеже веков поняли необходимость пересмотра своей политики на центральноазиатском направлении. Известный турецкий политолог Б. Араз отмечал в этой связи: «Амбициозная и эмоциональная политика Турции по отношению к региону уступила место внешней политике, исходящей из реальных и конструктивных оценок»[24]. К настоящему времени можно констатировать второстепенность для Турции своих отношений со странами центральноазиатского региона.

Однако руководители этой страны по-прежнему верят в необходимость использования на этом направлении историко-цивилизационных интегрирующих ресурсов. Именно в таком контексте можно отметить прошедшую в середине сентября 2010 г. в Стамбуле юбилейную, десятую по счету встречу глав тюркоязычных стран. На ней был создан совет глав тюркоязычных стран, совет министров иностранных дел, комитет старших должностных лиц, совет аксакалов и секретариат. Таким образом, Союз тюркоязычных стран обрел институциональную форму. В рамках саммита состоялся обмен мнениями относительно функционирования Тюркской академии мира, открытой в мае 2010 г. в столице Казахстана Астане. По итогам саммита принята декларация глав тюркоязычных государств. Его участники выразили желание развивать взаимоотношения в торгово-экономической сфере и расширять сотрудничество, в частности в промышленной, сельскохозяйственной, транспортной, коммуникационной и других областях, на основе принципов равенства и взаимной выгоды. По крайней мере, на декларативном уровне было заявлено о стремлении тюркоязычных государств приступить к интеграции экономик и построению общей внешней политики, целью которой является совместное противостояние общим вызовам и угрозам.

На фоне вышеназванных серьезных игроков на геополитическом поле Центральной Азии весьма солидно выглядит и **Иран**. Исламская Республика Иран заставляет в последнее время все чаще говорить о себе как о стране, играющей все большую роль в мировых геополитических процессах. Эта региональная держава последовательно усиливает свое геополитическое влияние, выступая с антиамериканских и антиатлантических позиций, во многом совпадающих с позицией России и, частично, Китая. Ее политическая активность на цен-

тральноазиатском направлении определяется следующими факторами:

- признанием Ираном своей особой роли в развитии постсоветских государств Центральной Азии и Южного Кавказа,
- отношениями с Россией,
- исламским фактором,
- глобальным фактором (участием Запада в реализации региональной политики)[25].

Внимание Ирана к центральноазиатскому региону во многом определяется соображениями в сфере безопасности, вытекающими из задач обеспечения стабильности своих северных границ. Это логично означает обязанность Тегерана всячески способствовать обеспечению безопасности в граничащем с Ираном регионе Центральной Азии.

Иранское руководство как в начале 1990 годов, так и двадцать лет спустя, полагает, что предельно диверсифицированный диалог со странами центральноазиатского региона настоятельно необходим ему для выхода из политической и экономической изоляции, существенно осложняющей его позиционирование в современном мире и причиняющей ему колоссальный имиджевый вред. Особенно это касается атомной проблемы, где ныне реализуется четвертый пакет санкций. В этой связи для него важна выражаемая время от времени поддержка стран региона Центральной Азии. Так, трудно переоценить значение декларативного по своей сути заявления Организации экономического сотрудничества (ЭКО), что она не будет предпринимать санкции против Ирана. Ее генеральный секретарь Мухаммед Яхья Маруфи 29 августа 2010 г. выразил надежду, что страны-члены ЭКО продолжат сотрудничество и расширят его в сфере транспорта и свободной торговли внутри организации. Кроме этого, развивая сотрудничество со странами Центральной Азии, Иран тем самым способствует интенсификации своих связей со странами Европы и Азиатско-Тихоокеанского бассейна. Опыт прошедших лет демонстрирует справедливость такого предвидения.

Выверенная и взвешенная политика Ирана на центральноазиатском направлении помогает ему и в максимальной степени использовать все плюсы своего геостратегического положения для транзита как своих, так и центральноазиатских энергоносителей. Вот почему все прошедшие годы Иран ставит

взаимодействие в транспортной сфере в центр планов двустороннего сотрудничества, содействуя одновременно созданию везде, где возможно, развитию свободных экономических зон. Несмотря на все это, не представляется возможным говорить о том, что стороны смогли «в полной мере использовать свои возможности для расширения экономического сотрудничества» 26. Однако даже достигнутые весьма скромные успехи подтверждают правильность выбранной Ираном стратегии проникновения в важный для него центральноазиатский регион.

Факторы взаимного интереса

Для новых независимых стран, образованных после распада СССР, Иран представлял и поныне представляет важный вектор тяготения. Здесь имеется значительный людской потенциал. Население Исламской Республики Иран на начало 2010 г. оценивается в 76 миллионов человек. В последние десятилетия оно росло быстрыми темпами и увеличилось с 18,96 миллионов человек по итогам первой всеобщей переписи 1956 г. до 70,472 миллионов человек по итогам переписи 2006 г.[27] Рождаемость составляет 17,8 человек на 1000 населения, а смертность – 5,8 человек на 1000 населения. Средняя продолжительность жизни иранских граждан составляет примерно 71 год. Доля городского населения равна 67,4%, сельского – 32,6%. Средняя плотность населения по стране составляет 43 человека на квадратный километр, при этом максимальный показатель зафиксирован в Тегеране – 708 человек на квадратный километр, а минимальный – в провинции Семнан, где он равняется 6 человекам на квадратный километр. Последние годы отмечены резким превышением молодых возрастов в демографической структуре населения страны.

Нынешние возрастные пропорции населения следующие: до 14 лет – 44%, 15–64 лет – 52%, старше 65 лет – 4%. Численность активного населения превышает 22 миллиона человек. В последние годы Иран стабильно демонстрирует достаточно высокие темпы экономического развития. В период с 2000 до 2007 г. годовой рост ВВП составлял 5,9%. Учтем при этом, что соответствующий среднемировой показатель стоял на отметке 3,2%. Что касается показателей 1388 г. по иранскому летоисчислению, то есть с марта 2009 до марта 2010 г., то

рост промышленного производства в ИРИ составил 6,4%, причем в добывающей сфере – на 8,4%. В течение 1388 г. официально декларированный уровень инфляции снизился до 11,5%. К концу предшествовавшего года инфляция составляла 25,4%. Очень выгодно сравнить это с соответствующими цифрами первого послереволюционного десятилетия, то есть примерно того времени, когда начиналось сотрудничество Ирана с новыми независимыми государствами Центральной Азии. Тогда в Иране среднегодовой показатель был равен 1,7%, в мире же он стоял на отметке 3,2%. Как считает ведущий российский специалист по иранской экономике Н.М. Мамедова, причина такого успешного подъема кроется в смене экономической модели развития и отказе от преимущественной ориентации на государственный сектор[28]. Все более важная роль начала отводиться национальному бизнесу. Его активизация реализуется не только в региональном, но и глобальном масштабе. В планах иранского руководства на ближайшие три года намечено приватизировать около 150 государственных компаний, выручка от которых только по итогам 2010 г. может составить до 12,5 миллиардов долларов[29]. В 2007 г. валовой национальный продукт на душу населения равнялся в ИРИ 3470 долларов. По паритетам покупательной способности этот показатель составлял 10800 долларов[30]. Официально декларируемый уровень безработицы составляет 12,1%, хотя специалисты оценивают его почти в 30% и считают, что с развитием мирового экономического кризиса и его влиянием на национальную экономику этот показатель будет увеличиваться. В общественном производстве занято порядка 10–12 миллионов мужчин, на военной службе – 1 миллион 100 тысяч человек. При этом в случае необходимости дополнительно могут быть рекрутированы для пополнения вооруженных сил, отраслей экономики и формирований гражданской обороны примерно 10–11 миллионов человек. Интерес представляет и тот факт, что современный Иран относится к числу стран с высоким уровнем грамотности. Среди населения старше 6 лет этот показатель равняется 86,5%, а в возрастной группе от 6 до 29 лет – 96,5%. Сравним показатели предреволюционного 1978 г., когда уровень грамотности по стране составлял 69% среди мужчин и 48% среди женщин[31]. Индикатором престижности образования становится то, что иранские школьники и студенты все чаще заявляют о себе победами в региональных и международных

олимпиадах и конкурсах по гуманитарным и точным наукам. Интересно отметить, что широкое распространение в стране интернета не уменьшает числа книголюбов. Исследования в Иране в этой области показали, что за последние несколько лет общий уровень чтения книг, особенно на темы здравоохранения, психологии, самопознания, теологии и религии, существенно повысился. Следовательно, повысился и уровень общих знаний в обществе, благодаря чему иранцы стали проявлять больше чувствительности к важным проблемам социального характера, которые связаны с судьбой всего народа и общества.

Данные об уровне публикации книг в Иране по сравнению с предыдущими годами говорят о том, что этот показатель растет с каждым годом. Среди ближневосточных стран здесь один из самых высоких уровней пользования интернетом. В 2005 году 8% населения страны, т.е. 5,5 миллионов иранцев имели доступ к интернету, что показывает рост на 230% в сравнении с 2000 годом. Последние исследования свидетельствуют о том, что большинство пользователей интернета в иранском обществе составляет молодежь. Возрастная категория от 18 до 28 лет занимает первое место среди пользователей, которые обращаются в интернет для чтения книг и получения доступа к новым знаниям[32]. Согласно опубликованным в феврале 2010 г. данным, Иран наряду с Турцией является страной, где наука развивается быстрее, чем в среднем по миру. Этот вывод представлен в отчете по итогам анализа данных о количестве научных публикаций, изданных учеными из разных стран за последние тридцать лет. В 2009 году в мире опубликовано 1,5 миллиона научных работ, из них 29% приходится на Азию, 36% – на долю ученых из стран Европы, а американские специалисты опубликовали 28% от общего числа статей. Иран стал лидером азиатского региона по темпам увеличения числа научных публикаций. Наибольший процент статей иранские ученые написали в области неорганической химии, ядерной химии и физики, физики элементарных частиц и ядерной энергетики. При этом число публикаций, посвященных разработкам по ядерной энергетике, в Иране в последние 30 лет росло в среднем в 250 раз быстрее, чем в целом по миру[33]. Показателем уровня развития страны является и то, что объем иранского экспорта инженерно-технических услуг превысил в 2009 г. 2,5 млрд. долларов. Годом раньше объем экспорта промышленной и горнопромышленной продукции составил в стоимостном выражении 15,2 млрд. дол-

ларов, и на экспорт услуг приходится примерно одна шестая часть от названной суммы. От 40 до 50% от стоимости всего ненефтяного экспорта страны приходятся на долю компаний-членов Общества экспортеров промышленной продукции, полезных ископаемых и инженерно-технических услуг, которых в Иране насчитывается более 200. Имеется 50 инженерных компаний, которые занимаются экспортом инженерно-технических услуг[34].

В течение последних двух десятилетий ИРИ показывает значительные успехи в промышленном, экономическом, научном, культурном, военном развитии, достаточную активность участия в работе различных региональных и глобальных организаций, став важным элементом международного политического процесса. Ее можно с полным основанием назвать одним из главнейших ближневосточных политико-экономических центров. Иран является ныне одним из ведущих экспортеров нефти на глобальном уровне: в 2008 г. вывоз этого энергоносителя из страны составил 2,8 миллиона баррелей в день[35]. На начало 2009 г. золотовалютные запасы страны составили почти 100 миллиардов долларов[36]. Несомненно, все это создает существенную привлекательность ИРИ для партнеров. Одновременно с этим для стран Центральной Азии важно значение Ирана как главнейшего транзитного транспортного пути к мировым рынкам, открывающего ворота как в страны Ближнего Востока, так и через Турцию – в Европу, а также – в Пакистан, Индию, другие страны Юго-Восточной Азии.

В то же время центральноазиатский регион бывшей Советской Средней Азии и Казахстана, который включает в себя 5 новых независимых государств, образовавшихся в 1991 г. после распада СССР – Казахстан, Киргизию, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан, также имеет приоритетное значение для предельно идеологизированной иранской внешней политики. Это вытекает из декларируемой иранской Конституцией 1979 г. идеи оказания всемерной поддержки мусульманским государствам. Появление целого ареала государств с доминирующим мусульманским населением представило Ирану редкую историческую возможность закрепиться в этом новом геополитическом пространстве. Есть и другое важное обстоятельство, обусловившее желание руководства исламского Ирана к сближению с центральноазиатским регионом. Речь идет о соседстве этих стран с Ираном, протяженной общей границе.

Большое значение имеет и традиция беспрецедентно тесных исторических и культурно-цивилизационных связей, существовавших между Ираном и странами центральноазиатского региона в течение многих веков. На основании этого Иран стремится играть роль активного интегрирующего фактора на возникшем в постсоветскую эпоху новом геополитическом пространстве, используя для этого свое экономическое, политическое и культурное присутствие. Стратегические интересы Ирана в центральноазиатском регионе определялись разными задачами. Так, его активность на этом направлении могла иметь своим позитивным следствием укрепление безопасности северных районов страны, превращение их в зону добрососедства. Разумеется, при этом Иран присоединяется к поиску и реализации путей обеспечения стабильности и безопасности в самих центральноазиатских странах. Включение Ирана в процесс интеграции со странами Центральной Азии означает для него частичное преодоление изоляции, в которую он сам себя втянул в период после установления в стране режима исламской революции, «...уменьшение враждебности и увеличение симпатий по отношению к себе»[37]. Центральноазиатский регион мыслится Ираном и как политическая площадка для интенсификации отношений с Европой, а также региональными лидерами мирового значения, такими как Китай и Япония.

Еще до установления дипломатических отношений со странами мусульманского ареала СССР в Иране разработали стратегию своего постепенного проникновения в эти государства. Пропаганду идей исламской революции решено было проводить через сеть представительств ИРИ в странах региона после налаживания с ними дипломатических отношений, установления разнообразных религиозных контактов путем проведения всевозможных культурных мероприятий. По выражению американских иранистов Фархада Каземи и Зохрэ Адждари, «Иран делал все возможное, чтобы обозначить свое присутствие там»[38]. Так, министерство культуры и исламской ориентации ИРИ открыло в тогдашней столице Казахстана – Алма-Ате специальное региональное представительство, активно выполнявшее разнообразные функции культурного центра. В его задачи входило практическое претворение идеологической базы и концепции иранской экспансии в регионе[39]. Практическая часть этой концепции предусматривала широкомасштабное экономическое сотрудничество, создание динамичных транс-

портных связей, открытие посольств и консульских учреждений, всяческое содействие вступлению и полноправному членству в таких международных структурах, как Организация Исламская конференция (ОИК), Организация экономического сотрудничества (ЭКО), Исламский Банк[40], помощь в транзите товаров и др.

На рубеже 1980–1990-х годов, то есть ко времени распада СССР и образования на постсоветском пространстве новых независимых государств, в Иране закончился период революционной романтики и революционного исламизма и началась эра исламских прагматиков. Это совпало с приходом на президентский пост Али-Акбара Хашеми-Рафсанджани, много сделавшего за свои две каденции (1989–1997 гг.) для налаживания ирано-центральноазиатского диалога. У Ирана к этому времени имелся преимущественно отрицательный опыт опоры в своей внешней политике на идеологическую концепцию исламской революции, подразумевавшей в качестве базисного стремление ее продвижения в соседние исламские государства. Это исходило из установок вождя исламской революции аятоллы Рухоллы Хомейни, нацеленных на доминирование идей революционного ислама в реализации внешней политики. Такая концепция сразу после победы исламской революции в Иране отрабатывалась по отношению к соседним странам бассейна Персидского залива, где была воспринята враждебно, потому что в Заливе это связывали с реальными угрозами собственной безопасности. Там широко использовался шиитский фактор, ибо последователи этой мусульманской конфессии составляют «значительную, а в некоторых странах и подавляющую часть населения»[41]. В первое десятилетие после победы в Иране исламской революции, под влиянием акций, вытекающих из реализации Ираном концепции экспорта исламской революции, в странах региона Персидского залива были многочисленные шиитские выступления, спровоцировавшие политическую нестабильность.

Особенно это было заметно во взаимоотношениях Ирана с Саудовской Аравией. Здесь всегда влияли такие элементы внешней политики двух стран, как непрекращающаяся борьба за лидерство в регионе Персидского залива и их нефтяное соперничество. Но в предшествующие иранской исламской революции десятилетия Тегеран никогда не претендовал на роль некоего исламского центра силы. Февральские события 1979 г. стали настоящим шоком для саудовской королевской семьи:

это был подлинный идеологический вызов в монополизированной королевством идеологической сфере вляния. Большая угроза Эр-Рияду исходила от настойчивых пропагандистских действий покойного лидера иранской революции аятоллы Хомейни, неустанно доказывавшего, что провозглашенная им республика является абсолютной исламской моделью и воплощает в себе центр мирового ислама. А раз так, говорили в Тегеране, то возникает серьезное сомнение в законности права саудовского монарха быть хранителем священных мест ислама, концентрировать в своих руках лидерство во всем исламском мире. Опасения саудовцев еще более усилились, когда Иран создал ряд альтернативных уже существовавшим к тому времени под эгидой Саудовской Аравии международным исламским организациям структур, таких как Постоянный комитет по хаджу, Международный конгресс пятничных имамов, Международное бюро исламской пропаганды. Это внесло в идеологические противоречия двух стран и политико-религиозное измерение.

Но не это было главным. Демонстрируя активную антизападную политику нового исламского строя, аятолла Хомейни очень решительно выступил против тех стран региона, которые имели, на его взгляд, тесные отношения с западным державами, в первую очередь с США, которые лидеры нового Ирана официально провозгласили «главным сатаной» и врагом номер один. В таком контексте Саудовская Аравия, достигшая к периоду исламской революции достаточно высокого уровня связей с Америкой, подходила на роль регионального недруг.

Тегеран не просто не устраивал такой порядок вещей: Иран стал откровенно и открыто требовать свержения существовавшей в саудовском королевстве правящей династии. При этом в Иране рассчитывали широко использовать шиитскую пятую колонну в этой стране – примерно полумиллионную шиитскую общину, которая могла быть задействована в качестве горючего материала уже хотя бы потому, что была экономически и политически обездолена. В этой преимущественно суннитской стране шииты находились на положении париев, не имели целого ряда гражданских прав, для них был даже определен своеобразный «потолок» в административном аппарате и армии. Вот почему, провозгласив себя защитником обездоленных мусульман всего мира, аятолла Хомейни всерьез полагал, что

для подрыва саудовского режима изнутри здешние шииты могут быть очень полезны.

Частично его предположения оправдались. Уже через 9 месяцев после победы исламской революции саудовские шииты подняли восстание. Они сумели на некоторое время захватить даже главную мусульманскую святыню в Мекке – Великую мечеть, объявив, что делают это в знак протеста против тесных связей королевского двора с Америкой. Тогда саудовский монарх решил не бороться с шиитами, а лишить их борьбу экономических и политических козырей – в стране были официально отменены все виды правовой и экономической дискриминации шиитов.

Иранцы воздействовали на саудовцев и путем организации всевозможных беспорядков во время ежегодного паломничества мусульман – хаджа в Мекку и Медину. После победы исламской революции в Иране решили, что хадж является удобным поводом для пропаганды идей экспорта своей революции. Колонны иранских паломников стали устраивать многолюдные шествия и демонстрации, лозунги которых имели антисаудовскую и антизападную направленность. На это выделялись значительные средства, готовилась масса пропагандистской литературы, всевозможные транспаранты, красочные портреты имама Хомейни. Из года в год возрастало число иранских паломников к святым для мусульман местам: к 1982 г. оно в четыре раза превысило дореволюционный уровень и достигло 180 тысяч человек. Поначалу саудовцы не предпринимали решительных мер, но через три года после революции, когда демонстрации иранских паломников стали препятствовать нормальному проведению хаджа, в Эр-Рияде решили действовать. В качестве превентивной меры арестовали и выслали из аэропорта Джидды в Тегеран все руководство группы иранских паломников. Спустя 5 лет, в 1987 г., в Тегеране решили взять реванш. К святым местам направилось примерно 150 тыс. паломников, заранее ориентированных на проведение массовых беспорядков. Многотысячные и многочасовые манифестации на улицах главных городов страны вынудили короля Саудовской Аравии к решительным действиям. Наведение порядка стоило жизни почти 300 иранским паломникам, еще столько же было ранено. В Иране использовали эту трагедию как повод обвинить саудовцев в неумении обеспечить безопасность святых мест. Иранская пресса тех дней пестрела призывами «очистить Мек-

ку от нечестивых ваххабитов», «свести счеты с преступными лакеями колониализма». Предлагалось даже конфисковать главный источник саудовского благополучия – нефтезапасы королевства – и использовать вырученные средства на борьбу с «оплотом мировой деспотии» – США. Впрочем, тогда большинство исламских стран осудило действия Ирана по узурпации лидерства в мусульманском мире. Оголтелая антисаудовская пропаганда тегеранских властей привела к разрыву в 1988 г. дипломатических отношений между двумя странами. Инициатива исходила от Саудовской Аравии, где решили, что риск внутриполитической дестабилизации, связанный со все еще продолжавшейся активизацией политики экспорта исламской революции, явно перевешивал выгоды двустороннего диалога. С кончиной в начале лета 1989 г. аятоллы Хомейни в Иране обозначился закат эпохи оголтелого фанатизма. К президентской власти пришли исламские прагматики: вначале Хашеми-Рафсанджани, начавший осторожно и робко, под грузом резко изменившегося в мире порядка вещей, пересматривать геополитические приоритеты Исламской республики и пришедший к необходимости смягчения идеологических постулатов в угоду экономической и политической целесообразности, а затем реформатор Хатами, решившийся на развитие диалога с Западом, что отразилось и на ирано-саудовском сближении с постепенной нормализацией отношений.

Шиитский фактор в значительной мере лежал и в основе причин, объясняющих восьмилетнюю ирано-иракскую войну (1980–88 гг.), всерьез осложнившую социально-экономическое положение страны и втянувшую ее в сети изоляционизма. Уроки этой войны, вызванной желанием аятоллы Хомейни экспортировать в соседний Ирак исламскую революцию, предоставив власть шиитскому большинству, угнетаемому суннитским меньшинством, вынудили иранское политическое руководство сменить акценты в своей внешней политике, обратившись к прагматизму. Вероятно, это понял на исходе своей жизни (он скончался в июне 1989 г. – В.М.) сам Хомейни, решившись на полноценный политический диалог вместо насильственного идеологического экспорта.

В Иране на деле отказались от присущей первому послереволюционному десятилетию революционно-романтической исламской риторики, полагая, что она не может быть адекватно воспринята на постсоветском пространстве. Там четко уясни-

ли, что применительно к новым независимым государствам Центральной Азии, где больше шести десятилетий насаждался атеизм, хотя не был полностью искоренен ислам, идеи революционного исламизма не имеют естественной среды для активного и творческого восприятия концепции экспорта исламской революции. Именно поэтому, реализуя политический диалог со странами Центральной Азии, где мусульманское население является доминирующим, Иран не апеллирует напрямую к религии как интегрирующему фактору, оставляя ее на периферии. Как считает американский исследователь ирано-центральноазиатских отношений У. Джонстон, «сегодня Тегеран рассматривает распространение революционного ислама за пределами своих границ как потенциальный источник дестабилизации для самой ИРИ – и с точки зрения безопасности, и с точки зрения экономики» [42]. Именно поэтому в Иране заинтересованы в политической и экономической стабильности в соседствующем с ними центральноазиатском регионе. Это может служить залогом этнической безопасности многонациональной Исламской Республики Иран.

Горький опыт дестабилизации в соседнем Ираке научил иранское руководство ценить бесконфликтность в отношениях со странами, имеющими общую границу. Только на этой базе в начале 1990-х гг. можно было установить нормальные отношения с северными соседями, наладить экономические связи, которые могли быть существенно важными при выходе из экономического упадка как результата затяжной войны с Ираком. Апеллирование к экспорту исламской революции могло только отпугнуть от Ирана его потенциальных экономических партнеров в лице стран Центральной Азии. Кроме того, форсированное внедрение революционного ислама в страны центральноазиатского региона, где оно могло усилить позиции поднимающейся исламской оппозиции, было способно радикально дестабилизировать там ситуацию, блокируя тем самым развитие политико-экономического диалога с Тегераном. Вдобавок к этому, такие коллизии могли навредить отношениям между Ираном и Россией, которая являлась и до сих пор является главным политическим и торгово-экономическим партнером ИРИ на постсоветском пространстве, с которой у Ирана существует налаженное и неуклонно растущее военно-техническое сотрудничество. «Требования *realpolitik* в отношениях с Москвой безусловно исключают экспорт исламской революции на территории

бывших южных республик СССР»[43]. Разумеется, в Иране старались всемерно учесть подобное обстоятельство при выстраивании своей политики на центральноазиатском направлении.

Помощь и поддержку при вступлении в международные организации Иран начал оказывать странам Центральной Азии немедленно после провозглашения ими независимости. При его содействии как авторитетного члена ОИК все страны региона ныне представлены в этой самой многочисленной международной структуре исламского сообщества[44]. Такое расширение стран-участниц ОИК, вне всякого сомнения, повышает авторитет этой организации в мире. Важно учесть еще одно обстоятельство: пополнение ОИК странами Центральной Азии и Азербайджаном повышает долю в этой организации неарабских государств, что «...усиливает... позицию Ирана»[45].

У Ирана, между тем, не получается конструктивного сотрудничества с центральноазиатскими государствами в рамках ОИК. В 1997–2000 гг., будучи дежурным председателем ОИК, Иран использовал эту каденцию для нагнетания антиизраильской истерии. В 1997 г. на первом саммите ОИК в Тегеране Иран инициировал специальную резолюцию по Иерусалиму, где заявлялось, что в случае создания палестинского государства со столицей в Иерусалиме, туда будет немедленно перенесена штаб-квартира ОИК. Ряд либеральных исламских государств, в их числе новые члены ОИК из СНГ, отказались поддержать такую резолюцию, чем навлекли на себя гнев Тегерана. В 2000 г. на саммите ОИК в Дохе (Катар), куда на условиях ротации переместилась штаб-квартира ОИК, Иран выдвинул резолюцию, которая должна была дать оценку наличию у того или иного исламского государства отношений с Израилем. При этом Иран не принимал в расчет той реальности, что уже в течение многих лет развивается активное и достаточно плодотворное сотрудничество Израиля и входящих в ОИК стран Азии и Африки. Наиболее динамично Израиль взаимодействует как раз с исламскими странами СНГ. Разумеется, ни одна из этих стран не готова ликвидировать выгодное для себя направление сотрудничества. Кроме того, такие лидирующие страны исламского мира, как Египет и Турция, на саммите в Дохе выразили мнение, что ОИК неправомочна оказывать давление в направлении разрыва отношений с той или иной страной и рассматриваемая в этой связи резолюция должна носить только рекомендательный характер. Иранский вариант резолюции

был, таким образом, отвергнут, причем за это проголосовали и все страны – члены ОИК из СНГ. Таким образом, плодотворного диалога между Ираном и государствами Центральной Азии в рамках ОИК не происходит. Однако возникают ситуации, когда страны ЦА вынуждены прибегать к помощи Ирана как страны, обладающей в ОИК определенным весом и авторитетом. Так, намереваясь занять в 2011 г. пост дежурного председателя этой организации, Республика Казахстан попросила поддержки Ирана в этом вопросе. Председатель Сената Парламента Казахстана Касым-Жомарт Токаев сказал в этой связи, принимая вновь назначенного посла Исламской Республики Иран Горбана Сейфи: «В осуществлении этой важной миссии мы рассчитываем на поддержку Ирана – влиятельного исламского государства»[46].

В то же время достаточно много сделала Исламская Республика Иран для интеграции этих стран в рамках Организации экономического сотрудничества, более известной ныне по аббревиатуре ЭКО (анг. ECO- Economic Cooperation Organization). Эта организация образовалась в конце 1985 г. на базе существовавшей ранее организации «Региональное сотрудничество ради развития», объединявшей в 1960–1970 гг. Иран, Турцию и Пакистан. С победой в Иране в 1979 г. исламской революции она прекратила свое существование. Через несколько лет, в конце 1985 г. организация была реанимирована под названием ЭКО, но долго не могла стать на ноги. Как говорил тогдашний президент Турции Тургут Озал, «нам не помешало бы вливание свежей крови»[47].

Реальная возможность расширения организации появилась в начале 1990-х годов, после распада СССР и образования рядом с зоной деятельности ЭКО новых государств. Уже через два месяца после образования СНГ эта проблема обсуждалась на встрече в Ашхабаде лидеров стран-основателей ЭКО с президентами всех центральноазиатских государств. На очередном заседании совета министров ЭКО, прошедшем 28 ноября 1992 г. в Исламабаде, в его состав были приняты все пять центральноазиатских государств и Азербайджан. Одновременно с этим членом ЭКО стал и Афганистан.

Иран занимает в ЭКО главенствующее положение. Для него привлечение в состав ЭКО государств постсоветского пространства, несомненно, означало дополнительную возможность укрепления своего политического веса в международной

сфере, особенно в свете затянувшейся международной изоляции страны. Кроме того, через ЭКО Иран намеревался реализовать свои амбиции в разрезе регионального лидерства. Его руководители поначалу хотели видеть в лице ЭКО не только экономический союз, но и авторитетное объединение исламских государств с антизападной доминантой. С течением времени, однако, происходила эволюция такой концепции. Так, с приходом к власти в 1997 г. исламского реформатора-прагматика С.М. Хатами в Иране дистанцировались от планов превращения ЭКО в полюс силы или объединение исламских государств. Однако до сих пор Иран не отказывается использовать ЭКО в качестве политической трибуны. С.М. Хатами, проложивший в 1997–2005 гг. дорогу к диалогу Ирана со странами Запада, опирался именно на ЭКО в реализации иранo-западноевропейского диалога. Начавшаяся в 2005 г. эпоха правления неоконсерваторов вновь сместила для Ирана акценты в пользу приоритетного развития ЭКО как международной исламской структуры.

Президент М. Ахмадинежад, желая усиления роли своей страны в ЭКО, не раз высказывался в последние годы против вмешательства «третьих сил» в ее деятельность, заявляя, что это может привести к «...усилению нестабильности, закреплению отсталости и разграблению природных богатств региона»[48]. В Иране надеются и на то, что с течением времени ЭКО может реально играть роль некоей надгосударственной структуры, нацеленной на защиту региональной безопасности. В Тегеране находится штаб-квартира ЭКО, и послы всех стран-членов этой организации являются в ней постоянными представителями, составляя центральный рабочий орган. По сути, ЭКО до сего дня реально функционирует как некое аморфное сообщество 10 соседствующих государств, не демонстрируя на деле интегрированную общими целями и задачами систему, внутри которой «...члены могли бы в полной мере обеспечить потребности друг друга. ...Несомненно, что руководство ИРИ отказалось от планов превращения ОЭС (ЭКО – В.М.) в своеобразный полюс силы или содружество исламских государств, но продолжает рассматривать эту организацию как гаранта национальной безопасности. ...ОЭС по-прежнему остается для Ирана политической трибуной и инструментом для укрепления своих позиций в регионе, а также основой для интенсификации отношений со странами Запада»[49].

Сразу же после включения в состав ЭКО стран-участниц СНГ путем консенсуса определились основные направления интеграционной деятельности в рамках организации. Это – транспортно-коммуникационная сфера, энергетика, сельское хозяйство, промышленность, частично – наука, культура и образование. Самую активную деятельность в рамках ЭКО реализует Иран. Развитие сотрудничества в различных совместных проектах помогает ему преодолевать политическую и экономическую изоляцию страны, выйти из сферы действия продолжающихся против него американских и международных экономических и политических санкций. Кроме того, разнообразный иранский экспорт передовых технологий в страны-партнеры по ЭКО и предоставляемый Ираном своим партнерам по ЭКО режим наибольшего благоприятствования в торговле позволяют существенно улучшить имидж ИРИ на региональном уровне.

Авангардная роль в ЭКО необходима Ирану и для поддержания и укрепления своих позиций как страны, претендующей на лидерство в исламском мире, и одного из решающих игроков на центральноазиатском векторе постсоветского пространства. Именно поэтому Иран всячески противится идее включения в ЭКО новых членов, в частности, России. На его взгляд, это дало бы России дополнительные шансы к лидерству в регионе и подорвало бы политический вес Тегерана. Такую позицию Ирана поддерживают и другие страны-члены ЭКО[50]. Прошедшая в ноябре 2006 г. в Мешхеде (Иран) Четвертая научная конференция «Центральная Азия и внешняя политика Исламской Республики Иран» подчеркнула особое значение ЭКО в развитии отношений Ирана с государствами региона, отметив, что в перспективе руководство страны предполагает реализовать в рамках ЭКО ряд масштабных проектов[51].

За прошедшие годы наиболее активно в проектах ЭКО были задействованы Туркменистан и Казахстан. Их приоритеты лежат в сфере транспорта и экспорта энергосителей. Именно в этой области Иран в состоянии эффективно помочь своим географическим соседям, не имеющим выхода к международным торговым путям. В последнее время заметную активность в рамках ЭКО стал проявлять Таджикистан. Своеобразными аутсайдерами ЭКО считаются Узбекистан и Киргизия. В то время как пассивность Киргизии объясняется ее невостребованностью в ряде совместных объектов, ситуация с Узбекиста-

ном представляется более сложной и обосновывается рядом серьезных причин. Президент И. Каримов всерьез критикует саму концепцию регионального экономического сотрудничества в таком виде, как она реализуется в рамках ЭКО. По его словам, до сих пор не разработаны приоритетные сферы сотрудничества, которыми и следовало бы ограничиваться. Каримова не устраивает и ярко выраженная политизация ЭКО, сосредоточение всех рычагов ее руководства в руках Ирана. В этом он не одинок. В рамках ЭКО сложился определенный конфликтный потенциал, связанный с противодействием ряда входящих в ЭКО стран усилению позиций Ирана. В сентябре 2005 г. во время встречи в Нью-Йорке министров иностранных дел стран-членов ЭКО с участием ее Генерального Секретаря Асхата Оразбая было заявлено о необходимости выработки новой стратегии и изменении организационной структуры, концентрации усилий стран-членов на развитии транспортных и энергетических коммуникаций. По всей видимости, это можно считать началом процесса пересмотра основ руководства ЭКО. Однако это не говорит о кризисе организации. Напротив, на ее саммите, прошедшем в мае 2006 г. в Баку, была выражена решимость увеличить в течение ближайшего десятилетия взаимный товарооборот в четыре раза. За эти же годы будет создана единая торговая зона, проведена гармонизация тарифной политики, таможенных сборов.

В итоговом заявлении стран-участниц 10-го саммита ЭКО, состоявшегося в 2009 г. в Тегеране, решено создать к 2015 году зоны свободной торговли. Кроме этого, главы государств-членов приветствовали предложение о создании совместного банка, об упрощении экспортно-импортных операций и увеличении товарооборота между странами региона. Несомненно, важна и договоренность по предотвращению коррупции и легализации незаконно полученных денег, по расширению сотрудничества в энергетическом секторе, содействию развития частного сектора путем проведения регулярных ярмарок, а также расширению сотрудничества по смягчению последствий глобального экономического кризиса. На Тегеранском саммите ЭКО было также заявлено об одобрении соглашения с Исламским банком развития и Экономической и социальной комиссией для Азии и Тихого океана (ЭСКАТО), а также меморандума о взаимопонимании с ООН в деле борьбы с нелегальной миграцией. Для стран Центральной Азии это будет означать до-

полнительные возможности диверсификации своей внешнеэкономической деятельности.

Для Ирана привлекательно участие и в других международных структурах, в которых задействованы страны Центральной Азии. Зачастую, в отличие от ЭКО и ОИК, сам Иран обращается за помощью к государствам Центральной Азии для вступления в эти структуры. В значительной мере это касается Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Ее формирование связано с идеей создания блока, способного решать главным образом вопросы безопасности в регионе в связи со слабой защищенностью границы с Афганистаном, что провоцирует опасность проникновения оттуда исламских экстремистов и их активизацию в регионе.

ШОС была создана в апреле 1996 г. на саммите в Шанхае главами Китая, России, Казахстана, Таджикистана и Киргизии. Кроме вышеперечисленных, в круг задач ШОС были включены и такие, как борьба против организованной преступности и наркоторговли, сотрудничество в сферах экономики и энергетики, взаимодействие в области внешней политики. В июне 2001 г. к форуму присоединился Узбекистан. В 2004 г. на очередном саммите в Ташкенте был создан институт наблюдателей, и в следующем году этот статус был предоставлен Индии, Ирану и Пакистану, а затем – Монголии и Афганистану. В 2009 году на встрече в Екатеринбурге главы стран-участниц ШОС приняли решение о предоставлении статуса партнера по диалогу ШОС Демократической Социалистической Республике Шри-Ланка и Республике Беларусь.

Со временем, однако, ШОС стала реально превращаться в военно-политический блок, представляющий собой в определенной мере «противовес НАТО»[52]. В таком контексте, а также ввиду проявляющейся антизападной направленности ШОС Иран стал выражать стремление стать постоянным членом этой организации. Официально об этом было заявлено в марте 2008 г. во время визита в Таджикистан главы МИД ИРИ Манучехра Моттаки. Разумеется, такого же статуса ждут и Монголия, Афганистан, Индия и Пакистан. Как отмечает в этой связи аналитик-иранист Н. Тер-Оганов, «такое резкое расширение состава ШОС может, с одной стороны, превратить эту организацию в мощный военно-политический блок, однако, с другой стороны, такое разбухание ШОС может трансформировать ее в аморфное образование, что может свести на нет первооче-

редные задачи учредителей этой организации»[53]. Отметим и то, что в случае приема в него дополнительных стран ШОС получит в «наследство» целый пакет острейших проблем, главная из которых – борьба против терроризма в Афганистане, Пакистане и Индии.

Чем же привлекает Иран эта организация? Несомненно, для него важно то, что имеется совпадение геостратегических, политических и экономических интересов внешних игроков, то есть Китая, России и Ирана, в центральноазиатском регионе. Тегерану импонирует и то, что все эти страны противостоят Западу в его стремлении овладеть энергоносителями региона. Такое совпадение интересов создает базу для крепкого союза. Вот почему Иран считает, что ему место в этом блоке, но на правах полноценного союзника. Однако членство Ирана в таком блоке, участники которого не хотели бы резкой конфронтации с Западом, особенно в свете жесткого оппонирования США и Европейского Союза планам нуклеизации Ирана, может негативно сказаться на интересах всех стран-участниц ШОС. Понятно, что Ирану в свете принятия против него все новых пакетов санкционных мер, направленных на обуздание военного компонента его ядерной программы, а в возможной перспективе – и применения военной опции, необходимо иметь гарантии безопасности. Полноправное членство Ирана в ШОС потенциально способно смягчить военную конфронтацию и дать необходимые гарантии безопасности, хотя трудно представить себе ситуацию, когда Россия и Китай как две мощные силы во главе ШОС готовы пойти на риск военного противостояния с Западом в лице США из-за ядерных амбиций исламского режима. Но в любом случае, потенциально возможное расширение ШОС означает усиление скрытой геополитической конфронтации, углубление противоречий между ШОС и НАТО, ШОС и США. Вероятна ситуация, при которой изменение статуса Ирана в Шанхайской организации вызовет в Вашингтоне чрезвычайно резкую эмоциональную реакцию как в отношении ШОС, так и самого Ирана, но без практического продолжения[54].

Теоретически принцип коллективной безопасности ШОС означает для Ирана помощь всех стран-участниц, если он окажется в опасности. Кроме того, членство в ШОС принесет Ирану значимые дивиденды:

– Оно позволит ему «сотрудничать в узкоформатной региональной структуре с двумя мировыми центрами, обладающими

политическим весом, мощным экономическим и военным потенциалом, а главное, правом вето в Совете Безопасности ООН»[55], то есть с Китаем и Россией.

– Полноценное участие в ШОС поможет ему в определенной мере препятствовать усилению влияния США в центральноазиатском регионе.

– При условии вхождения в ШОС и Индии и Пакистана может образоваться колоссальный рынок с перспективой создания в рамках организации преференциальной торговли. Это отвечало бы иранским интересам, так как позволило бы диверсифицировать торгово-экономические связи Тегерана со странами Центральной Азии.

– Поскольку в рамках ШОС развивается и военное сотрудничество, участие Ирана в этой сфере сотрудничества, в частности совместных маневрах, может сыграть позитивную роль в области укрепления военно-технического сотрудничества ИРИ со странами – членами ШОС[56]. Участие Ирана в ШОС поможет ему однозначно обозначить свои принципиальные подходы к формированию в Центральной Азии региональной системы безопасности, в которой не будет американского присутствия, но на основе российско-китайского баланса интересов.

Вступление в ШОС новых членов до последнего времени было затруднено действовавшим мораторием. Желание присоединиться к этой организации официально высказывали только две страны – Пакистан и Иран. Впервые о желании участвовать в ШОС ввиду его роли в укреплении региональной безопасности заявил еще в 2005 г. тогдашний президент Пакистана Первез Мушарраф в ходе своего визита в Узбекистан. В апреле 2010 г. это подтвердил нынешний президент страны Асиф Али Зардари, который попросил помощи Узбекистана в принятии его страны в ШОС. Пакистан привлекает в ШОС декларированная организацией цель – совместное противостояние террористической угрозе. Для Пакистана это имеет несомненный приоритет, ибо в последние два с половиной года в результате терактов, организованных радикальными исламистами, в стране было убито около 2,5 тысяч человек[57]. Интересы ИРИ в ШОС лоббирует Таджикистан, и именно эта тема больше всего обсуждается на встречах президентов двух стран. Однако на июньском саммите 2010 г. после принятия новых правил вступления в эту организацию выяснилось, что Иран не отвечает одобренным правилам, поэтому «на неопре-

деленное время путь в ШОС для него закроется»[58]. Согласно Положению о порядке приема в ШОС новых членов, разработанному российскими экспертами и согласованному со всеми членами ШОС, участник организации должен быть расположен в Евро-Азиатском регионе, иметь дипломатические отношения со всеми государствами – членами ШОС и обладать одним из двух статусов – государства-наблюдателя при организации или партнера по диалогу. От кандидата требуется также поддерживать торгово-экономические и гуманитарные связи со странами-членами ШОС. Однако есть еще одно требование – страна, претендующая на вступление в ШОС, не должна находиться под санкциями ООН. Как раз этот пункт «...сводит к нулю попытки Ирана стать в ближайшие годы членом ШОС», ибо «...в отношении исламской республики действуют сразу четыре пакета санкций Совбеза ООН»[59].

Тактика и стратегия

Выработанные в конце 1980-х – начале 1990-х годов основы тактики и стратегии Ирана в отношении новых государств, образовавшихся в результате распада бывшего СССР, с течением времени постоянно развиваются. Здесь сказывается общее изменение внутренней и внешней политики иранского руководства, переход от революционной исламской романтики первых послереволюционных лет к укрепляющемуся прагматизму, более адекватному восприятию внешней и внутренней реальности. Не отказываясь от концепции регионального лидерства, Иран воздерживается от высказывания целей достижения превосходства, в том числе военного, над соседними государствами, особенно принадлежащими к мусульманскому поясу СНГ. Кроме того, все большее хождение приобретает неоднократно декларируемая высшим иранским руководством идея позитивного нейтралитета, которую не раз озвучивал религиозный лидер страны аятолла Али Хаменеи. В то же время военное руководство не устает постоянно заявлять о наращивании военной мощи, способной отразить любую внешнюю агрессию. Такие заявления с завидной регулярностью звучат во время военных парадов, многочисленных учений и маневров. Назовем в качестве примера проведение широкомасштабных военных учений под кодовым названием «Пайамбарэ азам-2»

(Великий пророк-2), прошедших с 2 по 12 ноября 2006 года в южных регионах страны, акватории Персидского залива и Оманского моря и вызвавших серьезное беспокойство в соседних государствах, в первую очередь арабских странах бассейна Персидского залива.

Однако одновременно Иран решительно отмежевался, по крайней мере декларативно, от сотрудничества с такими одиозными террористическими организациями, как суннитское радикальное движение «Талибан» или международная сеть «аль-Каида». С другой стороны, Иран предпочитает реально наращивать свой вес и влияние в регионе Ближнего Востока за счет массированной экономической помощи и реального участия в послевоенном восстановлении Ирака и Афганистана. Там реализуется большое число проектов, причем в Тегеране серьезно просчитывают экономические приоритеты и направляют средства на те проекты, которые более всего необходимы именно на том или ином этапе.

Что касается исламских регионов бывшего СССР, а ныне – СНГ, то Иран постоянно заявлял о том, что они входят в зону его постоянных приоритетов, ибо Тегеран видит здесь свои национальные интересы. В качестве аргументов Иран всегда заявлял о географической близости, исторической общности, связывающей его со всеми странами этого ареала, определенном культурном влиянии, которое он оказывал в течение веков на эти страны. Пришедшее к власти в Иране на рубеже 1980–1990-х гг. более прагматическое крыло руководства хорошо понимало, что упор на общие культурные ценности является достаточно стабильной идеологической базой для динамичного проникновения в центральноазиатский регион и расширения там своего влияния. К этому времени и в Иране произошли заметные изменения, вызванные пересмотром идеологических констант в сторону их большего соответствия внешнеполитическим реалиям. Под давлением прагматиков были внесены значительные послабления в предельно исламизированный идеологический курс, что немедленно отразилось как на политике, так и на культурной жизни. Национальный элемент, оттесненный в условиях тотальной исламизации на периферию духовной жизни страны, стал все более осязаемым компонентом иранской жизни[60]. В таких условиях иранское руководство выдвинуло задачу пропаганды общего с регионом Центральной Азии культурного наследия, декларировало необходимость культурного возрождения.

Такие идеи были обращены в адрес только что образованных новых государств центральноазиатского региона, которым была обещана необходимая помощь в культурном возрождении, с которым напрямую связывались программы укрепления истинного суверенитета. Именно поэтому иранские идеологи высказывали мысль о том, что установление прямых связей со странами исламского ареала СНГ является восстановлением некогда разрушенных связей. Оно, считают в Иране, укрепит и умножит общий культурный потенциал, общее наследие. В странах Центральной Азии бережно сохраняются сокровища письменной культуры народов региона. Так, в одном лишь Фонде восточных рукописей Академии наук Республики Таджикистан имеется более 56 тысяч рукописей, охватывающих период от X до XX веков и существенно важных для изучения науки, культуры, истории и литературы как государств региона, так и Ирана[61]. В установлении и динамичном развитии связей с Ираном были заинтересованы и сами страны этого ареала. С распадом СССР и образованием новых независимых государств там произошла резкая смена политических ориентиров, разрыв традиционных связей, радикальное изменение политики. Это спровоцировало создание геополитического вакуума, который постарались заполнить различные страны, в том числе – Иран, с которым исламский ареал бывшего СССР связывали традиции многовекового конфессионального единства, идеологическая, культурная и цивилизационная близость.

Опираясь на эту базу Иран имел много шансов стать для стран этого ареала реальным фактором тяготения. И хотя основой долгосрочной стратегии Ирана по отношению к странам с преимущественно мусульманским населением является официально ныне не афишируемое проведение в жизнь задач экспорта исламской революции, что, разумеется, вызывает негативную реакцию руководителей всех этих государств, в тактическом плане декларируемые иранским руководством задачи сводятся в основном к взаимодействию в сфере экономики и культуры. Очевидно, на нынешнем этапе такие приоритеты сулят Ирану большой стратегический капитал, дают реальные шансы создать прочную базу для дальнейшего проникновения в регион. Как писала в 1993 г. одна из иранских газет, «изменение во внешнеполитической линии не означает отхода от принципов исламской революции, а является показателем осознания новых возможностей и попытки использовать их как можно лучше в интересах революции»[62].

Культурная доминанта

Учитывая не только не уменьшающуюся с годами, а приобретающую в связи с реализацией атомной программы Ирана все большую остроту политическую и экономическую изоляцию Ирана в мировом сообществе, религиозное руководство Ирана придает большое значение расширению и углублению отношений со странами исламского ареала СНГ. Культурная составляющая, пропаганда общего наследия помогают создать для этого более фундаментальную базу. Она опирается на привитие на уровне массового сознания идеи о том, что иранская культура не является чуждым элементом духовной жизни народов региона, а является наследием их собственного культурно-исторического багажа. Действительно, большая часть нынешнего центральноазиатского региона входила в разные исторические периоды в состав иранских государственных образований или была связана с ними соподчиненностью того или иного уровня. С Ираном связаны многие перипетии истории этого региона на протяжении долгих веков. В таком контексте постепенное внедрение иранской культуры означает возвращение к собственным корням и собственному культурному наследию народов центральноазиатского региона, что входит в полное соответствие с их ментальными особенностями.

Работа открытых повсеместно в странах центральноазиатского региона иранских культурных центров, культурных представительств иранских посольств ориентирована как раз на пропаганду общего культурного наследия, неразрывности исторических связей, общих границ, традиционных торгово-экономических связей в предшествующие исторические эпохи. Так, народы, как Центральной Азии, так и Ирана считают своей национальной гордостью таких титанов мировой науки, как Улугбек, Абу-Али ибн-Сина, Бируни, Аль-Хоразми и др. Классики литературы народов Центральной Азии – казах Абай Кунанбаев, туркмен Махтумкули Фраги, узбек Алишер Навои, таджик Садритдин Айни, киргиз Тоголок Молдо считали себя продолжателями творческого наследия классической персидско-таджикской литературы. Во всех новых государствах Центральной Азии после провозглашения ими независимости было законодательно введено празднование Новруза как древнего

праздника солнечного Нового года. Как считает глава исследовательского департамента иранской Организации по культурному наследию и туризму Мохамад Мир-Шокраи, в этом проявляется глубокая связь народов Центральной Азии и Ирана, отражение их общей истории и многовекового культурного взаимодействия[63]. Разумеется, такая идеологическая база не подвергается никакому сомнению в странах региона.

Культурная доминанта особенно заметна в отношениях Ирана с Таджикистаном, большинство населения которого говорит на близком фарси таджикском языке и ощущает себя частью ираноязычного мира. Идеологической основой особой доверительности в отношениях между двумя странами служит внедренное и устоявшееся в Таджикистане признание того факта, что «современные Исламская Республика Иран и Республика Таджикистан – прямые потомки некогда единой арийской цивилизации»[64]. Такую констатацию можно расценивать как своего рода противовес идее пантюркизма, в рамках которого реализуются усилия по сближению Турции с государствами постсоветского пространства с доминирующим тюркоязычным населением – Азербайджаном, Казахстаном, Киргизией, Туркменистаном и Узбекистаном.

Иранская помощь Таджикистану, долгое время пребывавшему в состоянии гражданской войны, базируется на признании Таджикистана в качестве своего главного политического партнера в центральноазиатском регионе. В Тегеране декларируют эту страну как неотъемлемую часть «Великого Ирана», включающего в себя все страны с доминирующим ираноязычным населением. В самом Таджикистане становится все более заметным усиление иранского культурного влияния. Открыты и активно действуют два иранских культурных центра. Один из них расположен в столице – Душанбе, второй – на севере страны, в Худжанде. Последний работает с лета 2010 г., в нем имеется библиотека, проходят занятия по персидскому языку, истории и культуре. Заметна и исламская составляющая: большое внимание уделяется изучению основ Корана. Занятия в центре бесплатные. «Сейчас тут занимаются 13 групп по исследованию и переводу Корана. 7 групп изучают персидский язык и графику. В целом занимаются 480 человек»[65]. Действия Тегерана в Таджикистане похожи на настоящую культурную экспансию. В таджикских вузах имеются 17 уголков иранской культуры. Почти полгода один из центральных в республике

телеканалов демонстрировал иранский художественный фильм «Хазрате Юсеф» («Пророк Иосиф»). В столице и в областных центрах работают корпункты иранских радиостанций и информагентств, в Душанбе функционирует магазин иранской книги. Из других культурных проектов Ирана, реализуемых в Таджикистане, можно отметить финансирование издания на кириллице персидской классики, книг по истории Востока, различных словарей, религиозной литературы. Иранцы даже профинансировали издание двухтомника «Истории таджикского народа», написанного в советское время известным востоковедом и государственным деятелем академиком Бабаджаном Гафуровым[66]. Не без иранского влияния в Таджикистане с 1 сентября 2009 года во всех общеобразовательных школах страны ввели преподавание нового предмета «маърефатэ эслами» (исламское образование). По мнению одного из руководителей народного образования Согдийской области на севере Таджикистана, никогда прежде у населения, в том числе детей, не проявлялся столь глубокий интерес к изучению исламской культуры. «Поэтому вполне логично, что, учитывая высокую мотивацию населения, в программу школьного образования ввели такой предмет»[67].

Вместе с тем Таджикистан формирует свои внешнеполитические приоритеты несколько иным образом, не отдавая приоритет Ирану. Так, во время своей инаугурации на третий президентский срок, прошедшей 18 ноября 2006 г. в столице Таджикистана Душанбе, президент Эмомали Рахмон заявил, что его страна будет в первую очередь развивать сотрудничество с Россией, США и странами ЕС в рамках долгосрочной внешнеполитической стратегии. Подчеркнув, что особое внимание будет уделено развитию отношений со странами Центральной Азии, он лишь после этого отметил стремление развивать отношения и с Афганистаном, и Ираном [68]. В то же время довольно активно развивается таджико-иранское сотрудничество в торгово-экономической сфере. Значительная помощь оказана Таджикистану в области ирригационного строительства, сооружении ГЭС, тоннелей, прокладке дорог, внедрении передовых аграрных технологий, разработке месторождений полезных ископаемых. Интересно, что на первых этапах двустороннего ирано-таджикистанского сотрудничества оно концентрировалось в гуманитарной сфере. Это объяснялось тем, что в Таджикистане, стране, раздираемой жестокой гражданской

войной, реализация экономических проектов была невозможной. И только с начала нынешнего века, после стабилизации обстановки в стране и обмена взаимными визитами между тогдашним иранским президентом-реформатором Сейедом Мохаммадом Хатами и главой Таджикистана Эмомали Рахмоном началось активное взаимодействие в торгово-экономической сфере. Оно опирается на солидную правовую базу, которая включает в себя как базовые документы типа Декларации о развитии взаимоотношений и сотрудничестве между двумя странами, различного рода меморандумы о взаимопонимании в различных сферах, так и договора об обязательствах в реализации в Таджикистане крупных народнохозяйственных объектов, например, ГЭС «Сангтудэ-2», призванной существенно поднять уровень энергетической безопасности страны и сделать ее гарантированным экспортером электроэнергии. Несмотря на достаточно слабые абсолютные показатели, товарооборот между двумя странами за период с 1999 по 2007 гг. поднялся более чем в четыре раза, достигнув 100 миллионов долларов [69]. Отметим, что лишь за первое полугодие 2010 г. он составил 94,1 миллиона долларов, демонстрируя рост почти на 80% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года[70].

Ирано-таджикистанское сотрудничество отличается редкой для региона диверсифицированностью. В отличие от других стран Центральной Азии в структуре двустороннего сотрудничества имеются такие компоненты, как договоренность об открытии совместного университета, учреждение нового телевизионного канала, задачей которого будет пропаганда культуры народов фарсиязычных стран. Сюда же отнесем предоставление квот таджикским студентам для обучения в ведущих вузах Ирана. ИРИ предложил Таджикистану совместное производство тракторов на базе созданного в 1970 гг. в Иране при советской помощи Табризского тракторного завода. Уже на первом этапе после ввода в строй в Душанбе он будет производить примерно 1 тыс. тракторов. В таджикской столице намечено наладить и производство популярных иранских автомобилей марки «Саманд». Таким образом, культурная доминанта в данном случае является мощным стимулятором сотрудничества в торгово-экономической сфере.

За годы, прошедшие после установления в Таджикистане гражданского мира, Иран приобрел серьезное влияние в среде многих организаций и группировок националистического и ис-

ламского толка, вполне легально работающих в стране. Достаточно конструктивные отношения установил Иран и с деятелями официальной исламской оппозиции, представленными в правительстве Таджикистана на основе межтаджикских соглашений 1997 года. Таджикистан является и единственным центральноазиатским государством, с которым Иран с 2002 г. имеет договорные обязательства в военной области. Отметим, что при этом Таджикистан связан военными обязательствами и по линии пророссийского Договора о коллективной безопасности в рамках СНГ. Вероятно, именно такая двойная военная защита помогла президенту Таджикистана Э. Рахмону выстоять перед нажимом США относительно использования таджикских аэропортов в ходе антитеррористической операции сил коалиции в Ираке и не снизить в результате этого уровень сотрудничества с США.

На базе ираноязычной общности в последние годы стала все более будироваться идея союза между тремя странами – Афганистатом, Ираном и Таджикистаном. Руководители Ирана хотели бы наполнить его и военной составляющей. Об этом откровенно высказался министр обороны Ирана Ахмад Вахиди во время своего визита в Таджикистан в мае 2010 г. Он мотивировал это потребностями взаимопомощи, заявив: «Иран выступает за военное сотрудничество трех персоязычных стран – Афганистана, Таджикистана и Ирана – для обеспечения безопасности в регионе»[71]. Аналитики склонны видеть в этом желание Ирана инициировать в регионе удобный для себя военно-политический плацдарм. Создается новая геополитическая конфигурация. «Иран сближением с Таджикистаном блокирует в значительной мере действия международных сил в самом Афганистане, и под его контроль в случае успешной реализации этого проекта попадут обширнейшие районы Афганистана, населенные таджиками»[72]. Учтем при этом неуклонно укрепляющиеся в Афганистане иранские позиции. Именно эта страна оказала и оказывает самую масштабную помощь Афганистану в его реконструкции после 23-летнего пребывания в состоянии гражданской войны. Еще в 2002 г. Иран выделил этой стране на цели послевоенного восстановления на безвозмездной основе порядка 500 миллионов долларов. Еще более тесное взаимодействие наблюдается на таджикском направлении. Иран оказывает Таджикистану «мощную финансовую поддержку, причем в объемах, которые в нынешней ситуации не может

предоставить Россия» [73]. Следует понимать и то, что усиленная экономическая экспансия Ирана в Таджикистан представляет еще и своего рода реакцию на ширящееся в центральноазиатском регионе военное и экономическое присутствие США.

В нынешнем Иране задача динамичного расширения своего культурно-политического влияния на соседние страны активно связывается и с языком фарси, его продвижением в эти страны. Иранская идеология рассматривает это как важную часть укрепления своих позиций в странах центральноазиатского региона. На уровне различных государственных структур Ирана реализуются задачи поощрения изучения фарси как языка иранской культуры в государствах Центральной Азии. Иран рассматривает такого рода деятельность в качестве одного из существенных факторов расширения своих отношений с центральноазиатскими государствами, помогая готовить национальные кадры иранистов, организуя их учебу и стажировку в университетах страны, реализуя совместные издания учебников и словарей. Так, при сотрудничестве ученых Тегеранского университета с их коллегами из Киргизского Национального университета в начале 1990-х гг. реализовано издание первого фарси-киргизского и киргизско-фарси словарей, изданы первые в этой стране учебники персидского языка[74]. При помощи Ирана открыты и обеспечены учебниками, наглядными пособиями и литературой на фарси кафедры иранистики в трех вузах Бишкека – Киргизско-славянском, Национальном и Гуманитарном университетах. Иранские преподаватели помогли организовать кафедры фарси не только в столичных, но и периферийных вузах Казахстана, частности, в открытом в г. Туркестане университете[75].

Широкомасштабная программа подготовки иранистов при помощи иранских специалистов реализуется и в Туркменистане, где, несмотря на имевшиеся в течение веков культурно-исторические связи с Ираном и протяженную границу с этой страной, в 1966 г. прекратилось изучение фарси, восстановленное лишь в 1990 г.[76] Помощь ИРИ в этой сфере является одним из приоритетных направлений туркмено-иранского культурного сотрудничества. Одним из результатов такого сотрудничества стало издание оригинального учебника фарси на туркменском языке, персидско-туркменского словаря, ряда учебных пособий. В Туркменистане открыто несколько школ с углубленным изучением фарси и персидской литературы. В Таджикистане изучение персидского языка внедряется и

в систему школьного образования. Стране оказывается большая помощь разнообразной учебно-методической литературой, организацией всевозможных курсов повышения квалификации преподавателей фарси, стажировками студентов-иранистов. На иранские деньги в стране построено несколько крупных библиотек, оборудованы учебные центры по изучению фарси.

В июне 2006 г. государственный язык Ирана – фарси – наряду с русским, английским и китайским был объявлен одним из официальных языков ШОС. Таким образом, фарси ныне функционирует в престижном качестве официального языка организации, объединяющей половину населения земного шара. В таком же контексте расширения функционирования фарси и повышения к нему интереса следует рассматривать постепенно реализуемую в Иране идею создания международной сети исламского телевидения, большая часть программ которого будет готовиться на фарси и передаваться, в частности, на страны Центральной Азии.

Большую активность проявляют в странах Центральной Азии и культурные представительства, работающие как отделения при посольствах Ирана, но на деле являющиеся подразделениями специальной правительственной структуры – Организации исламской культуры и связей (ОИКС). На одной из встреч представителей этой организации, работающих за рубежом, отмечалось, что продвижение фарси за рубежом является одним из главных направлений культурной деятельности исламского режима в международном аспекте. Под эгидой ОИКС открыты Центры изучения фарси во всех государствах Центральной Азии. Религиозный лидер Ирана аятолла Хаменеи отмечал в свое время, что распространение фарси за рубежом преследует идеологические цели: «Фарси имеет для нас приоритетное значение в плане пропаганды идей революции и революционного исламского мышления»[77].

Религиозная доминанта

Для Ирана центральноазиатский регион важен и как интегральная часть исламского мира. При этом там учитывают, что по глубине проникновения и влияния ислама на повседневную жизнь населения регион следует разделить на более исламизированную оседлую (Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан)

и менее исламизированную кочевую (Казахстан и Киргизия) части. В Тегеране надеются, что у автохтонных народов этого региона можно «...реанимировать идеи мусульманского братства, которые станут духовной основой их влечения к Ирану как авторитетному центру исламского мира»[78]. Для этого есть основа – у ислама достаточно крепкие позиции во всех странах Центральной Азии. Актуальность этой религии для народов Центральной Азии не подвергается сомнению, ибо она является частью их истории и культуры, стала важным базовым компонентом социальной жизни. Этот регион с первых веков ислама дал когорту деятелей мусульманской культуры и права. В странах исламского мира до сих пор чтимы имена таких исламских мыслителей и теологов, как аль-Бухари, аз-Замахшари, ат-Термизи, жизнь и деятельность которых связана с центральноазиатским регионом. Ислам по праву считается одним из базовых факторов конфессионально-культурной идентификации в этом регионе. В качестве мусульман ныне идентифицируют себя 92% узбеков, 95% таджиков, 80% киргизов[79]. Хотя в годы Советской власти утверждалось, что в стране реализована почти сплошная атеизация населения, ислам в Центральной Азии не подвергся столь губительному воздействию, как другие религии. Он оказывал существенное влияние на общественное сознание. Это был в значительной степени бытовой ислам, который характеризуется как «...нормативы традиционного, санкционированного нормами шариата бытового поведения, семейных отношений»[80]. Вполне справедливой представляется в этой связи оценка центральноазиатского ислама как «....синонима народных традиций»[81]. И это несмотря на то, что за годы Советской власти, когда отношение властей к религии варьировалось от негативного до крайне негативного, было практически ликвидировано религиозное образование, особенно на начальном и среднем уровне, утрачена исламская правовая культура, подорваны духовные корни ислама. Советская власть практически ликвидировала религиозную элиту, выкорчевала носителей религиозной культуры. Поэтому возрождение ислама было по своей сути восстановлением полноценности этой религии, поднятием ее на уровень традиционного существования.

Разумеется, иранское руководство хотело бы стать для Центральной Азии проводником исламских ценностей, тем более, что Иран пытается позиционировать себя в качестве ли-

дера исламского мира. Однако ко времени развала СССР и образования независимых государств на постсоветском пространстве в Иране прошло время революционной исламской романтики и буквального понимания лозунга экспорта исламской революции. Вряд ли в начале 1990-х гг. в Центральной Азии нашли бы понимание слова одного из виднейших идеологов исламской революции в Иране, соратника аятоллы Хомейни Джалалетдина Фарси: «Мы совершили исламскую революцию в Иране и считаем своей задачей превращение ее во всемирную исламскую революцию ... После исламской революции в Афганистане начнется истинная всемирная исламская революция. ...Мы инспирируем третью исламскую революцию в Средней Азии»[82]. Понятно, что в странах Центральной Азии не хотели бы такого импорта ислама. Именно поэтому, предвидя достаточно жесткую реакцию светских и в достаточной мере сохранивших в себе атавизмы советской идеологии лидеров стран Центральной Азии, нынешнее руководство Ирана, более прагматичное, чем его предшественники, не прибегает к активному использованию политики и идеологии исламской революции в своих отношениях со странами региона. Это показывает, что спустя несколько десятилетий после победы исламской революции, главной идеей которой на внешнем фронте был экспорт исламской идеологии в ее активной ипостаси, религиозная элита Ирана стала постепенно отказываться от теории и практики экстремизма и присоединяется к приверженцам умеренной формы исламизма. Именно поэтому призывы к экспорту исламской революции не являются инструментом налаживания взаимодействия с государствами Центральной Азии. Иранское руководство в официальной форме декларировало политику дистанцирования от распространения в регионе идей исламской революции. Иранский посол в ООН К. Харрази, много сделавший в 1997–2005 гг. как глава иранского МИДа для укрепления ирано-центральноазиатского диалога, еще в 1992 г. заявлял, что Иран рассчитывает на построение добрососедских отношений со странами Центральной Азии, свободных от какого бы то ни было политического и идеологического давления[83].

Оживление религиозной жизни, однако, происходит как следствие неотвратимых перемен в общественном сознании, повышения роли ислама в социально-политической жизни Центральной Азии. Это заметно даже в наименее исламизированной стране региона – Киргизии, где за годы постсоветского

развития начались процессы динамичного оживления мусульманской религиозной жизни, что можно показать на самых различных примерах. Например, в росте числа мечетей, которое с 1991 по 2005 г. увеличилось с 39 до 1613. Если в 1991 г. в этой стране не было ни одного исламского учебного заведения, то в 2007 г. действовали исламский университет, 6 институтов и 43 медресе. Растет число молодежи, получающей религиозное образование, в том числе и за рубежом. Там ныне получают образование примерно 600 граждан республики, причем в одном только Международном исламском университете «Аль-Азхар» в Каире – 185 человек. Не секрет, что многие из выпускников религиозных учебных заведений воспринимают и стараются передать по возвращении на родину своим соотечественникам идеи политического ислама, экстремистские убеждения. Одновременно с увеличением числа культовых сооружений ислама и возрождением религиозного исламского образования в этой стране развивается и миссионерская деятельность. Лишь за период с 1996 по 2004 г. в Киргизии зарегистрировано 243 миссионера. Часть миссионеров успешно работает по переводу этнических киргизов в другие религии, главным образом христианскую. По данным информационно-аналитического сайта «Фергана.ру», 90% прозелитов составляют этнические киргизы[84]. В последние годы случаи перехода киргизов из ислама в различные христианские секты приняли настолько массовый характер, что вынудили руководство страны обратить на это серьезное внимание из-за боязни межэтнических и межконфессиональных столкновений.

Поскольку в Киргизии преобладает умеренный ислам суннитского толка, основная масса миссионеров, которые заняты преимущественно преподаванием в исламских учебных заведениях, прибывала из ареала суннитского ислама – Египта, Турции, Иордании, Саудовской Аравии, Кувейта и других стран. Одновременно с этим в Киргизии нелегально работали посланники ряда зарубежных религиозно-политических организаций – «Джамиат оль-Ислами» (Пакистан), «Ислами Джамиат-ут-Талаба» из Афганистана и др.[85], проводящие враждебную существующему строю пропаганду, что дестабилизирует обстановку в обществе. В последнее время в Киргизии все большее распространение получает нелегальная партия «Хезб от-Тахрир аль-Ислами», В Киргизии она объявлена вне закона. Деятельность «Хезб от-Тахрир аль-Ислами» направлена на те

слои населения, которые способны воспринять идеи построения Исламского Халифата, особенно на юге страны, где большую часть верующих составляют узбеки. В настоящее время в этом регионе Киргизии действует несколько десятков религиозных объединений, спонсируемых экстремистскими организациями. Активное вовлечение мусульманских священнослужителей в ряды радикальных исламских организаций обусловило то, что государственные структуры Киргизии пытаются установить контроль над исламским духовенством. Этот контроль включает в себя выяснение таких видов деятельности священнослужителей, как их выступления в мечетях, преподавание в религиозных учебных заведениях, ознакомление с распространяемой ими религиозной литературой, проверка связей священнослужителей с активистами нелегальных исламских организаций. Проверяются их связи в совместном бизнесе с участием предпринимателей из арабских стран и Ирана. Контролируются их зарубежные поездки, в частности, в Иран, который в последние годы стал одной из самых посещаемых стран для жителей центральноазиатского региона, в том числе служителей исламских культов. В последнее время отмечены даже случаи физической ликвидации популярных среди верующих священнослужителей. Так, в августе 2006 г. был убит один из самых известных деятелей духовенства на юге Киргизии Мухамад-Рафик Камалов. Он был широко известен своими связями с радикальными исламистами, не раз выезжал в Иран[86].

Не исключено, что киргизская модель вовлечения исламских священнослужителей в фундаменталистские движения может быть востребована в странах Центральной Азии, даже тех, которые стоят гораздо выше Киргизии по степени исламизированности местного населения. Разумеется, это обстоятельство будет положительно воспринято в Иране, внимательно отслеживающем религиозную ситуацию в регионе и пытающемся воздействовать на нее в удобном для себя направлении.

Для Ирана наиболее притягателен такой синтез светской и религиозной власти, который сложился в Таджикистане. Там 90% взрослого населения относят себя к мусульманам, а треть регулярно выполняет все необходимые исламские обряды. В постсоветский период в Таджикистане возникли и религиозные объединения политической направленности. На легальных условиях здесь активно работает Исламская партия возрождения (ИПВ). Это коренным образом отличает

сложившуюся здесь политическую систему от аналогичных в центральноазиатском регионе, ибо во всех других странах региона деятельность политических партий на религиозной основе запрещена. ИПВ была единственной исламской партией в центральноазиатском регионе. Она приняла широкое участие в первых в стране президентских выборах, показав высокий электоральный потенциал. К сожалению, вслед за этим таджикские исламисты вступили в жесткую конфронтацию с государственной элитой, что выключило их на семь лет из политической жизни страны. Затяжной межтаджикский конфликт удалось нормализовать лишь летом 1997 г., когда исламисты вернулись к легитимной политической деятельности, подписав с властями страны Соглашение об установлении мира и национального согласия, гарантами которого стали Иран и Россия. Роль Ирана в этом процессе можно оценить положительно, ибо его наблюдатели последовательно контролируют выполнение достигнутых договоренностей, следя за тем, чтобы со стороны светского руководства не оказывалось излишнего давления на исламистов. Такое давление могло бы привести к радикализации таджикских исламистов, их смычке с центральноазиатскими террористическими группировками, что никак не согласуется с тактикой иранского сотрудничества с Таджикистаном, ибо подвергает опасности с трудом стабилизировавшийся ирано-таджикский диалог. На примере Таджикистана можно показать действительное неприятие центральноазиатскими странами концепции экспорта исламской революции, с одной стороны, и нежелание Ирана поддерживать исламистские движения в регионе, с другой. В ходе гражданской войны в Таджикистане в первой половине 1990-х гг. сложилось жесткое противостояние между коммунистами, пытавшимися овладеть всей полнотой политической власти в новопровозглашенном государстве, и различными исламистскими группировками, преследовавшими те же цели. Отметим, кстати, что в отличие от иранских исламистов на этапе революции 1978–79 гг. таджикские исламисты выступали с позиции поддержки широких демократических преобразований в своей стране. Несмотря на это, коммунисты заклеймили их как сторонников радикального ислама, стремившихся установить ту же форму правления, что и хомейнисты. Однако в Иране предпочли не вмешиваться в конфликт и не помогать таджикским исламистским группировкам в деле

экспорта исламской революции иранского образца. По этому поводу было даже сделано официальное заявление[87]. Как считают аналитики, повсюду в регионе иранские лидеры опасаются поддерживать националистические партии и организации, полагая, что подобное чревато дестабилизирующим влиянием на ситуацию в самом Иране[88]. Вот и в Таджикистане Иран реально поддержал достигших власти коммунистов, предоставив им разнообразную помощь. Это конкретное послание было обращено ко всем новым государствам с доминирующим мусульманским населением, ибо тем самым Иран давал понять, что в его приоритетах значится установление конструктивных отношений с новыми странами, а не разрушающая их политика экспорта исламской революции.

Ныне ИПВ обладает в Таджикистане реальными рычагами власти. За одним из ее активистов зарезервирован пост вице-премьера, под их контролем также находится ряд ключевых министерств. Вместе с тем достигнутый в Таджикистане консенсус между светской и религиозной элитами зыбок и неустойчив. Аналитики говорят даже об определенном антагонизме, который в перспективе способен подорвать внутритаджикский диалог. В составе ИПВ значительны силы, которые настаивают на создании в Таджикистане исламского государства. Однако опросы общественного мнения показывают, что это на самом деле противоречит реальным настроениям подавляющего большинства местного населения и, следовательно, не имеет здесь перспективы. Прошедшие весной 2010 г. парламентские выборы показали падение авторитета исламистов и, как следствие, малое количество мандатов. Из 63 депутатских мест 43 мандата у Народно-демократической партии Таджикистана, которую возглавляет президент Эмомали Рахмон. ИПВ имеет ныне всего два депутатских мандата, то есть осталась с теми же показателями, что и на выборах в 2005 г., испытав естественное разочарование. Лидер партии Мухиддин Кабири дал понять, что существовали «джентльменские» договоренности между ним и партией власти по распределению мандатов, но они оказались невыполненными[89]. Это сигнализирует о том, что власти убеждены в уменьшении электората таджикских исламистов. Видимо, осознание неоспоримости этого факта побуждает власти проводить определенные репрессии против исламских священнослужителей, ограничивать доступ населения к отправлению исламских культов. Так, по со-

общениям СМИ, в июле 2010 г. в селе Рудаки неподалеку от Душанбе были арестованы и избиты мулла Мавлави Абдукаххор и 17 его учеников под надуманным предлогом того, что условия, в которых он вел преподавательскую деятельность, не соответствуют никаким санитарным нормам.

В Таджикистане за последнее время были закрыты более 20 мечетей на основании того, что они не были зарегистрированы властями. Заметны репрессии в отношении радикальных мусульманских организаций. Так, 10 августа 2010 г. Верховный суд Таджикистана осудил пять членов организации «Джамоати Таблиг» и назначил наказание в виде тюремного заключения на срок от трех до шести лет. Они обвинены в призывах к насильственному изменению конституционного строя. Еще более массовые процессы против членов этой организации проходили в стране весной 2010 г., когда по обвинению в причастности к ней были осуждены 56 человек. «При этом многие таджикские богословы и мусульманские деятели не считают, что «Джамоати Таблиг», деятельность которой была запрещена в республике в 2006 г., представляет угрозу национальной безопасности Таджикистана. В поддержку организации выступили лидер Партии исламского возрождения Таджикистана Мухиддин Кабири и бывший духовный лидер исламской оппозиции Ходжи Акбар Тураджонзода»[90]. Заместитель председателя Партии исламского возрождения Таджикистана Мухаммадали Хайит предупредил в связи с этим, что светский экстремизм... властей порождает исламский экстремизм[91].

В Иране должны учитывать, что Таджикистан в своих отношениях со странами исламского мира руководствуется прежде всего экономическими, а не религиозными интересами. В Душанбе хотели бы, чтобы больше использовался громадный цивилизационный потенциал ислама в поисках разрешения многих кризисных ситуаций. В самом Таджикистане накоплен опыт мусульманско-христианского диалога и взаимодействия, имеется много примеров помощи мусульманского населения православным Таджикистана в годы гражданской войны 1992–1997 гг. Показательна помощь посольства Ирана воскресной школе Свято-Никольского кафедрального собора в Душанбе в 1996 году, средней школе в г. Яване, а также участие посольства этой страны в освобождении из плена Объединенной таджикской оппозиции в 1998 году восьми этнических россиян, воевавших в составе правительственных войск[92].

Экономическая доминанта

Центральноазиатский регион важен для Ирана не только из-за его принадлежности к исламскому миру. Его рассматривают там как одну из важнейших мировых зон сырьевых и энергетических ресурсов. Если обратиться к таким важным энергоносителям, как нефть и природный газ, то в Казахстане их разведанные запасы составляют соответственно 3,2 миллиарда тонн и 2,5 триллиона кубометров. Прогнозные же запасы по Казахстану оцениваются на уровне 13 миллиардов тонн нефти и 6 триллионов кубометров природного газа. Колоссальные запасы природного газа сконцентрированы в Туркмении и Узбекистане – 2, 9 триллиона кубометров и 1,9 триллиона кубометров. В этом же регионе имеются огромные запасы стратегического минерального сырья: урана, золота, полиметаллов, железных руд и др.[93]. Крупнейшая по территории страна центральноазиатского региона – Казахстан – занимает второе место в мире по запасам фосфора и медной руды, обладает значительными запасами угля и железной руды. В той или иной мере запасами минеральных ресурсов, энергоносителями, ирригационным потенциалом обладают все страны региона Центральной Азии. Тегеран считает, что это – «основа их будущего процветания» [94], на базе которого расцветут экономические и культурные связи, закономерно означающие максимально возможное сближение.

Страны Центральной Азии видят в Иране державу, занимающую одно из лидирующих мест в мире по производству нефти и газа, обладающую достаточно развитым нефтегазовым комплексом. Суммарные запасы нефти Ирана, по данным И.А. Левковской, составляют 50 миллиардов тонн, в том числе подтвержденные – 13–13,4 миллиарда тонн. Ныне в Иране ежегодно добывается 175–185 миллионов тонн, из которых, в зависимости от квоты ОПЕК, 125–130 миллионов тонн идет на экспорт. Нефтедоходы страны в 2005 г. составили 42 миллиарда долларов, в 2006 г. они поднялись до 55 миллиардов долларов[95]. В дальнейшем они выросли до 70 миллиардов долларов в 2007 г., а в 2008 г. опустились до 69 миллиардов долларов[96]. В 2009 г. этот же показатель составил 55 миллиардов долларов[97]. Иранские запасы газа – 26 триллионов ку-

бометров, или 18% общемировых запасов, являются вторыми в мире после России.

Центральноазиатский регион, несомненно, обладает для Ирана приоритетным значением еще и потому, что две из стран региона – Казахстан и Туркменистан – относятся к прикаспийским государствам. Регион Каспия важен с той точки зрения, что он является альтернативным не совсем стабильному, с точки зрения Запада, Ближнему Востоку, хотя объем добычи нефти во всем Каспийском регионе всего лишь «сопоставим с общей добычей в Ираке и Кувейте»[98]. Для Запада, как и для Ирана, важно решение проблемы выработки правового статуса Каспия. Несмотря на острые противоречия между Западом и Ираном в политических вопросах и желании Запада как можно минимизировать участие Тегерана в каспийской проблеме, это невозможно сделать в силу геополитического значения Ирана для государств постсоветского пространства, входящих в зону Каспия.

Процесс определения статуса Каспия с неимоверными трудностями тянется с 1994 года. Окончательное принятие решения затруднено из-за того, что в 1995 г. на саммите прикаспийских стран в Ашхабаде была утверждена Декларация, закрепившая принцип консенсуса при принятии любого решения относительно правового статуса этого моря-озера. В сложившейся на сегодня ситуации, когда пять прикаспийских стран – Азербайджан, Иран, Казахстан, Россия и Туркменистан – перманентно разделены на мини-блоки и взаимопонимание возможно лишь внутри таких аморфных и часто перекраиваемых союзов, достижение единого подхода достаточно проблематично. Отношения между каспийскими странами доходили подчас до острых конфронтаций. В 1997 г. чуть было не произошло прямое столкновение между Туркменистаном и Азербайджаном. Это было вызвано спорами о принадлежности тех или иных нефтяных месторождений. В 2001 г. осложнился территориальный спор между Ираном и Азербайджаном по вопросу о суверенитете над углеводородным блоком в Каспийском море.

Иран является той страной, которая в большой степени заинтересована в скорейшем определении правового статуса Каспия. По имевшим силу до распада СССР советско-иранским договорам от 1921 и 1940 гг. Каспий был поделен поровну между двумя тогдашними хозяевами этого водоема, хотя Ирану принадлежит лишь 12–14% его береговой линии. С образова-

нием СНГ количество каспийских стран увеличилось до пяти. Из внутреннего озера, каким был Каспий для СССР, он превратился в «море проблем, ...пахнущих кровью»[99]. Для всех прибрежных государств Каспий представляет важность в деле обеспечения их военно-политической, национальной и экономической безопасности. Именно здесь расположен эпицентр их стратегических интересов. В таком контексте понятно, что возникшие на постсоветском пространстве государства хотели бы более справедливого раздела биологических и минеральных ресурсов Каспия. Именно поэтому более всего сторонников имеет идея раздела в соответствии с размером береговой линии, в силу чего Ирану может достаться наименьший сектор. Естественно, что Ирану выгодно такое решение проблемы, при котором раздел будет проведен поровну между всеми пятью странами. В этом случае Ирану отойдет 20% каспийских ресурсов, что в полтора раза превышает его действительную квоту, которую считают справедливой соседи Ирана по Каспию. Иран поставил своей насущной задачей лоббирование всеми возможными и доступными способами именно равного принципа раздела как самого, на его взгляд, справедливого. Это даст ему возможность «легитимизировать и укрепить здесь свое реальное, а не фактически виртуальное присутствие»[100]. В Иране считают, что самым авторитетным сторонником его интересов будет Россия, которой Ираном обещаны в знак поощрения контракты на строительство в Иране атомных электростанций. Россия, однако, не всегда укладывается в предложенные Ираном схемы. Российский вариант каспийского раздела основывается на том, что дно Каспия подлежит дележу по модифицированной срединной линии. Что же касается биоресурсов, то они остаются в общем пользовании всего каспийского сообщества. Из центральноазиатских стран такую линию в начале нынешнего века поддерживал Казахстан. Туркменистан балансирует между Москвой и Тегераном, хотя на встрече с президентом России В. Путиным в апреле 2002 г. С. Ниязов заявил, что он поддерживает позицию России. В силу этих обстоятельств Иран надеется, что путем углубления сотрудничества со странами Центральной Азии ему удастся со временем добиться устраивающего его варианта решения каспийской проблемы.

Существенного прорыва по вопросу каспийского процесса ждали от Второго саммита прикаспийских стран, состоявшегося 16 октября 2007 г. в Тегеране. Как известно, первая встреча

стран Каспия, прошедшая в апреле 2002 г. в Ашхабаде, была признана неудачной, ибо там не только не приняли никаких конкретных решений, но не был даже выработан на консенсусной основе итоговый документ, который мог хотя бы зафиксировать общее видение путей решения существовавших разногласий. Как писал российский аналитик-иранист А. Лукоянов, «что касается основной, казалось бы, проблемы региона – раздела акватории Каспийского моря, то никто и не надеялся на окончательное решение этого вопроса в данное время, и, соответственно, на этой теме внимание не концентрировалось. Проблема правового статуса Каспия, как и следовало ожидать, осталась неразрешенной. Ее урегулирование отложили на ближайшее будущее, поскольку цели саммита на текущий момент были иными, более глобальными»[101].

Таким образом, решение каспийской проблемы в данный момент далеко от завершения. 1 сентября 2010 г. официальный представитель министерства иностранных дел ИРИ Рамин Мехманпараст на еженедельной встрече с иранскими и зарубежными журналистами заявил, что правовой статус Каспийского моря согласован между пятью прикаспийскими странами на 70%[102]. Оправдывая задержку в таком важном деле, Р. Мехманпараст сказал, что определение правового статуса Каспийского моря представляет собой весьма чувствительную и важную задачу, а посему к нему необходимо подходить со всей деликатностью и осторожностью.

Сотрудничество стран Центральной Азии с Ираном позволит им решить еще одну важную задачу – снизить тяжесть статуса “land-locked countries”, то есть принадлежности к странам, не имеющим непосредственного выхода к Мировому Океану, а следовательно, – основным и наиболее эффективным торговым путям. Транзит через иранскую территорию может помочь более динамичной интеграции стран Центральной Азии в глобальное экономическое пространство.

Центральная Азия и ирано-американский диалог

Несомненно, на развитие отношений между Ираном и странами Центральной Азии влияет ирано-американский диалог. Ирано-американские отношения давно уже осложнены жесткой конфронтацией, начало которой положила победа ис-

ламской революции в Иране в феврале 1979 г. В 1990-е гг. конфликтогенный потенциал понемногу снижался, приход к власти в Иране прагматиков давал надежду на постепенное сближение двух стран, которое подкреплялось как декларациями иранского президента-реформатора С.М. Хатами во второй половине 1990 – начале 2000-х гг., так и оптимистичными заявлениями американского руководства, которые не раз озвучивала в те же годы Госсекретарь США М. Олбрайт. Контртеррористическая операция в Афганистане дала довольно осязаемый шанс на преодоление застарелой конфронтации, потому что именно тогда обе страны были едины в стремлении ликвидировать угрозу экспансии талибов в регион Центральной Азии. Однако этот шанс был упущен, и конфронтация была не просто продолжена, но приняла новые формы: в феврале 2002 г. США объявили Иран частью «оси зла». Считается, что именно по этой причине Тегеран занял более жесткую позицию на переговорах по статусу Каспия, снизив, таким образом, порог взаимопонимания с теми странами центральноазиатского региона, которые вовлечены в каспийский переговорный процесс.

Одним из аспектов такой конфронтации является блокирование со стороны США многих транспортных проектов, связанных с иранской нефтью. Данная политика США в корне противоречит интересам двух максимально связанных с энергоносителями центральноазиатских стран – Казахстана и Туркмении. Для них наличие транзитного коридора через иранскую территорию означает наиболее экономически обоснованный и эффективный маршрут на мировые рынки. Еще в 1997 г. Туркмения и Иран построили в обход России газопровод протяженностью 200 км. Казахстан намерен построить нефтепровод в направлении Персидского залива для продажи своей нефти на азиатские рынки, причем считает самым экономически эффективным именно маршрут через иранскую территорию. Такие планы вызывают резкое противодействие США, которые могут применить в отношении указанных стран закон о санкциях против Ирана. Подобные коллизии обуславливают насущную заинтересованность центральноазиатских государств в процессе нормализации отношений Ирана с Западом, в первую очередь – в лице США. В таком контексте логично, что страны Центральной Азии, развивающиеся в направлении укрепления избранного ими секулярного пути, приветствовали бы либерализацию и деклерикализацию тегеранского режима, и не хотели бы,

чтобы этот процесс имел конфронтационную составляющую. Такой сценарий развития событий, постепенно, как нам представляется, входящий в стадию реализации, придал бы значительное ускорение ирано-центральноазиатским интеграционным процессам.

Ускорение таким процессам могли бы дать и изменения во внешней политике США, связанные с победой демократов на последних выборах в Конгресс в ноябре 2006 г. и последовавшим за этим приходом к власти в США президента Б. Обамы, заявившего о необходимости большей сбалансированности в подходе к решению иранской атомной проблемы. В Иране полагали, что политика США на ближневосточном направлении должна претерпеть в этой связи заметные коррективы, в частности, в отношении Ирана. Американское внимание к Ирану базировалось на признании того факта, что решение серьезно беспокоившего США иракского кризиса без участия Ирана просто невозможно. Американцы не раз заявляли, что готовы на переговоры с Тегераном, учитывая его растущее влияние на новое иракское руководство. Не всегда предсказуемое и не всегда последовательное поведение иранского президента-неоконсерватора М. Ахмадинежада не позволяло, однако, перевести такое американское предложение в реальность. Тем не менее пресса обеих стран в течение длительного времени активно обсуждала такую возможность, заставляя аналитиков думать, что лидеры обеих стран считают такой диалог возможным. Президент Ирана на своей пресс-конференции в ноябре 2006 г. прямо заявил, что в нынешних условиях диалог с США возможен, но с учетом определенных условий[103]. Очевидно, речь шла о позиции США по отношению к иранской ядерной программе и ее военной составляющей. Ряд видных американских политиков, в частности Г. Киссинджер, также высказывали мнение, что выход из иракского тупика лежит для США в плоскости переговоров с Ираном. Начало переговорного процесса между Ираном и США позволило бы сделать первые шаги по налаживанию контактов между двумя странами.

Попытка налаживания ирано-американского диалога на уровне глав МИДов двух стран намечалась на конференции в египетском курортном городе Шарм аш-Шейхе 3–4 мая 2007 г., главной темой на которой стало обсуждение проблемы безопасности Ирака и его послевоенной реконструкции. Это была бы первая подобная встреча за почти три десятка лет, минув-

ших после установления в Иране режима исламской республики. К тому же президент Ахмадинежад в ходе одного из выступлений за несколько дней до встречи в Шарм аш-Шейхе еще раз официально подтвердил готовность его страны к диалогу с Вашингтоном. Тем не менее прорыва не произошло, а спустя несколько месяцев выявились отчетливые признаки того, что США ужесточают свою позицию по отношению к Ирану. Это проявилось, в частности, в речи президента Буша 29 августа перед членами ветеранской организации «Американский легион» в городе Рино (шт. Невада). Буш заявил там, что создание Ираном ядерного оружия грозит Ближневосточному региону «ядерным Холокостом» и является не локальной, а глобальной проблемой. США, сказал Буш, будут противостоять этой опасности, пока еще не поздно. Затронутая в этой же речи тема непрекращающейся помощи Ирана деструктивным силам в Ираке навела аналитиков на мысль о том, что беспрецедентная жесткость оценок американского президента была предопределена готовящимся докладом по Ираку, в котором администрация Буша предполагает переложить на внешний фактор – негативную роль Ирана в иракской войне – часть ответственности за очевидные провалы на иракском направлении. Буш еще раз указал на опасность, которую несет милитаризация Ирана всему региону, и призвал к сплочению мирового сообщества для того, чтобы изоляция Ирана и вводимые против него экономические санкции были как можно более эффективными. Не исключено и то, что речь Буша можно было интерпретировать и как признание готовности американской администрации использовать силу в решении ядерной проблемы Ирана. Таким, а не мирным путем США хотели бы положить конец продвижению Ирана по опасному для судеб мира в регионе пути еще до того, как Иран реально станет членом ядерного клуба. Ранее Буш не высказывался так прямолинейно о военной опции в решении этой проблемы. Новый жесткий поворот в американской политике по отношению к Ирану, как нам представляется, был весьма неожиданным для иранского руководства. По сообщению информационного агентства ИСНА, выступая перед студентами в городе Мешхеде 31 августа 2007 г., экспрезидент Ирана Али-Акбар Хашеми-Рафсанджани предостерег от превращения иранской атомной программы из национального приоритета в национальную беду. Садек Зибакалам, профессор политологии Тегеранского университета и привер-

женец исламиста-прагматика Хашеми-Рафсанджани, в интервью информационному интернет-порталу Aftabnews сказал, что как раз по отношению к ядерной программе проходит водораздел между США и Ираном. «Именно после прихода к власти радикалов во главе с Ахмадинежадом в этой точке усиливается противостояние, которое чревато угрозой национальным интересам иранского народа»[104].

Приход в Белый Дом президента Б. Обамы поначалу был положительно оценен в Тегеране, ибо там считали, что его позиция менее агрессивна и не нацелена на военное решение иранской ядерной программы. Один из высокопоставленных иранских чиновников сказал тогда, что у кандидата в президенты от демократов даже имя показывает, что он якобы настроен проирански. Действительно, если фамилию Обамы в ее персидской транскрипции разложить на три слога, то в переводе это означает «он с нами». Сама победа Обамы на выборах, однако, оказалась неожиданной для иранского руководства. В оперативной реакции главы МИДа М. Моттаки прозвучало, что победа Обамы отражает стремление и желание американского народа к назревшим переменам. Отметим такой факт, что все иранские СМИ после того, как прояснилась победа Обамы, стали прибавлять к его имени имя отца – Хуссейна Обамы, чтобы подчеркнуть его исламские корни. Приятным сюрпризом выпущенного по этому поводу обращения президента М. Ахмадинежада, которое праворадикальная газета «Джомхурийе эслами» охарактеризовала как «непродуманный шаг»[105], стало редкое в ирано-американском диалоге проявление дружелюбия в отношениях между двумя странами, выраженная в нем надежда на нормализацию отношений между Тегераном и Вашингтоном. Клерикалы, однако, не были склонны видеть в этом благоприятное для Ирана событие. Выступая 7 ноября 2008 г. на пятничном намазе в главной мечети Тегерана, аятолла Ахмад Джаннати прямо заявил, что суть американской политики – вражда с исламом, и она вечна. «Эта политика не изменится, и при каждой партии, приходящей к власти, она останется неизменной. Ее содержание – гегемония, а она не подвержена партийным пристрастиям, ибо принципиальна». Другой видный религиозный деятель – пятничный имам Бирджанда ходжат-оль-эслам Хоссейн Садеки приветствовал приход к власти Барака Обамы и выразил в этой связи надежды на закат «американской шайтанской империи». Рассуждая

на тему возможной трансформации американской политики, генеральный прокурор Ирана аятолла Дорри-Наджафабади подчеркнул, что главное, чем Америка при президенте Обаме может показать свое желание жить в мире с Ираном, является ее позиция в отношении снятия санкций политического и экономического характера с Ирана. «Если США так поступят, то это докажет их стремление к сближению»[106]. При этом Дорри-Наджафабади склонялся к мнению, что США не могут кардинально изменить свои подходы к Ирану, и это означает, что реального сближения в ближайшие годы ждать не приходится. Такое не требующее серьезной аргументации предвидение оказалось правильным.

«Медовый месяц в американо-иранских отношениях закончился, не успев начаться»[107]. Дальнейшие события показали, что никакого прогресса в ирано-американских отношениях не отмечено, а позиция США в урегулировании иранской атомной проблемы ничем не отличается от той, которой придерживалась предшествовавшая Обаме администрация. Когда 9 апреля 2010 г. Совет Безопасности ООН принял решение об ужесточении санкций против Ирана, проголосовав за принятие четвертого их пакета, авторитетная британская газета «The Guardian» написала назавтра после этого события, что это – крупное достижение нынешней американской администрации президента Барака Обамы. «Буш не мог и мечтать о столь многополярной поддержке нажима на Иран»[108]. Спустя некоторое время, в июле 2010 г., Обама заявил, что США продолжат оказывать давление на Иран с целью выполнения им своих международных обязательств. Президент добавил, что необходимо, чтобы Иран выполнял взятые на себя международные обязательства, прекратил провокационное поведение, которое угрожает соседним странам и всему мировому сообществу[109]. Одновременно с этим Обама подписал законопроект о «введении самых строгих в истории Конгресса санкций против Ирана». Через месяц, в начале августа 2010 г., председатель комитета начальников штабов вооруженных сил США М. Маллен заявил, что США разработали план войны против Ирана. В ответ на это Тегеран сделал резкое заявление о том, что Иран уже давно готов к отражению возможного нападения со стороны США, и указал, что высказывания М. Маллена являются всего лишь «средством психологической войны». Таким образом, конфронтация на ирано-американском направлении не

только не ослабевает, но приобретает все большую интенсивность. Как прогнозируют аналитики, ситуация «ни мира, ни войны» в ближайшее время неразрешима и будет зависеть от внутриполитической обстановки в обеих странах [110]. В таком контексте стоит проанализировать возможные подвижки во внутренней жизни ИРИ, порождающие оптимизм в отношении возможности ирано-американского диалога и его потенциального влияния на ирано-центральноазиатский диалог. Это связано с тем, что на декабрьских муниципальных выборах и выборах Собрания экспертов в 2006 г. неоконсерваторы потерпели серьезное поражение. Основная масса иранских избирателей предпочла исламским радикалам умеренных консерваторов. Радикалы за годы нахождения у власти провалили обещанные социально-экономические программы. Возможно, на вершину иранской политической жизни вновь поднимется бывший президент страны Али-Акбар Хашеми-Рафсанджани или другие политики, отождествляемые с прагматическим направлением. Таким образом, большинство иранского электората покажет приверженность идее подключения страны к процессам глобализации, выхода из тупика изоляции.

Важным элементом внутриполитической жизни ИРИ, сигнализирующим об изменениях в настроениях народа, является факт проведения в течение более чем года акций несогласных с итогами президентских выборов 12 июня 2009 г. Их участники требуют пересчета голосов или проведения новых выборов. Совершенно беспрецедентным для Ирана явлением стало то, что итогам выборов оппонирует и ряд высокопоставленных клерикалов. Один из них, противостоявший победившему в президентской гонке Махмуду Ахмадинежаду экспремьер Мир-Хосейн Мусави опубликовал пространный доклад, где проанализировал подробности многочисленных нарушений в ходе выборов 12 июня 2009 г. В их числе – использование административного ресурса в предвыборной пропаганде, многочисленные нарушения в деятельности государственных СМИ, которые не занимали нейтральной и объективной позиции по отношению ко всем кандидатам на пост президента, предпочитая нынешнего главу исполнительной власти, а также подкуп избирателей и прямую покупку голосов. Почти немедленно после выборов начались протестные акции несогласных с их результатами. В бурные дни июня 2009 г.

накапливавшееся годами недовольство прорвалось наружу, народ хлынул на улицы, заполнив магистрали Тегерана, Исфахана, Шираза, взорвав их невиданными доселе лозунгами и призывами «Мы не хотим Ахмадинежада!», «Смерть диктатору!» и др. В стране стало заметным политическое противостояние между властями и оппозиционными силами, не согласными с объявленными результатами народного волеизъявления. За последний год с достаточно острой критикой правящей исламской власти выступили известные деятели режима – экс-спикер парламента Мехди Карруби, бывший премьер-министр Мир-Хосейн Мусави, бывший секретарь Высшего совета национальной безопасности Хасан Рухани, дважды экс-президент, а ныне руководитель двух крупнейших в Иране исламских структур Али-Акбар Хашеми-Рафсанджани, «отец» иранских реформистов-либералов, дважды экс-президент Сейед-Мохаммад Хатами. Стал заметен раскол внутри исламской элиты, усиление власти функционеров КСИР, все большая концентрация власти в руках неоконсерваторов во главе с М. Ахмадинежадом при уменьшении власти религиозного лидера, добровольно делегировавшего ему ряд полномочий, усиливающаяся изоляция страны на внешнеполитической арене, падение ее авторитета. Однако умеренно-консервативные силы в противовес неоконсерваторам обещают выход из тупика, разумную и взвешенную внешнюю политику, более последовательный и необратимый диалог с Западом. Это способно сказаться на всем комплексе иранских внешнеполитических отношений, избавит центральноазиатские страны от необходимости лавирования между Западом, главным образом в лице США, и Ираном.

В последующих главах мы более детально рассмотрим становление и развитие ирано-центральноазиатского диалога на примере четырех государств региона – Узбекистана, Казахстана, Таджикистана и Туркменистана. Отношения с Киргизией по своим главным характеристикам стоят значительно ниже всех других стран, и поэтому не рассматриваются в отдельной главе. Такой выбор обусловлен как специфическими особенностями иранского сотрудничества с каждой из этих стран, так и необходимостью показать общие закономерности стратегии и тактики укрепления Ираном своих позиций на этом жизненно важном для него геополитическом пространстве в постсоветский период, выяснить перспекти-

вы этих взаимоотношений, их ресурсный потенциал и выявившиеся ограничители. Отметим, что в целом формирование ирано-центральноазиатского диалога происходит при наличии взаимопонимания по многим аспектам. Это в основном вопросы региональной политики, связанные с урегулированием конфликтов, в той или иной мере затрагивающих интересы всех участников диалога. Странам Центральной Азии Иран важен как уникальная транзитная территория, одновременно «работающая» на двух направлениях – Север-Юг и Восток-Запад. Среди задач своей внешней политики, ориентированных на укрепление связей с государствами Центральной Азии, Иран выделяет и такие, как преодоление всевозможных угроз стабильности, в том числе контрабанду наркотиков, терроризм, организованную преступность, внутренние конфликты.

Примечания

[1] Об этом см.: Маннонов Б. Узбек дипломатияси тарихи муаммолари // Шаркшуносник, Ташкент, 1993, № 4, с. 120–131 (на узб. языке).
[2] Лунев С. Центральная Азия и Южный Кавказ как геополитические регионы и их значение для России // Центральная Азия и Кавказ, 2007, № 3 (45), с. 25.
[3] Абашин С. Вопросы по поводу российской политики в Центральной Азии // Ferghana.ru, 16.05.2005.
[4] Калишевский М. Парадоксы кремлевской политики в Центральной Азии // Ferghana.ru, 13.12.2009.
[5] http://www.novostiuzbekistana.st.uz/46_276/v_strange.him
[6] gazeta.ru, 31.03.2010.
[7] РИА «Новости», 22.06.2000.
[8] Le Temps (Швейцария), 30.06.2010.
[9] Независимая газета, 18.01.2010.
[10] Там же.
[11] Kauffman S. Approaches to Global Politics in the 21 Century // International Studies Review. Summer 1999, с. 195.
[12] Эфегил Э. Авторитарные/конституционные патримониальные режимы в государствах Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ, 2006, № 5, с. 114.
[13] http://www.gundogar.org?0212043494
[14] Независимая газета, 12.07.2010.

[15] Цит по: http://www.elections-ices.org/russian/home/, 12.07.2010.
[16] Парамонов В., Строков А., Столповский О. Этапы экономической политики Китая в Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ, 2010, том 13, вып. 1, с. 120–121.
[17] Там же, с. 121.
[18] http://www.respublika-kaz.info/news/politics/10382, 27.08.2010.
[19] Там же.
[20] http://www.centrasia.ru/news, 29.08.2010.
[21] Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис, 1994, № 1 (19), с. 44.
[22] Подробнее об этом см.: Onis Z. Turkey and Post-Soviet States: Potentials and Limits of Regional Power Influence // Middle East Review of International Affairs. June 2001, vol. 5, № 2.
[23] Овсепян Л. Турецкая модель и обусловленность внешней политики Анкары в странах Центральной Азии стратегическими планами Запада // Центральная Азия и Кавказ, 2009, № 2 (62), с. 133.
[24] Araz B. Turkish Policy toward Central Asia // Foundation for Political, Economic and Social Research. Policy Brief. April 2008, № 12, с. 43.
[25] Центральная Азия в современном мире: Внешнеполитические и геоэкономические аспекты развития / Российская Академия наук. Институт научной информации по общественным наукам. Отдел Азии и Африки. – М., 2007, с. 89.
[26] Лаумулин М. Исламские игроки на центральноазиатском поле: интересы близлежащих мусульманских государств в странах региона // Центральная Азия и Кавказ, 2008, № 2 (26), с. 68.
[27] Здесь и далее статистические данные приводятся по: Юрьев М. Общая характеристика населения Исламской Республики Иран. – iimes.ru, 28 ноября 2009 г.
[28] Мамедова Н. 30 лет исламского правления в ИРИ – основные итоги // Тридцать лет исламской революции в Иране. – М.: Институт востоковедения РАН, 2009, с. 98.
[29] Вартанян А.М. Иранский бизнес как новый инструмент экономической дипломатии Тегерана. – http://iimes.ru/rus/stat/2010/01-09-10a.htm
[30] Мамедова Н. 30 лет исламского правления в ИРИ – основные итоги. С. 98.
[31] Месамед В. Иран – Израиль: от партнерства к конфликту. – М.: Институт Ближнего Востока, 2009, с. 61.
[32] http://rus.ruvr.ru/2010/02/12/4393922.html
[33] Ferghana.ru, 19.02.2010, http://www.ferghana.ru/news.php?id=14068
[34] Iran.ru, 19 февраля 2010 г.

[35] Мамедова Н. Достижения и проблемы политического и социально-экономического развития Ирана в условиях исламской государственности (1979–2009) // 30 лет Исламской Республике Иран: основные итоги и перспективы развития. – М.:Институт востоковедения РАН, 2010, с. 29.
[36] Там же.
[37] The Iranian Journal of International Affairs. – Spring 2000, vol. XII, № 1, с. 34.
[38] Kazemi F., Ajdari Z. Ethnicity, Identity and Politics. Central Asia and Azerbaijan between Iran and Turkey // Central Asia Meets the Middle East. Edited by D.Menashri, Frank Cass. – London-Portland, OR. 1998, с. 60.
[39] Варнавский Д. Иран и государства Центральной Азии: генезис, состояние и перспективы сотрудничества // Центральная Азия и Кавказ, 2008, № 2 (56), с. 148.
[40] Mohadessin M. Islamic Fundamentalism: The New Global Threat. – Washington, 1993, с. 78–81.
[41] Мелкумян Е. Регион Персидского залива: влияние ислама на взаимоотношения региональных государств // Иран и исламские страны. – М., 2009, с. 126.
[42] Джонстон У. Культурная политика Ирана в республиках Центральной Азии и Южного Кавказа после 1991 года // Центральная Азия и Кавказ, 2007, № 4 (52), с. 127.
[43] Там же, с. 136.
[44] В Пакистане, однако, оспаривают этот факт, приписывая себе усилия по включению государств Центральной Азии в эту международную структуру. – Dhaka A. South Asia and Central Asia: Geopolitical Dynamics. – Jaipur: Mangal Deep, 2005, с. 150.
[45] Варнавский Д. Иран и государства Центральной Азии: генезис, состояние и перспективы сотрудничества, с. 150.
[46] Казинформ, http://www.inform.kz/rus, 24 июня 2010 г.
[47] Новости недели, приложение «За рубежом» (Израиль), 07.07.2000, с. 6.
[48] Цит. по: Дунаева Е. Иран и ОЭС: взаимодействие или воздействие // Роль и место Ирана в регионе. – М., 2007, с. 79.
[49] Дунаева Е. Иран и Центральная Азия: эволюция взаимоотношений // Двадцать пять лет исламской революции в Иране. – М.: ИВ РАН, 2005, с. 131.
[50] http://www.polpred.ru/free/turcija/23.htm
[51] ИСНА (Иран) isna.ir, 29.11.2006, код новости 8509-04927.
[52] Тер-Оганов Н. Есть ли шансы у Ирана стать членом ШОС? – iimes.ru, 31.03.2008.

[53] Там же.
[54] ferghana.ru, 02.04.2010.
[55] Вартанян А. Зачем Ирану нужно членство в ШОС? – iimes.ru, 27.08.2007.
[56] Там же.
[57] ferghana.ru, 02.04.2010.
[58] Взгляд, 10.06.2010.
[59] Там же.
[60] Кляшторина В. Эволюция роли культуры в процессе модернизации Ирана и стран региона // Особенности модернизации на мусульманском востоке. – М., 1997, с. 156–158.
[61] Иран-наме (Казахстан, Алматы), 2008, № 4, с. 209–210.
[62] Цит. по: Хуторская В. Взаимоотношения Исламской Республики Иран и стран Центральной Азии // Иран: ислам и власть. – М., 2001, с. 222.
[63] http://www.tabnak.ir/fa/pages/?cid=88096
[64] Додихудоев Х., Ниятбеков В. Таджикистан – Иран: Достижения и перспективы сотрудничества // Центральная Азия и Кавказ, 2008, № 2 (56), с. 154.
[65] http://www.dw-world.de/popups/popup_printcontent/0,,5839420,00.html
[66] Там же.
[67] ferghana.ru, 13.07.2010.
[68] РИА «Новости», 18.11.2006.
[69] Додихудоев Х., Ниятбеков В. Таджикистан – Иран: Достижения и перспективы сотрудничества, с. 159.
[70] iran.ru, 13.08.2010.
[71] Независимая газета, 08.06.2010.
[72] Там же.
[73] Там же.
[74] Ресалат (Иран), 01.07.1996.
[75] Ресалат, 12.11.1995.
[76] Нейтральный Туркменистан, 01.02.1996.
[77] Салам (Иран), 20.08.1996.
[78] Хабиболла Абулхасан Ширази. Меллиятхайе Асйайе мийанэ. – Тегеран, 1992, с. 336–337 (на фарси).
[79] Эфегил Э. Авторитарные/конституционные патримониальные режимы в государствах Центральной Азии, с. 113.
[80] Малашенко А. Религия в общественно-политической жизни стран Центральной Азии. К постановке проблемы // Центральная Азия, 1997, № 6, с. 58.

[81] Abeed Khalid. Islam after Communism // The University of California Press, 2007. http://go.ucpress.edu/Khalid
[82] Аргументы. М., 1988, с. 113–114.
[83] Menashri D. Iran and Central Asia: Radical Regime, Pragmatic Politics // Central Asia meets the Middle East. 1998, c. 83.
[84] ferghana.ru, 05.01.2007.
[85] Подробнее об этом см.: Князев А. Афганский фактор для Центральной Азии // Афганский конфликт и радикальный ислам в Центральной Азии. – Бишкек, 2001.
[86] http://axisglobe-ru.com/article.asp?article=415
[87] Peymani H. Regional Security and the Future of Central Asia: the Competition of Iran, Turkey, and Russia. Westpoint, Connecticut:Praeger, 1998, c. 32.
[88] Дунаева Е.В. Иран и Центральная Азия: эволюция взаимоотношений//Двадцать пять лет исламской революции в Иране. – М.: Институт востоковедения РАН, 2005, с. 127.
[89] Расов С. Таджикистан: парламент без оппозиции. http://www.elections-ices.org, 17.03.2010.
[90] http://www.centrasia.ru/news.php?st=1283145360
[91] Время новостей, 04.08.2010.
[92] Дубовицкий В. В Душанбе прошла конференция «Республика Таджикистан и исламский мир». ferghana.ru, 06.11.2007.
[93] Исмаилов Э., Папава В. Центральный Кавказ: от геополитики к геоэкономике. – Стокгольм, 2006, с. 96.
[94] Салам (Иран), 24.04.1999.
[95] http://www.iimes.ru/rus/stat/2006/11-12-06.htm.
[96] Сажин В. Иран: март-2009. Экономическая ситуация. – iimes.ru, 28.04.2009.
[97] Сажин В. Иран: январь 2010. Экономическая ситуация. – iimes.ru, 01.03.2010.
[98] http://www.gundogar.org/&0212043494.
[99] Дарабади П. Геоистория Каспийского региона и геополитика современности. Баку, 2002, с. 158.
[100] Дарабади П. Каспийский регион в современной геополитике // Центральная Азия и Кавказ, 2003, № 3, с.79.
[101] Лукоянов А. Саммит в Тегеране, или визит президента России в Иран // Центральная Азия и Кавказ, 2008, № 1 (55), с. 85.
[102] iran.ru, 01.09.2010.
[103] Джомхурийе эслами (Иран), 16.11.2006.
[104] aftabnews.ir, 31.08.2007.
[105] Джомхурийе эслами, 08.11.2008.

[106] Месамед В. Иран: реакция на победу Барака Обамы на президентских выборах. – iimes.ru, 10.11.2008.
[107] Федорова И. 30 лет ИРИ и американо-иранские отношения // 30 лет Исламской Республике Иран: основные итоги и перспективы развития. М.: Институт востоковедения РАН, 2010, с. 150.
[108] The Guardian (Великобритания), 10.04.2010.
[109] iran.ru, 07.07.2010.
[110] Федорова И. 30 лет ИРИ и американо-иранские отношения, с. 153.

Глава 2

ИРАН – РЕСПУБЛИКА УЗБЕКИСТАН: ТРУДНЫЙ ДИАЛОГ

Начало прямых контактов

Иран обратил пристальное внимание на республики исламского (отметим, что в данном определении *исламский* не несет идеологической или политической коннотации, а означает лишь регион проживания населения, традиционно исповедующего ислам – В.М.) ареала СССР на рубеже 1980–1990-х гг., когда в них, как и повсюду в тогдашнем Советском Союзе, стали нарастать и отчетливо проявляться тенденции децентрализации и зазвучали первые лозунги отделения из состава союзного государства. Однако, признавая совершенно законными требования республик относительно расширения своих прав и полномочий, Тегеран декларировал необходимость стабильно прочных отношений с центральным правительством, справедливо выражая тревогу, что дезинтеграция СССР чревата появлением обширной зоны нестабильности к северу от иранских границ, хотя образование новых независимых государств вскоре произошло совершенно мирно, «без войны и кровопролития, без малейшего насилия и грабежа банков, расправы над КГБ. Независимость пришла спокойно, переход к новому состоянию свершился естественным и безболезненным путем»[1]. В начале 1991 г., когда стали проявляться зримые признаки скорого развала СССР, иранское руководство инициировало первые прямые контакты с республиками мусульманского ареала. В тот год, когда дезинтеграционные лозунги уже звучали в полный голос, но СССР еще продолжал существовать, начались первые прямые контакты на высоком уровне между высокопоставленными представителями иранского руководства и лидерами Узбекистана. В марте 1991 г. в Узбекистан прибыла иранская правительственная делегация, во главе которой находился один из идеологов исламской революции, ближайший сподвижник покойного аятоллы Рухоллы Хомейни,

аятолла Абдол-Карим Мусави-Ардебили. Ее главной целью было выяснение возможности налаживания непосредственных, в обход Москвы, связей между ИРИ и Узбекистаном. Результаты визита были весьма скромными: удалось договориться о предоставлении помощи в возведении зданий шиитских мечетей в Самарканде и Бухаре, где жили шииты Узбекистана, не имевшие в советское время своих мечетей. Кроме того, было принято решение об открытии общества ирано-узбекской дружбы. Гости положительно оценили начавшееся с приходом эпохи перестройки оживление религиозной жизни[2]. Реисламизация стала фактом, который нельзя было уже оспаривать. Это выражалось, в частности, в увеличении числа мечетей, издании различной исламской литературы. Действительно, если в начале 1989 г. в Узбекистане функционировало примерно 80 мечетей, то уже к концу того же года их число удвоилось, а к марту 1991 г. достигло 250[3].

По данным ташкентского политолога Е. Абдуллаева, которые мы считаем несколько завышенными, в 1993 г. в Узбекистане насчитывалось уже 6000 мечетей [4].

Иранским религиозным деятелям, несомненно, импонировало то, что в Узбекистане стало широко практиковаться легальное распространение информации, пропагандирующей ценности и нормы ислама. Страна начала устанавливать прямые контакты с мусульманскими странами. В программах государственного телевидения и национального радио Узбекистана появились специальные передачи на мусульманскую тематику. На рубеже 1980–1990-х гг. огромной популярностью пользовалась телепрограмма «Маърифатнома» («Просвещение»), которую вел избранный весной 1989 г. главой мусульман Узбекистана известный богослов шейх Мухаммад-Содик Мухаммад-Юсуф, с именем которого связаны многие радикальные изменения в положении ислама в Узбекистане как в конце советского периода, так и в начале независимого развития Республики Узбекистан. С течением времени в стране начали создаваться даже кинофильмы религиозно-просветительского направления. На студии «Узбектелефильм» был создан пользовавшийся большим зрительским интересом телесериал «Лафз» (Слово). Его сюжет был основан на хадисах известного средневекового богослова имама аль-Бухари, жившего и творившего на территории современного Узбекистана. Фильм впервые ввел в практику национального узбекского кино, а затем и

других видов искусства синтез религиозных догм и повседневной жизни.

При поддержке Ирана Узбекистан стал полноправным членом мирового исламского сообщества, вступив в такие авторитетные международные организации, как Организация Исламская конференция (ОИК), Организация экономического сотрудничества (ЭКО). Несомненно, это способствовало поднятию престижа в современном исламском сообществе страны, давшей миру в средние века много первоклассных религиозных деятелей, имеющей издавна славу одного из центров исламской науки.

Религиозному руководству Ирана, несомненно, импонировало то, что в начале 1990-х гг. в Узбекистане как следствие политики либерализации общественной жизни всячески поощрялось религиозное возрождение. Президент И. Каримов активно использовал фактор возрождения религиозной жизни в республике с доминировавшим мусульманским населением в откровенно популистских целях, желая обеспечить себе победу на первых после провозглашения независимости 1 сентября 1991 г. президентских выборах, состоявшихся тремя месяцами позже[5]. В подобном же контексте можно рассматривать и такие акции, как клятва на Коране при проведении процесса инаугурации избранного президента И. Каримова, совершение вскоре после этого хаджа в Мекку, принятие решения об официальном праздновании исламских праздников «Ид оль-Адха» и «Ид оль-Фетр», оформленное специальным президентским указом[6].

Но уже тогда, с самого начала своеобразного исламского бума, узбекские власти почувствовали опасность роста в своей стране проявлений мусульманского фундаментализма, который они прямо увязывали с иранским влиянием[7]. Однако, угрозы, которые, по мнению узбекских властей, были обусловлены исламским фактором, в решающей степени были обусловлены внутренними, а не внешними причинами. Их следовало объяснять не привнесением извне радикального ислама, а вызреванием внутри страны как продукта внутриполитических противоречий, социально-экономической политики, имевшей своим следствием резкое падение жизненного уровня населения. На таком фоне выдвигаемые исламскими фундаменталистами идеи социальной справедливости и гармонии встречали поддержку населения. Не зря наиболее зримо очаги роста ислам-

ского фундаментализма проявились именно в Ферганской долине Узбекистана, где социально-экономические проблемы привели к обнищанию большинства населения. Власти ответили решительными мерами по обузданию проявлений фундаментализма, а не искоренению его причин. Директивы президента И. Каримова в этой связи, кроме всего прочего, регламентировали как обучение в исламских учебных заведениях всех ступеней, так и ношение исламской одежды, мужских причесок и др. Начатые узбекскими властями репрессии против исламских деятелей, рядовых священнослужителей и простых верующих, масссовое закрытие мечетей[8] привели к неожиданным для властей результатам – возникло мощное исламское подполье, создавшее структурированные организации, выступавшие с политическими лозунгами. При отсутствии в Узбекистане реальной политической оппозиции исламисты пытались заполнить возникший вакуум. В середине 1990-х гг. узбекская пропаганда стала использовать термин «ваххабиты» для обозначения исламских активистов. Тогда же, летом 1996 г., появилась первая формально организованная радикальная группировка – Исламское движение Узбекистана, руководители которого – Джума Намангани и Тахир Юлдашев – заявили, что ее цель – джихад против режима президента И. Каримова.

Все это в совокупности с событиями в граничащем сУзбекистаном Таджикистане, где происламские элементы были одной из главных сил, ввергнувших страну в кровопролитную гражданскую войну, явилось тем импульсом, который подвиг руководство Узбекистана не только на свертывание политики поощрения ислама, но и проведение разнообразных мер по жесткому противодействию распространению исламского фундаментализма. В мае 1998 г. была утверждена новая редакция Закона о свободе совести и религиозных организациях, выдержанная в запретительном духе. Он предписывал обязательную регистрацию мечетей в органах государственной власти, устанавливал нижний предел количества прихожан для открытия новых мечетей. Налицо было ужесточение законодательства в религиозной сфере. Все это президент И. Каримов аргументировал тем, что «...его страна не вписывается в мусульманский стандарт и имеет чисто светский характер»[9]. Разумеется, на таком политическом фоне развитие двустороннего взаимодействия между Республикой Узбекистан и Исламской Республикой Иран было обречено если не на жесткое не-

приятие со стороны узбекского руководства, то никак не на режим наибольшего благоприятствования. Кроме опасности использования связей с Ираном как канала для проникновения в Узбекистан массированного исламского влияния, Ташкент беспокоила и вероятность оживления и роста проиранских и сепаратистских настроений среди таджикского населения Самарканда, Бухары и ряда других регионов Узбекистана, где они составляли значительный процент в структуре населения. По сути, поощрение реисламизации Центральной Азии по иранскому образцу и поддержка ираноязычных этносов этого региона, живущих в плотном окружении тюркоязычных народов, действительно входили и входят в число несомненных приоритетов внешней политики исламского Ирана именно в Узбекистане, где по сравнению с другими республиками этого региона, например, Казахстаном и Киргизией, уровень исламизации демонстрировал стремление к дальнейшему качественному и количественному росту.

Вышеназванные обстоятельства во многом определяют развитие отношений между Ираном и Республикой Узбекистан, причем все эти годы манипулирование исламским фактором приобретает все большую остроту. В силу гипертрофированного внимания президента И. Каримова к проблеме роста происламских настроений в его стране, он реально демонстрирует серьезность опасений политизации ислама. Еще в первые годы после обретения Узбекистаном независимости, он начал выражать тревогу по поводу опасности исламского фундаментализма. На встрече с тогдашним американским министром обороны Уильямом Перри в апреле 1995 г. И. Каримов сказал: «...Узбекской независимости угрожает опасность с юга – фундаментализм»[10]. Растущее внимание к этой проблеме породило особое отношение узбекского руководства к реализации двусторонних связей с Ираном, приведшее в конечном счете к планомерному противодействию реализации достигаемых договоренностей и стагнации процессов двустороннего сотрудничества.

Вектор тяготения

С самого начала 1990-х гг. Иран стал для Узбекистана реальным вектором тяготения. Основой этого стали традиции многовекового конфессионального и этнического единства,

культурная и цивилизационная близость. Сотрудничество с Ираном призвано было в определенной мере нейтрализовать тот существенный ущерб, который был вызван разрывом устоявшихся экономических связей в рамках единого СССР. И хотя в долгосрочной перспективе основой стратегии Ирана по отношению к государствам с доминирующим мусульманским населением является реализация политики экспорта исламской революции, что, несомненно, способно вызвать неприятие глав секулярных режимов стран Центральной Азии, тактические задачи, концентрирующиеся в весьма диверсифицированном сотрудничестве в сфере экономики, торговли, науки, образования, медицины и т.д., вызывали к себе доверие. В Иране понимали, что на тогдашнем этапе такие тактические приоритеты сулили стране большой стратегический капитал, давали возможность сформировать прочную и устойчивую базу для дальнейшего продвижения своих интересов. Трудно не согласиться с процитированным в журнале «Иран сегодня» (2003, № 1) заявлением иранского ученого и дипломата д-ра Мехди Санаи: «Иран...стремится осуществить в Центральной Азии более гибкую внешнюю политику, доказывая на практике, что его цель является сотрудничество и политическая стабильность в регионе».

Узбекистан привлекал Иран своим людским потенциалом как самая густонаселенная страна региона, расположением в сердце региона, в качестве транспортной развязки при реализации экспортно-импортных операций в страны Центральной Азии. В Тегеране учитывали и такие реалии Узбекистана, как его позиционирование в качестве экономического плацдарма регионального значения, его роль как «четвертого в мире производителя и второго по объемам экспортера хлопка, нуждающегося в иранском транзите для выхода на мировые рынки»[11]. Важным фактором внимания Ирана к этой стране являются и ее минерально- сырьевые богатства, наличие больших запасов золота, меди, урана, каменного угля.

В структуре внешнеполитических приоритетов Узбекистана Иран все эти годы занимает одно из ведущих мест. Так было и в начале складывания отношений Узбекистана с государствами соседних регионов азиатского континента, так же обстоит дело и в нынешней первой декаде XXI века. Так, выстраивая иерархию внешнеполитических связей на ближайшую перспективу (начиная с 2007 г.), руководство Узбекистана поместило

Иран на первое место среди стран Ближнего и Среднего Востока и региона Персидского залива[12].

После официального установления равноправных дипломатических отношений 10 мая 1992 г. и обмена государственными визитами глав двух стран – И. Каримова в Иран в ноябре 1992 г. и иранского президента А.-А. Хашеми-Рафсанджани в Узбекистан в октябре 1993 г. – определились основные сферы сотрудничества и политического взаимодействия. Базовые документы сотрудничества – соглашения о сотрудничестве в области торговли и экономики, связи, телекоммуникаций, воздушного транспорта, культуры и туризма, коммюнике о развитии взаимоотношений – были согласованы и подписаны во время первого визита И. Каримова в Тегеран. Тогда же была создана совместная двусторонняя комиссия по сотрудничеству в торгово-экономической, промышленной и научно-технической областях. Ее заседания проходят регулярно, поочередно в столицах двух стран. Работа комиссии опирается на солидную договорную базу. За прошедшие годы подписаны и реализуются такие документы, как, например:

- Коммюнике об основах межгосударственных отношений между Республикой Узбекистан и Исламской Республикой Иран (от 25 ноября 1992 г.),
- Соглашение о международном автомобильном сообщении между РУ и ИРИ (18 октября 1993 г.),
- Соглашение о сотрудничестве таможенных органов РУ и ИРИ (12 июня 1999 г.),
- узбекско-иранское Соглашение о поощрении и защите инвестиций (11 июня 2000 г.),
- Меморандум о сотрудничестве между правительством Республики Узбекистан и правительством Исламской Республики Иран в борьбе с организованной преступностью и терроризмом (11 июня 2000 г.),
- Соглашение о сотрудничестве между Палатой производителей и предпринимателей Узбекистана и иранской Палатой торговли, промышленности и горнодобывающей промышленности (26 апреля 2002 г.),
- Меморандум о торговых льготах между правительством РУ и правительством ИРИ (17 июня 2003 г.),
- Соглашение между правительством РУ и правительством ИРИ о торгово-экономическом сотрудничестве (27 января 2005 г.) и многие другие.

Подписание в 1992 г. первых базовых документов, однако, не привело к серьезным подвижкам в сотрудничестве. Ни одно из принятых решений не воплощалось в жизнь. Именно поэтому в Иране придавали большое значение ответному визиту в Ташкент президента Али-Акбара Хашеми-Рафсанджани. Хашеми-Рафсанджани, будучи лидером набиравшего силу прагматического крыла иранского руководства, придавал большое значение продвижению иранских интересов на постсоветском пространстве. Осенью 1993 г. он совершил большую поездку по всем бывшим советским союзным республикам с доминирующим мусульманским населением, кроме Таджикистана, где тогда шла гражданская война.

Хотя официальная иранская пропаганда расценила первый официальный визит иранского лидера в Узбекистан как «...новую страницу в отношениях с мусульманскими государствами»[13], его результаты были более чем скромными: если во всех пяти государствах, где побывал Хашеми-Рафсанджани, было подписано более 60 документов двухстороннего сотрудничества, то в Узбекистане он поставил свою подпись лишь под двумя документами[14]. Не реализовалось даже намеченное на дни пребывания иранского президента в Ташкенте открытие прямого воздушного сообщения между Ташкентом и Тегераном, о котором заранее сообщили многочисленные иранские и узбекские СМИ. По официальной версии, оно было сорвано «по техническим причинам»[15]. Вместе с тем первые узбекско-иранские визиты на высшем уровне заложили базу для реализации имевшихся договоренностей.

Особенно динамично поначалу стали развиваться культурные контакты: были организованы первые выставки в Ташкенте на иранскую тематику, началось взаимодействие деятелей культуры. Однако даже начатые контакты в сфере культуры постоянно торпедировались из-за боязни проникновения по этим каналам идей исламского фундаментализма. Так, ученым-иранистам «не рекомендовалось» пользоваться присылаемыми им иранским посольством в Ташкенте приглашениями для участия в проводимых в Иране научных конгрессах и симпозиумах по своей специальности. По этой же причине не выполнялись в полном объеме договоренности об учебе или стажировке в иранских вузах узбекских студентов и преподавателей фарси. В последние годы такие обмены полностью прекратились, причем не по инициативе иранской стороны[16]. Как

показало во время научной командировки в Ташкенте в августе 2010 г. ознакомление с исследуемой тематикой Института востоковедения Академии наук Республики Узбекистан, в планах работы этого ведущего востоковедного научно-исследовательского учреждения страны вообще нет современных иранистических проектов. При этом узбекские иранисты занимаются Ираном, но исследуют период, заканчивающийся 19 веком. Это означает, что в стране не исследуются происходящие в Иране социально-политические процессы, не дается квалифицированная научная оценка динамики развития ИРИ, не создается научная база инструктирования руководства Республики Узбекистан в отношении реалий иранской политики, оценке ее приоритетов. Предпринятое нами тогда же изучение каталогов Фундаментальной библиотеки Академии наук РУ убедило в том, что политологических работ по современному Ирану в нынешнем Узбекистане попросту не создается.

По-иному обстоит ситуация в сфере иранистики, не связанной с современными проблемами – источниковедении, изучении материалов и рукописей, хранящихся в фондах института Востоковедения. Персоязычные рукописи составляют основу этого фонда, причем «...как в количественном, так и качественном отношении»[17]. В 1997 г. было заключено узбекско-иранское двустороннее соглашение, касавшееся сотрудничества в деле создания тематических каталогов ИВ АН РУ. С иранской стороны к работе был привлечен Центр по изучению Центральной Азии и Кавказа при МИД Исламской Республики Иран. Соглашение предусматривало подготовку для каждого из томов Каталога описания 3000–3500 рукописей. Уже через три года после подписания соглашения в Тегеране был издан первый том каталога, включивший тематику естественных и исторических наук. Издание было разослано в 184 государственные и фундаментальные библиотеки, известив тем самым мировую востоковедную общественность о «...содержании рукописного фонда ИВ АН РУ, культурном наследии государств Центральной Азии и сопредельных стран»[18]. Несколько образовательных и научных проектов реализовано при участии и финансовой поддержке Культурного представительства при Посольстве ИРИ в Ташкенте. В их числе отметим биобиблиографический справочник узбекских иранистов, дающий объемную картину развития этой отрасли востоковедения за последние полвека[19]. При иранской технической и финансовой

помощи издан ряд учебников фарси и произведений современной узбекской литературы, причем на латинице, внедряемой в стране с 1993 г. В сотрудничестве с Центром политических и международных исследований МИДа ИРИ переведены и изданы на фарси некоторые работы президента РУ Ислама Каримова, в частности, книга об экономических реформах в стране, предисловие к которой написал бывший посол ИРИ в Ташкенте Мохсен Пак-Аййин[20].

Иногда санкционированное властями противодействие культурному сотрудничеству принимало курьезные формы: распространение сувенирных экземпляров Корана среди посетителей первой выставки иранской культуры в Ташкенте в апреле 1993 г. чуть было не привело к ее закрытию и повлекло за собой запрет на публикацию в СМИ Узбекистана какой-либо информации о проведении этой выставки.

Культурное сотрудничество не стало за эти годы сферой планомерного взаимодействия двух стран. Многочисленные предложения иранской стороны о сотрудничестве в самых различных областях культурной жизни не принимаются или формально принимаются, а их реализация торпедируется. Причиной является боязнь духовно-религиозной экспансии со стороны Ирана под прикрытием культурного сотрудничества. Однако некоторые проекты культурного сотрудничества все же реализуются и позволяют жителям Узбекистана знакомиться с жизнью Ирана. Иран помог создать многотысячные книжные фонды в библиотеках при созданных в Узбекистане кабинетах иранистики. Они функционируют при Ташкентском институте востоковедения, исламском Университете Ташкента, Ташкентском университете мировых языков, Самаркандском институте иностранных языков, ряде университетов в областях Узбекистана. В марте 2007 г. открылся семнадцатый в республике

кабинет иранистики при философском факультете Узбекского национального университета им. Улугбека в Ташкенте. Церемония его открытия прошла с участием посла Ирана в Ташкенте Мохаммада Фатхали. Созданный при финансовой поддержке Ирана кабинет предоставляет студентам возможность глубже ознакомиться с культурой сегодняшней ИРИ и культурными и инновационными достижениями Исламской Республики. В Узбекистане регулярно проводятся выставки, знакомящие с культурной жизнью Ирана, проводятся фестивали иранского кино. Жителей Узбекистана знакомят с такими

традиционными для обеих стран видами искусства, как миниатюра и каллиграфия. Весной 2007 г. в Ташкенте прошла художественная выставка «Искусство миниатюры и каллиграфии Ирана и Узбекистана». Ее организовала Академия художеств Узбекистана при содействии посольства Ирана в Узбекистане. Искусство имеющей в Узбекистане много ценителей персидской миниатюры «глубоко созвучно изощренной восточной поэзии»[21]. Фигуры и изображения строятся на основе тончайшего линейного рисунка, располагаются на плоскости листа подобно красочному узору. Как отмечалось на открытии выставки, эти виды искусства, до сих пор высоко ценимые в обеих странах, создают неоценимый мостик взаимопонимания. Выставка прошла в рамках празднеств, посвященных решению Исламской организации по вопросам образования, науки и культуры (ISESCO) об объявлении Ташкента одной из четырех столиц исламской культуры в 2007 г. В экспозиции были представлены работы иранских художников-каллиграфов Султана Абади и Али Тана, посвященные темам философии и любви, украшенные композициями с арабскими орнаментами и священными надписями. Были представлены и работы узбекских художников Саидолима Шарипова и Мирадыла Якубова, отразивших традиции узбекской миниатюры, с композициями восточных орнаментов.

Устраиваются и международные конференции, рассматривающие совместное культурное наследие. Одна из них, состоявшаяся в Ташкенте в ноябре 2006 г. и прошедшая в Научно-исследовательском институте искусствознания Академии художеств Узбекистана, была посвящена теме: «Узбекско-иранские культурные связи: искусство Исфахана и межрегиональные художественные традиции». На ее открытии с обзором совместных достижений в сфере изобразительного искусства выступил посол Ирана в Ташкенте Мохаммад Фатхали. В научном форуме участвовали специалисты двух стран в области теории и истории искусства, архитектуры, музыки, произведений народных ремесел, декоративно-прикладного искусства, каллиграфии, ковроткачества, ювелирных изделий. Там же прошла выставка произведений изобразительного искусства, была представлена книжная экспозиция трудов иранских и узбекских искусствоведов. Иранской делегации была предоставлена возможность ознакомиться с коллекцией археологических находок, обнаруженных в результате длительных раскопок Тоха-

ристанской экспедиции и Узбекистанской искусствоведческой экспедиции[22]. Иранские школьники также достаточно активно участвуют в Ташкентских Международных выставках детского рисунка, организуемых Академией художеств Узбекистана. На выставке 2002 г. они заняли второе место после Турции среди участников из 25 стран, представив 540 экспонатов[23]. Однако все подобные акции культурного сотрудничества являются одиночными и эпизодическими, не поставленными на долгосрочную основу.

Торгово-экономическое сотрудничество

Итоги почти двух десятилетий двусторонних отношений показывают, что торгово-экономическая сфера стала основой узбекско-иранского сотрудничества. Показательны в этом отношении слова иранского посла в Узбекистане Мохаммада Фатхали: «Вместе мы 100-миллионный рынок»[24]. Иран импортирует из Узбекистана хлопок, медь, прокат черных металлов, полиэтилен, катоды и др., экспортируя туда фисташки, черный чай, дизельное топливо, сладости, растительное масло и др.[25] Иран уже вошел в первую десятку внешнеэкономических партнеров Узбекистана. Определенные колебания в объемах товарооборота за прошедшие годы двусторонних отношений объясняются кризисными периодами в развитии взаимодействия двух стран в политической области, о чем ниже будет рассказано подробнее. Так, в 1374 иранском году (март 1995 – март 1996) взаимный товарооборот достиг 150 миллионов долларов. Затем наступил период снижения активности в этой сфере. К концу 1990-х гг. вновь определился подъем: в 1999 г. объем товарооборота достиг отметки в 70 миллионов долларов[26]. В последнее десятилетие происходит последовательное наращивание товарооборота. Динамика выглядит следующим образом: 2000 г. – 117 миллионов долларов, 2001 г. – 150 миллионов долларов, 2002 г. – 210 миллионов долларов, 2003 г. – 310 миллионов долларов. В 2004 г. товарооборот достиг отметки в 374 миллиона долларов, а лишь за первое полугодие 2005 г. составил более 230 миллионов долларов[27]. В 2007 г. объем взаимного товарооборота между двумя странами составил 565 миллионов долларов США, а в январе-июне 2008 г. – 384,8 миллиона долларов[28], в целом за 2008 г. – более 600 миллионов долларов[29].

По итогам 2009 г. товарооборот между двумя странами достиг 572,7 миллиона долларов, а в первые три месяца 2010 г., то есть в январе – марте, составил 151,3 миллиона долларов[30].

В 2006 г. в Республике Узбекистан действовало 74 смешанных узбекско-иранских предприятия, причем 65 из них основаны на совместном капитале, а 9 – при 100%-ном иранском финансировании[31]. Ныне в Узбекистане работает порядка 200 совместных узбекско-иранских предприятий[32]. По другим данным, озвученным председателем Торгово-промышленной палаты Узбекистана Ш. Мирзоевым, в настоящее время в Узбекистане насчитывается более 120 совместных ирано-узбекских компаний, 20 из которых созданы при 100-процентном участии иранского капитала[33]. Основу номенклатуры иранского экспорта в эту страну составляют поставки нефти, стройматериалов, автомашин с запчастями, медицинского оборудования, медикаментов, сухофруктов, соков. В узбекском экспорте в Иран заметное место занимают также хлопок-сырец, продукция текстильной промышленности, газ и пластмассовые изделия. Что касается хлопка-сырца, то ныне создалась острая ситуация, связанная с его нехваткой для нормальной работы прядильных фабрик ИРИ. Дело в том, что

прядильным предприятиям страны разрешено импортировать хлопок только из Узбекистана. При этом из-за наводнений и вызванного ими сокращения производства хлопка в Китае и Пакистане китайские компании увеличили закупки хлопка в Узбекистане, и объемы предложений на узбекском хлопковом рынке сократились. Это связано и с тем, что в Узбекистане при зарубежной помощи создаются новые мощности по переработке хлопка, и это снижает объемы сырца, идущего на экспорт. Разумеется, такое положение обусловило нехватку хлопка на иранском рынке и еще больше повышает значимость сотрудничества в этой сфере с Узбекистаном.

Двустороннее сотрудничество в торгово-экономической и научно-технической сферах обсуждается на высоком правительственном уровне. Основана и активно действует межгосударственная комиссия, решающая проблемы взаимодействия между ИРИ и Узбекистаном на этом направлении. Так, в январе 2006 г. состоялось ее шестое заседание. На нем, в частности, определены шесть сфер сотрудничества в таких областях, как торговля и экономика, банковская сфера, финансы и страхование, транспорт, промышленность, сельское хозяйство,

культура и наука. Восьмое заседание комиссии, состоявшееся в конце февраля 2007 г. в Тегеране, акцентировало внимание на необходимости интенсификации двустороннего сотрудничества, призвало увеличить контакты и предпринять шаги по ознакомлению с действительным потенциалом сторон. Обе страны согласились поднять темпы и объемы сотрудничества в таких сферах, как экономика, торговля, финансовая сфера, индустрия, энергетика, производство товаров народного потребления, транспорт, связь, транзитные перевозки, сельское хозяйство, рыболовство. Через три года, в январе 2010 г., в Тегеране прошло десятое заседание совместной комиссии. На нем обсудили состояние и перспективы двустороннего сотрудничества в торгово-экономической и научно-технической сферах. Был сделан акцент на возможности увеличения товарооборота между двумя странами, дальнейшего развития сотрудничества в транспортно-коммуникационной сфере, прежде всего предусматривающего активное и взаимовыгодное использование транзитных возможностей обеих стран. Был подписан Протокол, где указано, что при имеющемся потенциале двух государств, взаимная торговля Ирана и Узбекистана в 2010 году должна увеличиться до 1 миллиарда долларов. Как заявил тогда в Тегеране руководитель узбекской делегации Э. Ганиев, расширение сотрудничества с Тегераном является одним из приоритетов узбекского правительства, добавив, что Иран является одним крупнейших торговых партнеров Узбекистана[34]. Как положительный шаг было отмечено, что в те дни в Тегеране был подписан документ, в котором предусматривается расширение списка товаров с 27 до 100 наименований, на которые распространяются преференциальные тарифы[35]. В качестве значимых инноваций можно назвать такие, как обсуждение условий для подписания контрактов между частными секторами двух стран на общую сумму в 30 миллионов долларов, создание торгового центра Ирана в Узбекистане и др.

Большой деловой активностью сопровождается проведение в Узбекистане иранских промышленных выставок. Уже первая из них, состоявшаяся в августе 1993 г., привлекла в столицу Узбекистана почти полсотни иранских фирм, многие из которых изъявили желание к сотрудничеству на достаточно выгодных для узбекских партнеров условиях. В дни работы в Ташкенте осенью 1996 г. выставки импортного потенциала северных провинций Ирана было подписано контрактов на по-

ставку иранских товаров в Узбекистан на сумму в 50 миллионов долларов. Подобными же объемами сделок отличались и последующие выставки этого направления. В последние годы стало практиковаться проведение бизнес-форумов, проводимых Торгово-промышленной палатой Узбекистана. На форумах звучали декларации руководителей палаты о том, что они готовы помочь продвижению перспективных проектов, однако лишь малая их часть реализовывалась.

Лишь весьма небольшое число иранских фирм сумело удачно освоиться на узбекском рынке. Так, компания «Сепанд груп» одной из первых открыла свое представительство в Ташкенте осенью 1992 г. Начало ее работы в Узбекистане было приурочено к визиту президента И. Каримова в Иран и преследовало сугубо пропагандистские цели. Через непродолжительное время компания открыла в Ташкенте фирменный магазин и приступила к созданию совместных предприятий в областях Узбекистана, в частности, трикотажной фабрики и фабрики по выделке кожи в одном из сельских районов Кашкадарьинской области. В 1994 г. она заявила о готовности инвестиций в развитие традиционного узбекского ковроткачества в Хиве и Бухаре. Другим удачным примером сотрудничества можно назвать фабрику по производству медицинских препаратов в Самарканде с долей иранского капитала в 97%. Вообще, в силу ряда причин, в том числе значения этого города в истории иранских государственных образований в средние века, широкого функционирования в нем близкого к фарси таджикского языка, Самарканд стал важным центром двустороннего сотрудничества. Именно там реализована значительная часть иранских инвестиций. В Самарканде создан единственный в стране частный ирано-узбекистанский банк[36]. В городе при иранском финансировании и техническом содействии построены и действуют текстильная и фармацевтическая фабрики, современная станция водоочистки. Иран помогает Узбекистану и в экономическом подъеме депрессивных районов. Так, при участии иранских специалистов завершается строительство ирригационной плотины на р. Аму-Дарья в г. Турткуле в южной части Каракалпакии (входит в состав Узбекистана в качестве субъекта), считающейся регионом экологического бедствия.

В качестве положительного примера можно привести и деятельность отделения одного из ведущих иранских банков – «Садерат». Это единственный в Узбекистане банк со 100%-ным

иранским капиталом. Кроме Ташкента, его отделение действует лишь еще в одной из столиц центральноазиатских государств – Ашхабаде. В столице Узбекистана отделение «Саде-рат» функционирует с 1998 г., став за эти годы основным банковским учреждением, финансирующим все виды деятельности по реализации экспортно-импортных операций, выдаче кредитов, проведения капиталовложений. Банком активно пользуются все совместные ирано-узбекские предприятия. Кроме узбекских и иранских юридических и физических лиц, банк обслуживает и клиентов из третьих стран, широко представленных в Ташкенте. В последние годы ввиду успешной деятельности банка регулярно снижаются тарифные ставки. Важно отметить и то обстоятельство, что весь штат узбекского отделения банка, кроме директора и его коммерческого заместителя, укомплектован местными специалистами.

Несколько иранских компаний приняло участие в процессах приватизации в Узбекистане. Среди них, как отметил нынешний посол ИРИ в Узбекистане Мохаммад Кешаварззаде, следует отметить компанию «Шафии», приватизировавшую ткацкую фабрику «Алишер Навои» в Ферганской области[37] и планирующую и далее работать в этом направлении.

Однако в силу различных, в основном политических причин число иранских совместных предприятий и фирм в Узбекистане росло чрезвычайно медленно. Так, в 1996 г. из примерно 2000 зарегистрированных Министерством внешнеэкономических связей Узбекистана совместных предприятий и иностранных фирм лишь 6 имели отношение к Ирану. При этом количество совместных предприятий, фирм и компаний с участием турецкого капитала приближалось к 200[38]. К 2005 г. в Узбекистане действовали уже 65 совместных узбекско-иранских предприятий[39], и было зарегистрировано 40 иранских компаний[40]. Сами иранцы признают, что потенциал двустороннего сотрудничества далеко не исчерпан. Действующий посол Ирана в Ташкенте Мохаммад Кешаварззаде в одном из интервью узбекским СМИ сказал:» Мы не смогли полностью реализовать свои возможности и не создали условия для того, чтобы привлечь иранский капитал в Узбекистан в той степени, в которой ожидали. ...Мы очень надеемся, что в последующие годы увеличится приток иранского капитала в Узбекистан»[41]. А торговый советник ИРИ в Узбекистане Сейед Моджтаба Фархади, выступая на специальном совещании, посвященном вопросам

инвестиционных возможностей в Узбекистане, которое было организовано в религиозной столице Ирана – Куме, заявил, что узбекский рынок нуждается в присутствии иранских предпринимателей и в иранских товарах[42].

Иранский дипломат аргументировал свое мнение тем, что Узбекистан – это государство, которое не имеет выхода к открытым водам мирового океана. Поэтому он вынужден искать выход к морю через соседние страны, и наиболее приемлемый для него путь проходит как раз через территорию Ирана. Он отметил, что через иранскую территорию ежегодно перевозится более 650 миллионов тонн узбекских грузов. Только лишь в прошлом году, по его словам, объем товарооборота между двумя странами вырос на 38%[43]. Иран также насущно нуждается в производимом в Узбекистане хлопке, 10% которого потребляется в ИРИ. По словам торгового советника Ирана в Узбекистане, в этой стране имеется целый ряд отраслей, которые могли бы быть проинвестированы иранскими предпринимателями. «Эта страна, например, отличается благоприятными климатическими условиями для выращивания фруктов, однако здесь отсутствуют возможности для их хранения. В Узбекистане нет серьезных проблем с жилищным строительством, однако эта страна остро нуждается в развитии строительства промышленных зданий и проектировании таких зданий. Эти и другие отрасли могут быть весьма перспективными с точки зрения инвестиций...Узбекистан нуждается в развитии горнодобывающей промышленности, транспорта, перерабатывающей промышленности, а также в развитии технологий»[44]. Сами иранские бизнесмены, работающие в Узбекистане, признают, что низкие темпы развития экономического сотрудничества много лет сдерживались недостаточной правовой базой, невозможностью конвертировать узбекскую валюту, высоким уровнем коррумпированности чиновников. Узбекистан последним из стран Центральной Азии подписал инициированный Ираном в рамках ЭКО договор, предусматривавший освобождение от двойного налогообложения, льготный таможенный режим и благоприятный торговый транзит. Тем не менее Ташкент своевременно получил возможность использовать иранскую территорию для транзита своего главного экспортного товара – хлопка – на мировые рынки. Лишь после семи лет проволочек и бюрократических препонов в узбекских инстанциях был подписан и начал реализовываться договор о прямом воз-

душном сообщении между Ташкентом и Тегераном. По мнению самих иранцев, до сих пор существует много проблем, мешающих нормальной реализации сотрудничества. Сюда следует отнести такие, как неправомерно долгая задержка иранских грузов на таможенных пунктах Узбекистана, трудности в получении многоразовых виз для иранских водителей грузовиков, неотработанность процессов страхования грузов, транспортируемых по территории Узбекистана, отсутствие гарантий иранского правительства по поводу несоблюдения обязательств узбекской стороной[45]. Для решения всех этих проблем иранцы предлагали создать на постоянной основе коммерческий центр, совместную торгово-промышленную Палату и открыть в Узбекистане отделение иранской Организации коммерческого развития.

Существенным обстоятельством, затрудняющим создание в Узбекистане совместных предприятий с иранским участием, является также трудность оформления необходимых документов, сложившаяся в стране практика дачи взяток практически на всех уровнях. В конце декабря 2006 г. в прессу просочились сведения о том, что узбекско-иранское совместное предприятие по выпуску бытовой техники, расположенное в Самаркандской области, выпускает не соответствующие необходимым стандартам газовые печи. Их эксплуатация привела к смерти нескольких человек. Выяснилось, что это совместное предприятие было создано при поддержке высокопоставленных чиновников, получивших взятки. Они же помогли широкой рекламе этой продукции по различным телеканалам. Но за некачественную продукцию и сиюминутную выгоду чиновников расплатились своими смертями не только простые люди, но и глава одного из районов Самаркандской области. Эта история получила в Узбекистане широкий общественный резонанс[46]. По политическим причинам не развивается сотрудничество различных министерств и государственных комитетов Узбекистана по целому ряду перспективных направлений, инициированное различными иранскими фирмами и компаниями. Так, в 2007–2008 гг. в Ташкенте проходили переговоры в Министерстве энергетики, Минсельхозе, Госкомитетах по птицеводству и рыболовству. Иранцы выдвинули ряд деловых предложений, которые при условии реализации предполагали создание новых производств, продвижение новых технологий, создание большого количества новых рабочих мест, необходимые капиталовложе-

ния. «В завершение переговоров обычно говорилось – мы обдумаем ваши предложения, и дадим ответ. Однако ни по одному из тогдашних предложений положительного ответа дано не было, хотя они были достаточно аттрактивными. Например, предложения создания новых производств просчитывали и зарплату работников, причем закладывали ее в высоких для Узбекистана параметрах – порядка 300 долларов, что гораздо выше средней по стране»[47].

При всем при этом постепенно происходит продвижение на узбекский рынок перспективных иранских проектов. Так, иранская фирма EMG приступила к строительству завода по производству керамической плитки в г. Ахангаране стоимостью 24 миллиона долларов[48]. Его мощность составит 4,5 миллиона квадратных метров керамической плитки в год на базе производственных мощностей узбекского объединения «Ахангаранлинпласт». Поставщиком оборудования выступит итальянская компания SACMI. Строительство завершится в течение 12 месяцев. Финансирование проекта будет осуществляться за счет кредита Исламского банка развития в размере 18 миллионов долларов, а также собственных средств иранской компании. Строительство нового предприятия позволит отправлять до 40% выпускаемой продукции на экспорт в соседние страны региона. Завод сможет в большей части удовлетворить потребность внутреннего рынка Узбекистана в керамических плитках, которая составляет около 6 миллионов квадратных метров ежегодно. До строительства завода 95% потребности страны покрывалось за счет импорта. В том же городе эффективно функционирует совместное предприятие на базе иранской фирмы «Моинтекстиль». Оно выпускает различные виды штор и занавесок и обеспечивает создание 120 новых рабочих мест.

Другой проект – новое ирано-узбекское предприятие «Taael Polimer Sintez» по производству пластмассовой тары емкостью до 60 литров для хранения жидкостей, химических растворов и другой продукции. Оно открылось в 2007 г. в узбекском городе Навои[49]. Предприятие создано при участии ОАО «Навоиазот», ООО «Синтез» (Узбекистан) и компании «Taael Mashhad LTD.Co» (Иран), внесших в уставной фонд СП более 370 тысяч долларов, на которые было приобретено производственное оборудование. Необходимое сырье поставляет расположенный в том же регионе Узбекистана химический комплекс «Шуртангаз». 90% продукции экспортируется в Рос-

сию, Иран, Пакистан, Казахстан, Таджикистан, остальная часть реализуется на внутреннем рынке. В том же северо-западном регионе Узбекистана Иран создает совместные предприятия и в сельскохозяйственном секторе. Так, в Канимехском районе с октября 2010 г. организуется совместное предприятие по выращиванию крупного рогатого скота мясо-молочного направления и переработке мяса и молока. В осуществление этого проекта иранская сторона предполагает инвестировать два миллиона долларов. Иранский участник проекта – компания «Алик Ширворан», крупнейшая в Иране в своей сфере бизнеса. Она специализируется на зооветеринарном сервисе. Основываясь на новейших достижениях зооветеринарной науки и практики, компания оказывает на современном уровне широкий спектр зооветеринарных услуг животноводческим хозяйствам своей страны. Узбекистанский рынок заинтересовал инвесторов из Ирана по многим причинам, в том числе ввиду наличия в этом регионе страны развитой сети инженерных коммуникаций, в частности, железных и автомобильных дорог, линий электропередач, газовых магистралей, обеспечивающих экологически чистым и сравнительно недорогим природным топливом даже самые отдаленные уголки региона. Осуществление проекта рассчитано на 24 месяца.

Сотрудничество в транспортной сфере

Кроме торгово-экономических связей, важное значение приобрело за эти годы сотрудничество в транспортной сфере, которое квалифицируют сейчас как один из приоритетов узбекско-иранского сотрудничества. Оно началось после пуска в эксплуатацию в мае 1996 г. железной дороги Мешхед-Серахс-Теджен, которая связывала с сетью иранских железных дорог железнодорожные магистрали Центральной Азии. Таким образом, открывался кратчайший путь из стран центральноазиатского региона в направлении Ближнего Востока и Европы.

Однако почти сразу после открытия этой магистрали выявились существенные расхождения в точках зрения иранского и узбекистанского руководства по поводу ее значения. Иранские руководители квалифицировали магистраль как имеющую громадный потенциал международную артерию[50]. Однако в речи президента Узбекистана И. Каримова, произнесенной на сам-

мите руководителей государств-членов ЭКО, приуроченном к пуску в эксплуатацию магистрали, была сделана попытка существенно принизить ее значение, обосновать необходимость прокладки новых дорог в обход иранской территории[51]. При этом сам Узбекистан начал эпизодически пользоваться этой магистралью лишь с августа 1996 г. для экспорта производимого в стране хлопка в направлении Юго-Восточной Азии[52]. Хотя Республика Узбекистан не использует даже свою квоту провоза экспортной продукции по магистрали, его представители не раз заявляли о том, что эта транспортная артерия «...не способна в полной мере обеспечить потребности Узбекистана и других среднеазиатских государств»[53]. Однако нынешняя реальность такова, что в последние годы грузоперевозки по этой магистрали заметно интенсифицировались. По данным Генерального директора железнодорожной компании иранской провинции Хорасан Мохаммада – Хади Зийаимехра, объем товарообмена между Иранскими железными дорогами и железными дорогами государств Центральной Азии через Серахс за первые четыре месяца 1388 г. по иранскому календарю (то есть за период 21.03–22.07.2009) увеличился на 27% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года[54]. Иран за это время экспортировал в страны ЦА 204 тысячи тонн грузов, что на 35% больше по сравнению с прошлым годом. Узбекистан с 10% этого объема занимал последнее место, доля Туркменистана составила 42%, Таджикистана – 21%. Что касается импорта в Иран из ЦА, то общий объем по этому транспортному направлению за указанный период составил 520 тысяч тонн грузов, причем подавляющая часть грузов импортировалась из Казахстана. Однако и Узбекистан активно использует эту магистраль для транзита грузов. Их объем за этот же период составил 426 тысяч тонн. Здесь превалирует хлопок, алюминий, горюче-смазочные материалы и др. Доля Узбекистана в транзите через Серахс составила 53%, Таджикистана – 27%, Туркменистана – 17%.

Вместе с тем, несмотря на не совсем позитивный опыт сотрудничества в использовании дороги Мешхед-Серахс-Теджен для экспортно-импортных операций, Иран и Узбекистан намерены широко взаимодействовать в ряде других транспортных проектов, в том числе – трехсторонних. Так, во время визита в Ташкент первого вице-президента ИРИ Мохаммад-Резы Арефа в январе 2005 г. был подписан протокол о начале реа-

лизации трехстороннего узбекско-ирано-афганского соглашения о строительстве автомагистрали, соединяющей все три государства. Само соглашение было подписано 19 июня 2003 г. президентами трех стран – И. Каримовым, С.М. Хатами и Х. Карзаем. Тем самым обе – Иран и Узбекистан – страны окажут существенную помощь Афганистану в освоении его пустынных северо-западных районов, почти лишенных линий коммуникаций. Эта дорога напрямую свяжет центр Северного Афганистана Мазари-Шариф и крупнейший город северо-запада страны – Герат как с Узбекистаном, так и с Ираном, выйдет к иранским портам Бендер-Аббас и Чахбахар, что позволит использовать проложенную транспортную коммуникацию для торговли между всеми тремя участниками строительства. Кроме того, будет обеспечено круглогодичное транспортное сообщение. Для Афганистана значение этого проекта состоит еще и в том, что он приблизит север страны к ее центру и создаст новые импульсы к экономическому подъему этого региона. Строительство дороги, учитывая отсутствие стабильности и безопасности в Афганистане, пока идет крайне медленно. Прокладывая эту дорогу, Иран и Узбекистан как страны, принимающие активное участие в восстановлении послевоенного Афганистана, отрабатывают и реализацию первого совместного проекта в третьей стране, что выводит их двустороннее сотрудничество на качественно новый уровень. На первом этапе строительства, до лета 2005 г., ввиду существовавших тогда достаточно тесных отношений между Узбекистаном и США Ташкент опасался слишком явно показывать свое сотрудничество с Ираном на афганской территории. После начала летом 2005 г. процесса дистанцирования от США сняты условные препоны на реализации этого проекта.

Значение этой артерии для самого Узбекистана состоит в том, что создается еще один экономичный путь для экспортных операций в южном направлении, в частности, для вывоза таких важных статей узбекского экспорта, как хлопок и стройматериалы. Иран рассчитывает, что эта магистраль создаст более широкие возможности для выхода иранских товаров на рынки государств Центральной Азии. Такой оптимизм, однако, не принимает во внимание того факта, что политические реалии и экономическая политика в нынешнем Узбекистане не способствуют открытию границ страны для свободного рынка. Вместе с тем заинтересованность Узбекистана в строи-

тельстве этой шоссейной магистрали и проработка вопроса возможности строительства параллельной железной дороги позволяют говорить о перспективности этого инфраструктурного проекта. Для Ташкента этот проект важен еще и как реальное взаимодействие с Ираном в плане поддержки правительства Х. Карзая, демонстрация решимости на деле способствовать нормализации общественно-политической жизни в Афганистане, поднять его разрушенную экономику. ИРИ и РУ сотрудничают в противодействии наркотической угрозе, исходящей из этой страны. Каждая из республик реализует собственные проекты в сфере афганского сельскохозяйственного производства, которые оздоровят его и позволят отказаться от односторонней ориентации на выращивание наркосодержащих культур.

Обе страны намерены и в дальнейшем взаимодействовать в транспортной сфере. В июле 2010 г. по этому вопросу состоялись переговоры между министром дорог и транспорта Ирана Хамидом Бехбехани и вице-премьером правительства Узбекистана, министром внешних экономических связей, инвестиций и торговли Узбекистана Э. Ганиевым. В частности, обсуждались вопросы дальнейшей интенсификации грузоперевозок, в том числе в рамках международных транспортных коридоров «Восток-Запад» и «Север-Юг», транзитных грузоперевозок, прежде всего по маршруту Узбекистан – Туркменистан – Иран. Х. Бехбехани выразил заинтересованность ИРИ в увеличении объема транзитных перевозок автомобильным транспортом, а также в интенсификации авиаперевозок. В Тегеране связывают развитие транспортной инфраструктуры с основой всего комплекса торгово-экономических отношений двух стран, полагая, что пуск в 2006 г. железнодорожной ветки между иранскими городами Бафк и Бендер-Аббасом, который позволил сократить выход Узбекистана к Персидскому заливу на 800 км, сулит Республике Узбекистан немалые экономические выгоды. Обе стороны вновь подтвердили, что приоритетом сотрудничества по-прежнему остается реализация трехстороннего соглашения о международных автомобильных перевозках и создания трансафганского коридора Термез – Мазари-Шариф – Герат с последующим выходом на иранские порты Бендер-Аббас и Чахбахар.

Значимость транспортной инфраструктуры для экономики, однако, используется в последнее время Ираном в качестве средства давления на Узбекистан. Обратимся к такому случаю,

имевшему место летом 2010 г. Его импульсом послужили проблемы в железнодорожных перевозках между Узбекистаном и Таджикистаном, логично вытекающие из напряженных отношений между двумя соседними странами. Иран выступил с официальным предостережением Узбекистану, что если тот продолжит удерживать грузы для Таджикистана, Иран закроет транзит для узбекских вагонов через Иран. По данным информагентства «Фергана.Ру», компания «Иранские железные дороги» направила в адрес узбекской железнодорожной компании «Убекистон темир йуллари» письмо, в котором сообщала о том, что с 10 июня Иран приостанавливает транзит узбекских вагонов по своей территории. Транзит ежесуточно составляет до 150 вагонов, груженых преимущественно хлопковолокном, которые направляются в морские порты на юге Ирана для последующего экспорта в третьи страны. Объясняя такую ситуацию, представитель иранской железнодорожной компании сказал, что в принципе у Ирана нет проблем с узбекскими железными дорогами. Эта мера была предпринята для поддержки Таджикистана, и ее инициатива исходила от высшего руководства Ирана. На следующий день после получения письма 1-й вице-президент узбекских железных дорог Акрамджон Абдуллаев связался с Тегераном и заверил, что впредь не будет задержек с вагонами для Таджикистана. После этого руководство Ирана приняло решение пока не вводить запрет для узбекских вагонов[55]. Иранские СМИ, однако, заняли протаджикскую позицию, обвиняя Узбекистан и в таких актах, как подрыв вагонов с важными для Таджикистана народнохозяйственными грузами. Так было, когда в июле 2010 г. на станции Джалалетдин Руми на юге Таджикистана взорвалось 37 вагонов с гудроном, простоявшие до этого длительное время на узбекской территории[56].

Кстати, эти железнодорожные проблемы как один из аспектов возникшей из-за односторонней поддержки Таджикистана конфронтации в двусторонних отношениях между Узбекистаном и Ираном стали причиной того, что был нанесен вред и ирано-таджикским внешнеэкономическим связям. В течение долгого времени на территории Узбекистана оказались задержанными около 70 вагонов с грузами для Сангтудинской ГЭС-2, которая строится в Таджикистане при экономической помощи Ирана[57]. Транспортная блокада со стороны Узбекистана уже существенно повлияла на темпы строительства этой ГЭС на юге Таджикистана. Узбекистан выступает против ее строительства,

так как опасается, что после его завершения страна начнет испытывать дефицит воды. В Иране не раз отмечали по этому поводу, что «одной из основных проблем, препятствующих развитию его сотрудничества с Таджикистаном, является транспортировка товаров и оборудования через территорию соседней с Таджикистаном страны – Узбекистана»[58]. Отметим, что Иран неоднократно предлагал свое посредничество в разрешении возникающих между Узбекистаном и Таджикистаном проблем. Такая тема в очередной раз обсуждалась на последней встрече президентов Таджикистана и Ирана в июне 2010 г.

В последние годы апробируется и внешнеэкономическое сотрудничество на уровне регионов двух стран. Один из них – иранская провинция Кум. В июле 2010 г. там состоялось обсуждение вопросов торгово-экономического сотрудничества между деловыми кругами названной провинции и Узбекистана. На нем было сообщено о том, что к настоящему времени подписан ряд контрактов между предпринимателями провинции Кум и Узбекистана. В 2009 г. объем взаимного товарооборота составил 4 миллиона долларов. Импорт в Узбекистан был представлен пряжей, пластиковой продукцией, текстильными изделиями, крахмалом и бобовыми[59]. Сотрудничество поставлено на договорную основу: в 2010 г. иранские предприниматели посетили Узбекистан, где было подписано пять соглашений и один меморандум о взаимопонимании[60]. По словам начальника одного из департаментов Торгово-промышленной Палаты провинции Кум Хасана Джамшидиха, Узбекистан представляет для них новый и емкий рынок, который необходимо интенсивно осваивать[61]. Возможно, опыт Кума будет востребован и в других провинциях Ирана.

Политический диалог

Что касается политического диалога двух стран, то он носит довольно ограниченный характер. В апреле 2010 г. на эту тему высказался первый вице-президент Ирана Мохаммад Реза Рахими, который на встрече с узбекским послом в Тегеране Ильхамом Акрамовым отметил, что политические отношения между Ираном и Узбекистаном не развивались так же интенсивно, как двусторонние торговые отношения. Рахими призвал к полномасштабному расширению политических отношений

между двумя странами, подчеркнув потребность поощрения политических отношений между Тегераном и Ташкентом. М.Р. Рахими полагает, что нет никакого препятствия и проблем с иранской стороны для поощрения более высокого уровня двусторонних отношений[62]. Однако вплоть до последнего времени у каждой из сторон имелись серьезные претензии друг к другу. Они выражались, например, в том, что в Иране достаточно открыто, не боясь реакции официального Ташкента, говорили о том, что Узбекистан является основным каналом реализации политики США в центральноазиатском регионе. Все эти годы в Тегеране внимательно отслеживали изменения векторов политической ориентации Узбекистана. Меняющиеся в течение первого десятилетия каждые два-три года политические приоритеты узбекского руководства, подверженные достаточно резким колебаниям, заставляли и Тегеран вносить свои коррективы в отношения с Ташкентом. Действительно, вслед за недолгим по времени периодом ориентации на турецкую модель политического и социально-экономического развития, оказавшуюся для Узбекистана «...более мифом, чем реальностью»[63], пришло время следования «китайскому экономическому чуду», опыт которого президент И. Каримов считал важным перенять. Но и этот период сменился радикальным поворотом с Востока на Запад, демонстрируя на деле курс на сближение с США. По сути, такой поворот логически вытекал из первоначальной ориентации на Турцию. Запад, в свою очередь, видел в Узбекистане некий противовес иранскому влиянию в регионе. Такие зигзаги во внешнеполитических пристрастиях Узбекистана вызывали и вызывают в Иране повышенное внимание, ибо всякий раз сигнализируют о новом повороте политической реальности в регионе. Еще в 1996 г. иранская праворадикальная газета «Ресалат» отмечала, что Узбекистан превратился в проводника американского влияния в регионе[64]. Разумеется, для Ирана была важна не сама по себе смена приоритетов президента И. Каримова, а ставшее реальным сближение Узбекистана со страной, до сих пор числимой Тегераном своим врагом номер один.

Иранское руководство не раз настораживали случаи безусловной поддержки Узбекистаном внешнеполитических шагов США, даже в тех случаях, когда в них не было насущной необходимости. Узбекистан был единственной центральноазиатской страной, решительно поддержавшей введенные в мае 1995 г.

антииранские санкции США, а президент И. Каримов однозначно заявил по этому поводу: «Мы знаем цели этого эмбарго и поддерживаем его». Ни одно из соседних центральноазиатских государств не выступило тогда на стороне США. Видимо, и сам президент Узбекистана И. Каримов спустя некоторое время решил пересмотреть этот, как ему тогда казалось, не до конца обдуманный шаг. Уже в июле того же года глава МИДа Узбекистана А. Камилов на встрече с послом Ирана в Ташкенте С.М. Хашеми-Гольпаегани заявил, что это решение дезавуировано[65]. А. Камилов подтвердил это же и на встрече в Тегеране с тогдашним президентом Ирана А.А. Хашеми-Рафсанджани на церемонии открытия посольства Узбекистана в Иране[66]. Однако поддержка Узбекистаном антииранского экономического эмбарго США не была случайным эпизодом. Спустя полтора года последовало проамериканское голосование Узбекистаном в ООН в поддержку санкций против Кубы, также негативно оцененное Ираном[67]. Еще большее недовольство Тегерана вызвало принятое в марте 1998 г. решение совместной американо-узбекской комиссии по сотрудничеству, состоящее в том, что Узбекистан обязывался согласовывать с Госдепартаментом США все свои шаги, касающиеся Ирана. Как писала тогда иранская газета «Салам», «...власти Узбекистана реализуют разработанный США стратегический курс на ослабление иранских позиций в Центральной Азии»[68]. В свете никак не уменьшающейся политической конфронтации между США и Ираном иранское руководство отнюдь не радовало желание Вашингтона видеть в Узбекистане своего стратегического партнера в центральноазиатском регионе. Достаточно негативно оценивают в Тегеране и участие Узбекистана в программе НАТО «Партнерство ради развития», в рамках которой республика в течение ряда лет получала помощь в военной сфере, что выражается в поставках экипировки, проведении совместных учений, консультировании, подготовке военных кадров. С точки зрения Тегерана это означает постепенную интеграцию Узбекистана в структуры НАТО, что в дальнейшем чревато потенциальной возможностью участия Североатлантического блока в процессах обеспечения безопасности вначале на уровне центральноазиатских государств, а затем – и всего региона. Иран, в резкой форме противящийся участию внешних игроков в решении региональных проблем, последовательно и бескомпромиссно отстаивает линию на недопущение в регион стран Запада, осо-

бенно – США. Наметившееся в последние два года очередное политическое сближение между США и Узбекистаном вызывает очередную волну беспокойства в Иране. Так, сообщая 18 июля 2010 г. об очередном визите в Ташкент помощника Госсекретаря США Джеймса Штайнберга, иранское информагентство «Фарс» акцентирует внимание читателей на том, что это «четвертый визит высокопоставленного американского чиновника всего за два последних месяца»[69].

Иногда недостаточное взаимопонимание между двумя странами принимает довольно жесткие формы. Президент Узбекистана И. Каримов не раз прибегал к прямой конфронтации с иранским руководством. Так, вряд ли способствовали укреплению доверия между двумя странами острые споры И. Каримова на двух саммитах ЭКО с иранским президентом А.А. Хашеми-Рафсанджани, о которых тегеранская газета «Эттелаат» еще в 1996 г. писала: «Для отношений двух стран характерно продолжение острой словесной перепалки их лидеров»[70]. После серии взрывов в центре Ташкента 16 января 1999 г., приведших к многочисленным жертвам, И. Каримов официально заявил о том, что теракты были организованы движением «Хезболла». Такое обвинение, не адресованное прямо Ирану, но констатирующее вмешательство во внутренние дела своей страны со стороны организации, которая пользуется открытой поддержкой иранских властей и не предпринимает каких-либо серьезных действий без их одобрения, следует, очевидно, понимать как прямое обвинение в адрес иранских властей. Аналитики расценили высказывания И. Каримова как «серьезный симптом нового геополитического противостояния в регионе»[71]. Для многих из них осталось непонятным, зачем в столь непростой ситуации, когда вслед за терактами Узбекистан вышел из Договора о коллективной безопасности в СНГ, тем самым заявив о дистанцировании от России, Ташкент идет на осложнение отношений и с Ираном, который является де-факто его основным и самым сильным стратегическим партнером на юге. По всей видимости, объяснение следует искать в том, что в тот период И. Каримову было тактически предпочтительней решить собственные проблемы своими силами, памятуя о том, что Иран вряд ли когда-либо откажется от идеи сближения с этой ведущей страной центральноазиатского региона.

Серьезной болевой точкой в узбекско-иранских отношениях является таджикская проблема. Вначале, на заре таджик-

ской независимости в 1992 г. Иран негативно оценивал поддержку Узбекистаном таджикских правительственных войск в вооруженном противостоянии с оппозицией. Затем ситуация радикально изменилась. С середины 1990-х гг. Ташкент начал оказывать знаки внимания оппозиции, «...заняв довольно жесткую позицию по отношению к нынешнему душанбинскому руководству»[72]. По оценкам иранской прессы, узбекские власти использовали методы силового давления, пытаясь заставить президента Э. Рахмонова пойти на максимально быстрые договоренности с оппозицией[73]. Иран при этом пытался играть роль посредника, несмотря на то, что на его территории получил политическое убежище ряд представителей исламской оппозиции Таджикистана.

Напряженность между двумя странами не уменьшается еще из-за того, что, по заявлениям Ташкента, на таджикской территории, в горных районах имелись базы боевиков Исламского движения Узбекистана (ИДУ). Во время их рейдов на территорию Узбекистана летом 1999 и 2000 гг. узбекско-таджикские отношения принимали предельно конфронтационный характер, хотя таджикские власти давали понять, что районы, где имелись базы ИДУ, не контролировались в то время правительственными войсками. Чтобы не допустить перехода боевиков через узбекско-таджикскую границу, вдоль границы со стороны Узбекистана были созданы многочисленные минные поля. Это приводило к жертвам среди мирного населения. Лишь в период между августом 2000 и февралем 2001 года, подорвавшись на противопехотных минах, там погибло более 20 граждан Таджикистана. Иран, как один из гарантов межтаджикского урегулирования, весьма обеспокоен неурегулированностью отношений между Узбекистаном и Таджикистаном, и в конфликте между двумя странами традиционно, в силу паниранской солидарности, принимает сторону Таджикистана.

В последние годы узбекское руководство устами своего посла в Таджикистане Ш. Шаисламова не раз заявляло, что между двумя странами нет политических разногласий, а существуют разногласия по хозяйственным вопросам[74]. Такая констатация упрощает и приземляет серьезные проблемы, доставшиеся от советского наследия. Во-первых, у таджиков чувствуется неудовлетворение тем, что их главные культурные и исторические центры – Самарканд и Бухара – при образовании советских республик остались вне границ их государственности,

став частью Узбекистана. После образования независимого Таджикистана эта проблема приобрела актуальность среди значительной части населения. При этом сам президент Таджикистана Эмомали Рахмон признает, что «современные границы стран Центральной Азии – это факт, не подлежащий пересмотру, разрушение их равносильно региональной катастрофе»[75]. Невозможность решения территориальных проблем в значительной мере обусловила охлаждение двусторонних отношений. Непреодолимым препятствием в нормализации двусторонних отношений является и проблема водопользования и строительства новых ГЭС. Здесь завязаны интересы не только Таджикистана, но и соседних стран – против этого проекта выступают Туркмения, Казахстан и Узбекистан. Сельское хозяйство Узбекистана особенно пострадает, если Таджикистан не учтет влияния последствий создания новых ГЭС, в реализации которых, кстати, активно задействован и Иран, на использование водохозяйственных ресурсов Узбекистана. В Иране вызвал резкое неприятие тот факт, что Узбекистан отказался подписать разработанный в Бишкеке в июне 2008 г. на совещании по водохозяйственной и топливно-энергетической отраслям Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана протокол об использовании водных ресурсов Нарын-Сырдарьинского бассейна. Так же отреагировали в Тегеране на обострение полемики между Узбекистаном и Таджикистаном по поводу распределения водных ресурсов в свете строительства в Таджикистане Рогунской ГЭС. На таком фоне реализация планов по созданию новых ГЭС в Таджикистане вызвала своего рода рельсовую войну между двумя странами. Узбекистан создает помехи для перевозок грузов, идущих из Таджикистана или предназначенных для Таджикистана. На территории Узбекистана длительное время простаивают вагоны, принадлежащие таджикским предпринимателям и груженые цементом, стройматериалами, строительной техникой для гидроэлектростанций. Другая причина напряженности состоит в том, что после неоднократных вылазок боевиков Исламского движения Узбекистана (ИДУ), Узбекистан в одностороннем порядке заминировал несколько горных участков границы с Таджикистаном, не предоставляя соседям карту заминированных участков. Как результат – десятки жителей Таджикистана, погибших от взрывов узбекских противопехотных мин, еще сотни людей и животных получили увечья. Как следствие, в односто-

роннем порядке между двумя странами был введен визовый режим.

Напряженность в отношениях между Таджикистаном и Узбекистаном со временем только нарастает, причем на фоне оживления идеи создания Союза персоязычных стран. После встречи в августе 2010 г. в Тегеране глав Ирана, Афганистана и Таджикистана план создания такого альянса приобретает все большую актуальность. В Душанбе заметна самая большая заинтересованность в таком союзе, основу которого там видят в наследии древней «арийской цивилизации», «носители которой якобы являлись общими предками именно иранцев, таджиков, большинства народностей Афганистана и других индоиранских групп» [76]. Аналитики прогнозируют превращение «арийства» в Таджикистане в важную часть государственной идеологии, способную оказать сильное влияние на ситуацию в регионе, в том числе «на отношения с соседними тюркоязычными странами, в первую очередь – с Узбекистаном»[77]. Дальнейшая реализация этого союза, который в Иране рассматривают очень серьезно, приведет ко все большим предпочтениям, оказываемым Тегераном Душанбе в ущерб Узбекистану, что создаст максимально негативный фон узбекско-иранским отношениям.

Достаточную напряженность ирано-узбекистанскому диалогу придает тот факт, что Узбекистан предпочитает занимать самостоятельную, отличную от соседних стран позицию по афганской проблеме. Серьезным обстоятельством, осложнившим в 2000 г. политический диалог между Узбекистаном и Ираном, стали попытки руководства Узбекистана пойти на позитивный контакт с фундаменталистским движением «Талибан» в Афганистане. С самого начала возникновения этого фундаменталистского движения в 1994 г. Иран занял по отношению к нему позицию крайнего неприятия. В Иране не раз заявляли, что введенные талибами жесткие исламские нормы дискредитируют вполне цивилизованную версию исламского правления, утвердившуюся в Иране после победы революции 1979 г. Режим талибов, как писала иранская пресса, «порочит ислам, создает его крайне непривлекательный имидж в глазах мирового сообщества»[78]. Кроме того, инициированная президентом Ирана Сейедом Мохаммадом Хатами в 1999 г. идея диалога цивилизаций подразумевает взаимодействие сторон, представляющих примерно равный культурный уровень. Талибы, погрузив-

шие свою страну в тьму средневековья, рассматривались Ираном как сила, порочащая просвещенный ислам. Талибы не признавали даже принятых в мировом сообществе норм цивилизованного общения: захватив крупнейший в Северном Афганистане город Мазари-Шариф, они ворвались в здание Генерального консульства Ирана и расстреляли более десятка находившихся там дипломатов и корреспондента агентства ИРНА Мохаммада Сареми.

Власти Узбекистана, страшась угрозы распространения исламского фундаментализма на север, заняли поначалу, после захвата власти талибами в Афганистане осенью 1996 г., позицию дистанцирования от новых кабульских властей. Одновременно они не хотели присоединяться к совместным планам других государств Центральной Азии и Ирана по противодействию возможной экспансии талибов, решив усилить противостоящие талибам военные формирования севера Афганистана, состоящие в основном из местных узбеков и таджиков. В этом Иран видел стимулирование Ташкентом афганского сепаратизма, выражавшегося в «...односторонней мощной поддержке»[79] Северного альянса во главе с этническим узбеком генералом Абдурашидом Достумом. Крайнее неудовольствие иранского руководства вызвало нежелание Узбекистана участвовать в срочно созванной в октябре 1997 г. в Тегеране Международной конференции, призванной выработать общую линию противодействия движению «Талибан».

Однако успехи талибов в установлении контроля и над районами традиционной антиталибской коалиции обусловили поворот в позиции Узбекистана по отношению к ситуации в Афганистане. Это подкреплялось конкретными шагами. В ноябре 2000 г. обе стороны решили открыть границы. И хотя по итогам переговоров в Исламабаде представителя талибов Абдул Салама Заифа и спецпосланника президента Узбекистана Шухрата Кабилова было опубликовано коммюнике, где констатировалось, что открытие границы сделано с целью содействия развитию торговли, значение этого шага было гораздо объемней. Тем самым Узбекистан продемонстрировал свою полную самостоятельность в афганском вопросе, не оглядываясь на реакцию Тегерана и Москвы, которая продолжала поддерживать силы антиталибской коалиции. В ответ Иран вновь заявил, что не готов идти на какие-либо уступки режиму талибов, который порочит ислам. Такие подходы к проблеме отношения к режи-

му талибов омрачали узбекско-иранские отношения вплоть до 2001 г., и лишь непосредственно перед событиями 11 сентября 2001 г. позиции сторон значительно сблизились. Об этом заявил в ходе своего визита в Ташкент в сентябре 2001 г. тогдашний глава МИДа ИРИ Камал Харрази. На его встрече с узбекским коллегой Абдуазизом Камиловым было заявлено, что в мире должным образом не оценивается значение Афганистана под властью талибов как одного из важнейших центров международного терроризма и незаконного оборота наркотиков. В ходе реализации антитеррористической операции в Афганистане режим талибов был лишен власти в стране. Участие в восстановлении Афганистана после поражения талибов еще более сблизило позиции Ирана и Узбекистана.

Однако в последние годы стало очевидным, что ситуация в Афганистане неуклонно осложняется. Несмотря на то, что уже много лет силы антитеррористической коалиции пытаются сломить военную мощь талибов, они резко активизировали боевые действия, достигнув реального перевеса в свою пользу. Сегодня можно без преувеличения говорить о том, что под контролем талибов вновь находится значительная часть афганской территории, что напоминает ситуацию в 1980-е гг., когда власть просоветского правительства отнюдь не функционировала во многих регионах страны. Главная присутствующая в стране внешняя сила – США – несет растущие потери, что вынуждает американскую администрацию вновь и вновь анализировать эффективные пути урегулирования афганского конфликта. Военная опция решения афганской проблемы встречается со все большей оппозицией в политических кругах Вашингтона. Все большему кругу американских политиков становится ясно, что в Афганистане с новой силой растут и углубляются деструктивные тенденции в политической жизни, обостряется застарелая болезнь – этнорегиональная напряженность. Там отмечается дальнейшее вызревание внутреннего конфликта, имеющего этнополитическую окраску, в условиях, когда застопорилось проведение объявленных реформ.

Официально объявленная победа Хамида Карзая на президентских выборах 2009 г. в Афганистане может рассматриваться как существенная, но далеко не однозначная временная победа курса США в Афганистане. Учтем при этом, что для подавляющего большинства афганцев Карзай символизирует некоего посредника для сношений с Западом, через которого

можно получить помощь от США и других западных доноров. Основная масса афганского населения не разделяет его политического курса на последовательную модернизацию, в данном случае – вестернизацию страны. Результаты деятельности правительства Х. Карзая один из местных афганских политологов определил следующим образом: «Процесс развивается, однако на деле ничего не меняется». Объявленная победа Карзая на президентских выборах представляет собой выход из длившегося почти два месяца губительного для страны острого политического кризиса, вызванного невиданными подтасовками и махинациями во время первого раунда президентских выборов, состоявшихся 20 августа. Это серьезно ослабило афганское правительство и нанесло вред реализуемому в стране демократическому процессу. Декларированная победа Х. Карзая, как представляется, способна в некоторой мере стабилизировать институт президентства в Афганистане.

Однако в целом с течением времени становится все более очевидным, что ситуация вокруг Афганистана не решается, а просто загоняется в угол. Опыт афганской истории последних веков и десятилетий учит тому, что насильственные методы решения его проблем внешними силами обречены на провал. Это доказали и англо-афганские войны XIX в., и попытки СССР во второй половине XX в. сделать страну зоной своего влияния, об этом же говорят неудачные действия сил антитеррористической коалиции во главе с США и Великобританией в XXI в., цель которых состоит в навязывании там демократии по западному типу. Инициатива нынешнего президента США Барака Обамы усилить военную составляющую в решении кризиса малопродуктивна, а по большому счету – обречена на неудачу. Удержание власти за президентом Х. Карзаем на ближайшие годы лишь консервирует застой в решении афганской проблемы, препятствует выходу новых сил на политическую арену страны, продолжая увлекать ее в сторону от действительно эффективных шагов, которые реально могут сломать ситуацию и дать новые стимулы тем силам, которые в состоянии добиться перелома. С другой стороны, в стране все более усиливается влияние и мощь сил, олицетворяющих деструктивные тенденции в политической жизни страны.

В таком контексте достойна внимания озабоченность, которая проявляется в последнее время в США по поводу поиска путей из афганского тупика с привлечением сторон, традици-

онно занимавшихся решением этого политического кризиса. Американский аналитик Джон Дейли считает, что в мире накоплено достаточно предложений по решению афганской проблемы, которые варьируются от прагматичных до сюрреалистичных, и обращает внимание на общеизвестный факт, что с геополитической точки зрения Афганистан – это ядро стратегически жизненно важного центральноазиатского региона. Неурегулированность его внутренней ситуации представляет серьезнейшую проблему для безопасности граничащих с Афганистаном стран Центральной Азии – Узбекистана, Таджикистана и Туркмении. Именно поэтому после обилия попыток вывести нерешаемую проблему на конструктивный путь необходимо всерьез продумать и придать положительный импульс инициативе, выдвинутой президентом Узбекистана И. Каримовым на саммите НАТО в Бухаресте весной 2008 г. «Дейли» пишет о том, что эта инициатива, которая в свое время «осталась в тени», отличается прагматичной оценкой геополитической и стратегической ситуации в Афганистане. «Эта страна (Узбекистан), граничащая с Афганистаном, связанная с ним тысячами нитей исторического, культурного, религиозного и этнического измерения, больше всех понимает, что военный путь решения его проблем ведет в никуда. Инициативы лидера Узбекистана призваны дать решение афганского узла в опоре на актуальность устранения острейших социально-экономических проблем, признание важности учета специфики Афганистана как полиэтничного и многоконфессионального государства»[80]. Их новизна заключается в возобновлении и активизации деятельности под эгидой ООН Контактной группы по урегулированию ситуации в Афганистане, ее расширении заинтересованными участниками в лице Таджикистана, Узбекистана, Туркменистана, Пакистана, Китая, Ирана, а также США и России, не игнорируя и вклада НАТО.

В условиях, когда у мирового сообщества нет внятной стратегии решения афганской проблемы, подобная инициатива делает акцент на важности формирования такой единой долгосрочной стратегии по Афганистану и выработки национального примирения, которая должна учитывать уже имеющийся опыт. Она предлагает учитывать уникальный опыт создания и функционирования под эгидой ООН Контактной группы «6+2» по Афганистану.

У Узбекистана, считает американский аналитик, уже имеются серьезные наработки в этом плане. Он отмечает два мо-

мента, которые не потеряли свою актуальность. Впервые начиная со времен иранской исламской революции 1979 г. американцы оказались за одним столом с иранцами и вели с ними переговоры, хотя и при посредничестве. Несмотря на ядерную программу Ирана и его геополитические амбиции, роль Ирана в разрешении кризиса в Афганистане и его потенциальные возможности в установлении там долгосрочного мира не могут быть проигнорированы. Во-вторых, прежняя контактная группа предложила конструктивный подход к достижению примирения в Афганистане посредством участия основных внутренних противоборствующих сил. Кроме того, узбекская инициатива опирается на накопленный за последние годы позитивный опыт разносторонней помощи Афганистану в восстановлении его экономики. Там реализовано большое количество совместных проектов в сфере инфраструктуры, развития горного дела, сельского хозяйства, ирригации, подготовки кадров и обмена специалистами, а также обеспечения продуктами питания и другими товарами. Среди них можно назвать строительство 11 мостов, линии высокого напряжения, способной к передаче 150 мегаватт электроэнергии от Термеза до Кабула через один из самых сложных горных ландшафтов на Земле, реализацию совместного проекта оптико-волоконной связи и обеспечения Афганистана доступом к Интернет.

С другой стороны, и Ираном за последние годы сделано многое для восстановления Афганистана. В Тегеране исходят из того, что Афганистан является зоной его национальных интересов, а посему считают своей задачей влиять на происходящие там внутриполитические процессы с тем, чтобы стабилизировать свои позиции. Базу для этого создают сближающая народы двух стран общность исторического развития, языка, культурного наследия, религии. Афганистан как ближайший сосед Ирана может претендовать на роль самого эффективного торгово-экономического партнера ИРИ. Отметим и роль этой страны как необходимого посредника в вопросах транспортировки углеводородного сырья (нефть, природный газ и т.д.) и грузов различного назначения по направлениям «Север – Юг», «Запад – Восток»[81]. Иранская помощь Афганистану выражается в необходимом взаимодействии в политической и торгово-экономической сферах, сотрудничестве в области безопасности и совместной борьбы с незаконным оборотом наркотиков. Официальная иранская политика в отношении Афганистана

сводится к всесторонней поддержке избранного «законным и демократическим путем президента Хамида Карзая»[82], поддержке скорейшего внутриполитического урегулирования. В марте 2010 г. состоялся официальный визит в Кабул иранского президента М. Ахмадинежада, в ходе которого были даны заверения в поддержке политического курса афганского руководства и намерении Тегерана всячески способствовать выходу соседней страны из затяжного кризиса. Как и в отношении других стран, Тегеран активно выступает против вмешательства иностранных держав во внутренние дела суверенного афганского государства. Все это сближает позиции ИРИ и Узбекистана по афганской проблеме и обуславливает сотрудничество по выходу из афганского кризиса.

Примечания

[1] Масуд Сепанд. Буйе джуйе мулийан. Ийддаштхайе сафарэ Таджикестан. – Сан-Хосе, Калифорния, 1996, с. 10 (на перс. языке).
[2] Кейхан (Иран), 24.03.1991.
[3] Fierman W. Policy Toward Islam in Uzbekistan in the Gorbachev Era // Nationalities Papers, 1994, vol. 22, № 1, с. 234.
[4] Абдуллаев Е. Ислам и «исламский фактор» в современном Узбекистане // Центральная Азия, 1997, № 6, с. 87.
[5] Об этом подробнее см.: Yalchin R. The Rebirth of Uzbekistan: Politics, Economy, and Society in the Post-Soviet Era. – London, 2002, с. 133–145.
[6] Правда Востока (Ташкент), 16.07.1992.
[7] Reuters, 17.09.1992.
[8] Во второй половине 1990-х гг. власти Узбекистана пошли на закрытие большого количества действовавших в стране мечетей. – См.: Новости недели (Израиль), приложение «За рубежом», 02.08.2000, с. 6.
[9] Народное слово (Узбекистан), 18.01.1997.
[10] Central Asia Monitor, 1995, № 3, с. 2.
[11] Рахнамайе теджарат ба Озбакестан. Джехатэ хеййатэ теджарийе эзами бэ Озбакестан. 10 тирмахе 1387.- Гердавари ва тадвин: Насимэ Барэслами. Назэм: Камбизэ Мирказэми// Омурэ бейн-оль-мелалийе Отагэ Базарганийе Иран. Ба ташаккор аз Сазманэ тоусээйе Тэджаратэ Иран ва Сэфаратэ Джомхурийе Эсламийе Иран дар Ташканд. Табестан-э 1387/2008. С. 9 (на перс. языке).
[12] http://www.uzmetronom.com/index.php?.newsid=1009

[13] Эттэлаат (Иран), 19.10.1993.
[14] Халк сузи (Узбекистан), 20.10.1993.
[15] Iran News, 29.10.1993.
[16] В других странах СНГ поездки студентов-иранистов в университеты ИРИ стали обычным и широко распространенным явлением. Это подтверждается личными наблюдениями во время работы автора приглашенным преподавателем на Восточном отделении Факультета иностранных языков Астраханского государственного университета в 2003, 2005 и 2009 гг. Подробнее об этом см., например: Россия и Иран. Иранистика в Татарстане. – М.: Институт востоковедения РАН, 2001, с. 99–103, 208–212; Персия, 2002, № 1 (6), с. 35–36; Иран сегодня, 2004, № 2, с. 29–30; Каменева М. О достижениях политики ИРИ в культурно-языковой области // 30 лет Исламской Республике Иран: основные итоги и перспективы развития. – М.: Институт востоковедения РАН, 2010, с. 197.
[17] Эрназаров Т. О научных связях Института востоковедения АН РУ с зарубежными ориенталистами // Общественные науки в Узбекистане, 2001, № 3, с. 51.
[18] Там же.
[19] Доктор Малек Абдусамадов ва доктор Джафар Мохаммад Холмуминов. Ираншенасан – э Озбакестан// Райзани-йе фарханги-ей Сефарат-э Джомхури-йе Эслами – йе Иран. Озбакестан. Ташкент.: – Энтешарат-э бейн-ол-мелали-йе Махди. Техран, 1384/2005 (на перс. языке).
[20] Эслам Каримов. Эслахат-э эктесади дар Озбакестан. Ба мокаддемейе Мохсенэ Пак-Аййин// Дафтарэ моталлеатэ сийаси ва бейн-олмелали. – Тэхран, 1385/2006 (на перс. языке).
[21] press-uz.info, 21.02.2007.
[22] irna.ir, 03.11.2006.
[23] Общественные науки в Узбекистане, 2004, № 5–6, с. 83.
[24] Новости Узбекистана, вып. 6 (236), 11.02.2005.
[25] Рахнамайе теджарат ба Озбакестан. Джехатэ хеййатэ теджарийе эзами бэ Озбакестан. 10 тирмахе 1387. С. 11.
[26] http://www.iran.polpred.ru/tom1/19.htm
[27] УзА, 11.01.2006.
[28] UzA.com, 31.07.2008.
[29] Деловой партнер (Узбекистан), № 7 (776), 12–18.02.2009, с. 6.
[30] iran.ru, 09.07.2010.
[31] Абдихалимов Б., Хужаев Х., Обидов Б., Валиева Д. Узбекистон ва Хорижий Шарк // Общественные науки в Узбекистане, 2006, № 4–5, с. 70 (на узб. языке).

[32] Там же.
[33] Сажин В. Иран: май 2010 г. Экономическая ситуация. – iimes.ru, 07.07.2010.
[34] isna.ir, 14.09.2010.
[35] irna.ir, 20.01.2010.
[36] Рахнамайе теджарат ба Озбакестан. Джехатэ хеййатэ теджарийе эзами бэ Озбакестан. 10 тирмахе 1387. С. 11.
[37] Деловой партнер (Узбекистан), № 7 (776), 12–18.02.2009, с. 5.
[38] Правда Востока (Узбекистан), 23.05.1996.
[39] УзА, 11.01.2006.
[40] http://farsiiran.narod.ru/news/afghanroad.htm
[41] Деловой партнер, № 7 (776), 12–18.02.2009, с. 6.
[42] irna.ir, 09.09.2010.
[43] Там же.
[44] Там же.
[45] Рахнамайе теджарат ба Озбакестан. Джехатэ хеййатэ теджарийе эзами бэ Озбакестан. 10 тирмахе 1387. С. 7.
[46] ferghana.ru, 26.12.2006.
[47] Запись беседы с узбекским аналитиком-иранистом П.Р. Ташкент, 13 августа 2010 г.
[48] КазТАГ, 28.05.2010.
[49] Irna.ir, 16.04.2007.
[50] Джомхурийе эслами (Иран), 16.05.1996.
[51] Правда Востока (Узбекистан), 16.05.1996.
[52] Эттелаат (Иран), 28.08.1996.
[53] http://farsiiran.narod.ru/news/afghanroad.htm
[54] isna.ir, 06.08.2009.
[55] ferghana.ru, 16.06.2010.
[56] http://www.farsnews.net/newstext.php?nn=8904221476
[57] Там же.
[58] Сажин В. Иран: май 2010 г. Экономическая ситуация. – iimes.ru, 07.07.2010.
[59] iran.ru, 09.07.2010.
[60] Там же.
[61] Джомхурийе эслами, 15.07.2010.
[62] iran.ru, 28.04.2010.
[63] Etat moderne natiolismes et islamismes // «Revue du monde musulman et Mediterranee», Paris, 1993, № 2/3, с. 168.
[64] Ресалат (Иран), 14.07.1996.
[65] Салам (Иран), 17.07.1995.
[66] Абрар (Иран), 24.07.1995.

[67] Кейхан (Иран), 12.11.1996.
[68] Салам, 03.03.1999.
[69] http://www.farsnews.net/newstext.php?nn=8904250813
[70] Эттэлаат, 16.05.1996.
[71] Независимая газета, 13.03.1999.
[72] Новая газета, 21–27.03.1996.
[73] Салам, 27.09.1996.
[74] khovar.tj, 24.11.2009.
[75] Цит. по http://www.ia-centr.ru/archive/public_detailsa0f1.html?id=1022
[76] Калишевский М. Таджикистан: Опасные химеры «арийства» // ferghana.ru, 07.09.2010.
[77] Там же. – Иранская пресса отмечала в связи с саммитом глав трех стран, что общее число персоязычных в мире составляет более 110 миллионов человек. – tabnak.ir, 06.08.2010.
[78] Кар ва каргар (Иран), 17.03.2001.
[79] Джамээ (Иран), 08.02.1999. – Впрочем, в тот период Тегеран также оказывал «последовательную военно-техническую и финансовую поддержку Северному альянсу». – Махмудов Б. Афганский кризис на фоне «проблемы 2011 года»: перспективы развития ситуации // Центральная Азия и Кавказ, 2010, том 13, вып. 2, с. 79.
[80] John C.K. Daly. Afghanistan: Why «6 plus 3»? // United Press International UPI), 05.11.2009.
[81] Богуславский А. Ирано-афганские отношения на современном этапе // iimes.ru, 08.08.2009.
[82] isna.ir, 12.09.2009.

Глава 3

ИРАН – РЕСПУБЛИКА КАЗАХСТАН: СОСЕДИ ПО КАСПИЮ

Факторы притяжения и отторжения

Важным партнером Ирана в центральноазиатском регионе за прошедшие почти двадцать лет стала Республика Казахстан. Несомненно, для Ирана весьма притягательны современные экономические достижения Казахстана. Эта страна сегодня – один из крупнейших в мире экспортеров нефти, «и в следующем десятилетии Казахстан намерен войти в пятерку мировых лидеров»[1]. Наличие громадных запасов газа (его разведанные запасы оцениваются в 3 триллиона кубометров, а прогнозные ресурсы с учетом шельфа Каспия составляют 5,9 триллиона кубометров[2]) потенциально выгодно и Ирану как стране, лежащей на путях транспортировки газа и могущей предоставить Казахстану транзитные услуги на европейском и ближневосточном направлениях. По данным местных экспертов, разведанные запасы 94 казахстанских месторождений – это около 110 миллиардов тонн нефти, которые в основном находятся на шельфе Каспия[3]. Что касается такого важного экономического показателя, как рост ВВП, то в начале десятилетия он составлял ежегодно не менее 9–10%, увеличившись за период до 2004 г. на 55%. В 2005 г. рост ВВП Казахстана равнялся 9,4%, а в первом полугодии 2006 г. превысил аналогичный период предшествующего года на 9,3%[4]. В 2005 г. ВВП Казахстана составил 56,8 миллиардов долларов. Это превысило ВВП всех остальных государств Центральной Азии и Кавказа (Азербайджана, Грузии, Армении, Киргизии, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана), вместе взятых[5].

В 2006 году ВВП страны уже составил 81 миллиард долларов, а в 2007 году – 104,85 миллиарда долларов. И если в 2000 году ВВП страны в пересчете на душу населения равнялся всего 1229 долларов, то к 2007 году этот показатель вырос более чем в пять раз, достигнув отметки в 6772 доллара[6]. Быстрыми

темпами развивалась промышленность. В 2000 году промышленное производство выросло на 15,5% к уровню предыдущего года, в 2001 г. – на 13,8%, в 2002 г. – на 10,5%, в 2003 г. – на 9,1%, в 2004 г. – на 10,4%. В последующие годы темпы роста промышленного производства несколько сократились, но оставались на хорошем уровне[7]. Относительная доля населения, живущего за чертой бедности, снизилась в последнее пятилетие с 40% до 16%. Используя внутренние ресурсы, в основном за счет приватизации, страна сумела на семь лет раньше намеченного графика выплатить долги по кредитам Международного валютного фонда. Доля приватизированной части экономики превысила показатель в 80%. В стране впервые в центральноазиатском регионе создан стабилизационный фонд по норвежскому образцу, который способствует обузданию инфляции. «К настоящему времени Казахстан превратился в самую процветающую, самую стабильную, самую светскую (хотя большинство его населения исповедует ислам) ... страну СНГ, с наиболее развитыми рыночными отношениями»[8]. 15 декабря 2005 г. в своей речи по случаю 15-й годовщины независимости страны президент Н. Назарбаев объявил о планах достичь инновационного лидерства в течение ближайших 15–20 лет.

Какие же факторы может использовать Иран при реализации идеи всестороннего сотрудничества с Казахстаном? Их перечень не столь велик. Сюда можно причислить возможность экономического сотрудничества на выгодных для Казахстана условиях, включая режим благоприятствования, конфессиональную близость по линии ислама, культурную интеграцию, взаимную принадлежность к каспийскому бассейну, выгодное геополитическое положение в макрорегионе. Однако не все из этих факторов могут в достаточной мере «работать» на эту идею.

Так, предлагаемая Ираном модель экономического развития вряд ли может в достаточной мере заинтересовать Казахстан, учитывая даже то, что Иран в последние годы последовательно осуществляет переход к модели рыночной экономики, проводя в жизнь накопленный в этой сфере мировой опыт. В Казахстане хорошо осведомлены о недавних экономических экспериментах в Иране, когда в первые послереволюционные годы там была навязана исламистами концепция так называемой «тоухидной экономики» по теологической модели «божественной гармонии», отбросившей страну на много лет в эпоху прозябания и упадка[9]. Однако там знают и о том, что в стране

происходит неуклонное наращивание экономического потенциала, рост производительных сил во всех сферах национальной экономики. Уже в 1990-е гг. в Иране научились, несмотря на продолжавшуюся экономическую изоляцию, использовать потенциал мирового сообщества во всевозможных сферах экономики и технологии для решения насущных задач иранского общества и укрепления стабилизировавшегося там строя[10]. Но здесь важно то, что в принципиальном плане для Казахстана давно перестала быть притягательной и турецкая модель экономического развития, к которой во всех странах Центральной Азии в первое десятилетие после распада СССР проявлялось определенное внимание. Оформившаяся прозападная ориентация Казахстана все более разворачивает его лицом к США и Европе, опыт которых он предпочитает использовать напрямую, а не по иранской или турецкой версии, адаптированной к местным условиям.

Недостаточно притягательна для Казахстана и иранская идея интеграции на культурной основе. Отсутствие языковой общности с тюркоязычным титульным этносом этой страны существенно снижает шансы на духовное взаимодействие. Идея распространения и продвижения языка фарси и традиционной иранской культуры не выглядит столь уж привлекательной в казахской среде, и на ней трудно выстроить стратегию культурного взаимодействия. Истекшие годы показали, что действительного взаимодействия в сфере культуры не получилось, проходящие время от времени в Казахстане иранские выставки культурной тематики остаются для жителей Казахстана чистой экзотикой, не создавая мостов культуры. В Казахстане не изжит и настороженный настрой к культурным контактам с Ираном, несмотря на то, что иранцы давно отказались от идеи экспорта исламской революции, и достаточно неактивно проводят в жизнь программы привития исламских ценностей. С приходом к власти неоконсерваторов и участившимися антизападными выступлениями президента М. Ахмадинежада, а также растущей изоляцией Ирана на фоне введения против него санкций со стороны Совбеза ООН можно прогнозировать застой или спад сотрудничества в культурной сфере.

Вряд ли следует всерьез рассматривать и категорию конфессионального единства в качестве интегрирующего фактора. Во-первых, это не столь уже абсолютное единство в силу того, что казахи представляют суннитскую ветвь ислама, а в Иране

господствует шиизм. Кроме того, налаживание религиозных «мостов» между иранским шиизмом и исповедуемым казахами суннизмом ханафитской религиозной школы затруднен тем, что принявшие ислам казахи в течение веков органично совмещают соблюдение религиозных культов на основе Корана с верностью традиционным доисламским обрядам, доставшимся им в наследство от своих предков – тюркских кочевников. В исламской теологии достаточно известно имя Ходжа Ахмада Яссави, обосновавшего гармонию канонов ислама и языческих обычаев в национальной среде казахских племен. Его мавзолей в южноказахстанском городе Туркестане стал местом поклонения для многих тюркоязычных мусульман. В Иране понимают слабость местного, казахстанского варианта ислама как почвы для привнесения в него внешних веяний, вытекающую из-за хрупкой устойчивости исламских традиций в жизни титульного этноса страны. Кроме того, как следствие высокого уровня процессов модернизации ислам давно вытеснен на периферию общественной жизни. Именно поэтому в Казахстане в отличие от таких стран Центральной Азии, как Таджикистан или Узбекистан, процессы исламского возрождения, выражающиеся в появлении исламских учебных заведений, повышении религиозности населения, издании специальной исламской литературы, увеличении числа мечетей, росте паломничества к святым местам ислама, проходят гораздо слабее. Исследования казахстанских религиоведов показывают, что за период с конца 1980-х гг. до середины 1990-х гг., то есть в период, когда в соседних Узбекистане или Таджикистане проходила динамичная реисламизация, в Казахстане не произошло всплеска религиозного возрождения, в том числе среди мусульман страны. Ислам как религия большинства[11] не оказывает существенного влияния на большую часть населения страны.

Признавая, что Казахстан – неотъемлемая часть огромного ареала исламской культуры и казахи имеют многовековые традиции исповедания этой религии, в стране тем не менее придерживаются точки зрения, что попытки привнесения радикальных воззрений на казахстанскую почву не имеют массовой поддержки[12]. Однако некоторые опасения все же высказываются. По мнению аналитиков, тот факт, что ислам не признает верховенства и приоритета светского государства, представляет серьезную опасность, ибо «накопив силы, ислам в Казахстане попытался бы отвоевать более существенные позиции

у светского государства, чем те, которыми оно располагает сейчас»[13]. На сегодня в Казахстане отсутствуют общественно-политические партии и движения исламского направления. В стране резонно опасаются, что в случае радикализации ислама будет подорвана сложившаяся в обществе рациональная и прагматическая ориентация, будет усугублена духовная изоляция титульного этноса. Учитывая, что титульная нация в Казахстане немногим превышает половину населения, а национальные меньшинства суммарно несущественно уступают казахам, нельзя не принимать в расчет возможность и вероятность конкурирующей конфессиональной конфронтации. Это возможно в том случае, если идеи экспорта исламской революции все же дадут некий импульс к исламскому возрождению и появится «...нежелательный для Казахстана кипрский или кашмирский синдром»[14].

Определенные индикации к этому уже появляются, и они в основном заметны в южной, наиболее исламизированной зоне страны, где высок процент узбекского населения. Вместе с тем в Алматы, южной столице страны, где проживает не так много узбеков, существуют салоны красоты, бассейны, магазины, лагеря отдыха, ориентированные исключительно на мусульманских женщин. В толпе все более заметны женщины в исламском одеянии. Запущен первый мусульманский канал «Асыл Арна» и открыт первый исламский банк[15]. Именно на юге страны в последние годы отмечена мощная пропаганда радикального ислама, которую продвигают религиозные миссионеры из арабских стран, Пакистана, Турции и Афганистана. Растет число религиозных или религиозно ориентированных учебных заведений. В одном лишь 2000 г. начали работу Казахско-Кувейтский университет, Институт востоковедения имени аль-Кувейти, Международный казахско-арабский университет (все в Шымкенте), Казахский институт исламоведения, Исламский университет (оба в Алматы)[16]. Почву для религиозного экстремизма президент Казахстана Н. Назарбаев усматривает в проявлениях конфессиональной дестабилизации, «если вовремя не осознать и не предотвратить эту потенциальную угрозу»[17].

Кроме того, в Казахстане вряд ли привлекательна иранская модель теократического правления, вызывающая у посткоммунистических руководителей страны опасения угрозы исламского фундаментализма, а следовательно, нестабильности. В Казахстане реально осознают то, что в случае чрезмерного

сближения с Ираном это может вызвать нежелательную реакцию Запада, в первую очередь США, сохраняющих с Ираном конфронтирующие отношения и считающих эту страну террористическим государством. Именно это вынуждает казахстанское руководство регулировать уровень взаимодействия с Ираном, пытаясь при этом использовать позитивные моменты сотрудничества на благо своей страны. В этом плане не лишена интереса точка зрения американских политологов П. Хензе и Э. Уимбуша, базирующаяся на том, что нормальные экономические отношения «...помогут удержать Иран от разрушительного вмешательства во внутренние дела»[18].

База взаимодействия

В системе международных отношений Казахстана Иран занимает далеко не последнее место. В декларированной президентом Казахстана Н. Назарбаевым идее многовекторной внешней политики предусмотрен первостепенный приоритет в отношениях со странами – членами СНГ. Вместе с тем это не мешает Казахстану налаживать и постоянно крепить диалог как с геополитическими соседями в регионе Западной Азии – Турцией, Ираном, Пакистаном, государствами Арабского Востока, так и странами Азиатско-Тихоокеанского бассейна. Вне постсоветского пространства все отчетливее прослеживается тяготение в сторону стран прозападной ориентации. Солидное место во внешнеполитических контактах Казахстана занимают и разносторонние и постоянно углубляющиеся отношения с Западом – США, государствами Западной и Центральной Европы, Японией. Западный вектор обеспечивает молодому государству «...более прочное укрепление позиций в международных политических и финансовых структурах, ...международную финансовую помощь для стабилизации экономики»[19]. Это уже доказано на деле: Всемирный Банк предоставил за истекшие годы Казахстану несколько десятков льготных кредитов, направленных на обеспечение экономических реформ. США являются для Казахстана одним из гарантов национальной безопасности, с которым реализуются различные проекты в военной и оборонной областях. Запад положительно оценивает проведенные в Казахстане реформы, радикально реализованную приватизацию, создание там открытого всему миру и максимально прозрачного рынка.

Именно поэтому Запад благожелательно отнесся к идее его дежурного председательства в ОБСЕ[20]. Кроме всего прочего, это означает реальные возможности расширения сотрудничества ОБСЕ с исламским миром, показывает пример подключения страны с доминирующим мусульманским населением к работе авторитетной региональной организации по безопасности, включающей 56 государств-членов, демонстрирует на деле перспективы диалога между Западом и мусульманским Востоком.

В таком контексте отношения с Ираном вполне органично вписываются в восточный вектор казахстанской внешнеполитической системы. В последние годы они вошли в стадию сложившейся реальности. При этом заметна различная оценка этих отношений со стороны каждого из партнеров. Так, в составленном в начале 1990-х гг. программном документе казахстанского МИДа, представившем концепцию его внешнеполитической деятельности, они были скромно определены как «контакты». Лишь в новой редакции концепции внешней политики страны, выпущенной в 2001 г., Астана рассматривает отношения с Ираном как приоритетные – но лишь после России, Китая, США, Европы и Турции. Казахстанские аналитики при этом полагают, что их молодому государству следует активнее использовать иранский фактор при реализации своего внешнеполитического курса[21]. В официальных выступлениях казахстанских руководителей, в частности в заявлениях Н. Назарбаева по итогам его встреч с иранским руководством, неоднократно констатировалось, что отношениям с ИРИ придается особое значение и они рассматриваются как дружеские. Стратегия казахстано-иранских отношений опирается на следующий посыл: в противовес иранской стратегии возрождения исламской цивилизации в центральноазиатском регионе Казахстан базовым элементом своей стратегии считает геополитические реалии Ирана, его возможность быть эффективным связующим звеном при выходе на мировые торговые пути и рынки. Кстати, это максимально стыкуется с заявлением тогдашнего главы иранского МИДа, нынешнего внешнеполитического советника религиозного лидера ИРИ д-ра Али-Акбара Велаяти, который отдавал несомненный приоритет именно вопросам геополитики[22], понимая, что «исламская» карта отнюдь не притягательна для новых независимых государств центральноазиатского региона.

Двусторонние отношения с Ираном вписываются в официально реализуемую Казахстаном стратегическую линию пере-

хода от практикуемой в первые годы после обретения независимости односторонней ориентации на какую-либо специфическую модель развития к налаживанию отношений в опоре прежде всего на экономические приоритеты. Для Ирана расширение контактов с Казахстаном как государством центральноазиатского региона означает продолжение прерванных в годы Советской власти многовековых традиций исторических и культурных взаимосвязей. В Иране склонны рассматривать отношения с Казахстаном как приоритетные в отношениях с государствами этого региона. Этому способствует как накопленный за почти двадцать лет опыт сотрудничества в самых различных сферах, так и позитивное взаимодействие в области внешней политики. Страны имеют одинаковые или сближающиеся подходы по ряду региональных проблем. В годы нахождения у власти в Афганистане фундаменталистского движения «Талибан» обе стороны поддерживали режим постоянных консультаций, выявивший полное совпадение позиций[23]. Во время введения США санкций против Ирана в 1995 г. в Тегеране одобрительно восприняли их осуждение Казахстаном, его заявление о том, что Казахстан и впредь не намерен проявлять солидарность с подобными действиями американской администрации[24]. Это, однако, не говорит о полном единстве взглядов двух стран по всем международным проблемам. Так, уже в первом казахстано-иранском коммюнике по итогам визита Н. Назарбаева в Иран отмечалось, что совпадение позиций достигнуто лишь «...по некоторым региональным и международным вопросам»[25].

В Иране с самого начала формирования двусторонних отношений на казахстанском направлении оценили этот вектор как имеющий несомненную перспективу. Первый официальный визит президента Н. Назарбаева в Тегеран в ноябре 1992 г. был расценен там как «самый важный визит лидера государств Центральной Азии в Иран»[26]. Н. Назарбаев заявил по приезде в иранскую столицу, что открываются уникальные возможности для сближения двух стран и народов, исторические связи которых «...предопределяют их тяготение друг к другу»[27]. Он высоко оценил и тот факт, что Иран был первым государством, открывшим в столице Казахстана свое посольство. В первом совместном коммюнике двух президентов было заявлено о необходимости самого тесного сотрудничества в жизненно важных сферах экономики. В документах, подписанных во время

состоявшегося через год ответного визита в Казахстан тогдашнего иранского президента Али-Акбара Хашеми-Рафсанджани, констатировалось динамичное развитие взаимодействия, охватывавшего «...все новые области сотрудничества»[28]. Приоритетными сферами сотрудничества были сразу же определены транспорт и коммуникации, добыча, переработка и транспортировка нефти, промышленность, строительство, торговля, банковское дело, сельское хозяйство. Уже во время первого визита иранского президента в Казахстан было видно, что именно в этой стране иранцы надеются на наибольшую диверсифицированность сотрудничества. Именно тогда стороны поставили задачу выйти на рубеж товарооборота в 1 миллиард долларов, который на самом деле удалось достичь лишь к 2006 г. Находясь в Казахстане, Хашеми-Рафсанджани выразил удовлетворение стремительным продвижением сотрудничества, отметив, однако, с сожалением, что не выработана программа взаимосвязей в области религии. В целом итоги первых двух лет сотрудничества, подытоженные Хашеми-Рафсанджани, выглядели многообещающими: они имели солидную договорную базу, ибо регламентировались 25 различными соглашениями[29]. К концу 1994 г. их число выросло до 40, продолжая дополняться новыми.

За истекший период разработано и подписано около ста договоров и соглашений, заложивших правовую базу казахстано-иранских отношений в торгово-экономической, промышленной, научно-технической, транспортной, транзитной и таможенной сферах, где осуществляется динамичное взаимодействие[30]. В частности, реализуются такие документы, как Декларация о взаимоотношениях между Республикой Казахстан и Исламской Республикой Иран, Соглашения о поощрении взаимных инвестиций, об избежании двойного налогообложения, о предотвращении уклонения от налогообложения в отношении налогов на доход и капитал, о культурном сотрудничестве, Меморандум о сотрудничестве в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров, программы культурного, научного и образовательного обмена и др. За эти годы серьезным образом вырос товарооборот между странами, составивший в 2005 г., по данным иранского посла в Казахстане Рамина Мехманпараста, почти 900 миллионов долларов[31]. По другим данным, приведенным на встрече губернатора иранской провинции Хорасанэ Разави с Гене-

ральным консулом Казахстана в Мешхеде Азизом Аксафовым, эта цифра в 2005 г. составляла около 400 миллионов долларов[32]. Четырьмя годами раньше, в 2001 г. товарооборот составлял 220 миллионов долларов, причем 210 миллионов долларов приходилось на казахстанский экспорт в Иран, в основном продукцию сталелитейной промышленности и зерно, и лишь 10 миллионов долларов составлял импорт из Ирана[33].

В 2006 г., как заявил тогдашний казахский сопредседатель межправительственной комиссии по торгово-экономическому, научно-техническому и культурному сотрудничеству, министр транспорта и коммуникаций Казахстана Серик Ахметов, взаимный товарооборот двух стран составил 1,8 миллиардов долларов, а в 2007 г. планировалось довести его до 2 миллиардов долларов[34]. В августе 2008 г. посол Казахстана в Иране Ерик Утембаев озвучил следующие цифры: в течение трех лет объем товарооборота между двумя странами вырос с 800 миллионов долларов в 2005 г. до 2 млрд. 900 миллионов долларов в 2008 г.[35] На прошедшем 16 октября 2007 г. Втором саммите стран каспийского бассейна состоялись ирано-казахстанские переговоры, на которых было решено поднять в ближайшие годы годовой объем торгового оборота до 10 миллиардов долларов[36]. Иран уже вышел на шестое место в списке внешнеэкономических партнеров Казахстана[37]. К особенностям двустороннего диалога в этой сфере можно отнести поиск нестандартных методов сотрудничества. Так, выйдя в 2005 г. на уровень самодостаточности в производстве пшеницы, Иран более не нуждается в ее импорте из Казахстана, но в силу отработанности маршрута ее транспортировки изъявил готовность обеспечить железнодорожный транзит казахстанской экспортной пшеницы в арабские страны региона Персидского залива. Еще один акт доброй воли, показывающий реализацию режима наибольшего благоприятствования в казахстано-иранских отношениях, – предложение Ирана возобновить импорт крупных партий казахстанской пшеницы для ее переработки в муку с последующей продажей в третьи страны или использования для товарообмена с Казахстаном на условиях SWAP[38]. Завершен проект строительства совместного зернового элеватора в иранском порту Амирабад. Решение об этом было принято в декабре 2006 г. во время пребывания в Астане главы МИД Ирана Манучехра Моттаки и отражено в итоговом протоколе восьмого заседания совместной двусторонней комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству.

Казахстан является еще и уникальным партнером Ирана в плане своего бывшего атомного статуса. Еще в первые годы после обретения независимости Казахстан, унаследовавший солидную часть советского ядерного арсенала, ликвидировал его, что было положительно воспринято на Западе, ибо явилось первым мировым прецедентом подобного рода. США уже не раз призывали Иран отказаться от ядерных амбиций и последовать примеру Казахстана. Летом 2006 г. с очередным приглашением по этому поводу выступил вице-президент США Ричард Чейни после завершения переговоров с Н. Назарбаевым. «Я думаю, что действия Казахстана...- прекрасный пример того, над чем могли бы подумать иранцы» – сказал Р. Чейни[39]. Несколько лет назад Казахстан предложил Ирану конкретное сотрудничество в сфере мирного использования атомной энергии. Эту идею озвучил посол Казахстана в Иране Ерик Утембаев во время посещения в 2006 г. Буширской АЭС в Южном Иране. По словам посла, его страна активно вовлечена в развитие мирной атомной энергетики и заинтересована в обмене научно-исследовательской, технической и технологической информацией с Ираном[40]. Основу для сотрудничества по обмену технологиями в сфере мирной атомной энергетики дают и планы Казахстана построить в ближайшие годы от 3 до 10 ядерных реакторов. Очевидно, Ирану важно и то, что Казахстан является третьим в мире после Австралии и Канады производителем урана. Если в 2006 г. его было произведено 5279 тонн, то в 2007 г. – 6937 тонн, а к 2010 г. страна запланировала выйти на рубеж 18 тысяч тонн, или примерно 30% мировой добычи этого металла[41]. Казахстан в рамках ШОС уже предлагал Ирану вместе с Узбекистаном стать участником совместного предприятия по обогащению урана для иранской ядерной программы. США поддерживают такое предложение, реализация которого может продемонстрировать открытость ядерной программы Ирана и снимет напряженность вокруг иранского досье в Совбезе ООН и МАГАТЭ.

Нефтяной фактор

Однако главной и наиболее перспективной для двух стран сферой сотрудничества является нефтяная. Именно этой сфере обязана экономика Казахстана своим успешным ростом.

Уже 15 лет, начиная с 1995 г., нефтедобыча в Казахстане непрерывно повышается. За период с 1995 до 2008 г. этот показатель вырос с 20,6 миллиона тонн до 70 миллионов тонн, составив 1,8% мировой добычи[42]. Президент Казахстана Н. Назарбаев в своем послании народу в феврале 2005 г. дал понять, что такое интенсивное использование сырьевого богатства страны не совсем желательно. Вместе с тем это обстоятельство само по себе создает реальные предпосылки к тому, чтобы страна стала одной из ведущих нефтяных держав. В последние годы примерно 90% добытой в Казахстане нефти экспортируется. По данным эксперта по казахстанской нефти В. Бабака, за истекшее десятилетие физические объемы ее экспорта выросли более чем в 2,5 раза[43]. Однако, до сих пор велика интегрированность казахстанского нефтяного комплекса в нефтекомплекс России. Это создает возможность проявления непредвиденных катаклизмов, способных серьезно повлиять на экономическую жизнь Казахстана. С другой стороны, такая зависимость создает для Москвы практически неисчерпаемые возможности политического давления на соседнюю страну. Нужно учитывать и такое не менее важное обстоятельство, что через российскую территорию проходят пути нефтепотоков, которые доставляют казахстанскую нефть в страны СНГ. Поэтому для транспортировки своей же нефти Казахстану необходимо прибегать к получению у России требуемых экспортных квот. Для того, чтобы избежать этого, Казахстан вынужден рассматривать альтернативные, в обход российской территории, пути транспортировки своей нефти. Вполне реальным и эффективным вариантом в такой ситуации является иранский транзит. В данном случае речь идет о транспортировке нефти через казахстанский каспийский порт Актау в порты Северного Ирана.

Экономические интересы Ирана в сотрудничестве в топливной сфере лежат также в импорте казахстанской нефти для обеспечения потребностей своих активно развивающихся регионов севера. Удаленность этих регионов Ирана от расположенных в основном на юге страны районов добычи углеводородного сырья диктует Ирану экономическую целесообразность его импорта из Казахстана, что гораздо дешевле транспортировки через протяженную иранскую территорию.

Намерение Казахстана о продаже нефти Ирану было впервые отражено в Протоколе о развитии сотрудничества в сфере

транспорта, подписанном в ноябре 1992 г. На основе этого протокола Казахстан брал на себя обязательство ежегодно продавать по 2 миллиона тонн нефти. Через четыре года как результат встречи президентов Ирана и Казахстана – А.А. Хашеми-Рафсанджани и Н. Назарбаева – было достигнуто соглашение о поставках казахстанской нефти по схеме замещения (SWAP). Впервые о возможности реализовать такой вариант, не так часто встречающийся в мировой практике, президент Казахстана Н. Назарбаев заявил в интервью иранскому агентству ИРНА в мае 1996 г. Суть его состоит в том, что Казахстан доставляет свою нефть в один из иранских портов Каспийского моря. Этим портом выбран порт Нека на каспийском побережье северной провинции Мазандеран, специализирующийся на транспортировке нефти. Далее казахстанская нефть следует на переработку на Тебризском и Тегеранском нефтеперерабатывающих заводах. Взамен этого Иран отгружает из портов Персидского залива для экспорта на мировые рынки адекватное количество нефти. На первом этапе Ирану планировалось ежегодно поставлять по этой схеме примерно 2 миллиона тонн нефти, а в дальнейшем было решено довести эту цифру до 6 миллионов тонн. Принципиальная договоренность по перспективному для обеих сторон проекту была достигнута во время визита президента Казахстана в Тегеран в мае 1996 г., однако его реализация началась только с 1 января 1997 г. Такая временная пауза оказалась необходимой для того, чтобы дополнительно проработать все детали проекта, дабы не попасть под действие введенных США против Ирана санкций, касавшихся и поставок в Иран энергоносителей.

Речь шла о законе д'Амато, одобренном Конгрессом США в августе 1996 г. и направленном против стран и компаний, совершавших сделки с Ираном в этой сфере на сумму свыше 40 миллионов долларов. Казахстану, однако, удалось доказать, что проект нефтезамещения не входит в прерогативу этого закона и поэтому не может иметь своим следствием снижение уровня казахстано-американского сотрудничества, ударив по экономическим интересам Казахстана. В дальнейшем, в мае 1998 г. американское давление в этой сфере было снято, администрация США приняла уточнения, по которым действие закона д'Амато не распространялось на магистральные нефтепроводы из Казахстана, Туркменистана и Азербайджана и транзитную транспортировку нефти через иранскую террито-

рию. Иранская печать расценила новаторский проект нефтезамещения как несомненно выгодный для своей страны. Таким же выгодным оказалось для Ирана подписанное 5 декабря 1996 г. Соглашение о строительстве нефтепровода с участием Казахстана, России, Омана и 8 международных компаний.

До середины 1990-х гг. нефтяное сотрудничество с Ираном помогало Казахстану решать вопросы транспортировки нефти из-за введенных Турцией ограничений на прохождение больших танкеров через проливы Босфор и Дарданеллы. Снять такого рода проблемы вскоре удалось после коренной модернизации самого перспективного и экономически выгодного казахстанского каспийского порта Актау, которая была проведена при широком участии ряда иранских фирм. В 2006 г. через нефтяной терминал этого порта было экспортировано 9,9 миллионов тонн нефти[44]. Сотрудничество с Ираном, однако, не способно радикально решить вопрос транспортировки казахстанской нефти. Даже в случае разработки и внедрения новых проектов, предложенных Ираном, радикальное решение представляется Астане в реализации проекта Каспийского трубопроводного консорциума.

Нефтегазовая отрасль остается одним из приоритетных направлений казахстано-иранского сотрудничества. Это было подтверждено во время работы в Астане 13–14 декабря 2006 г. восьмого заседания двусторонней казахстано-иранской межправительственной комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству. На нем было принято решение о реализации очень важных совместных проектов, связанных именно с этой сферой сотрудничества. Речь шла о строительстве на севере Ирана нефтеперерабатывающего завода и строительстве предприятия по производству нефтехимической продукции в г. Атырау на казахстанском побережье Каспия. Первый из этих проектов имеет приоритетное значение для иранской нефтяной отрасли, потому что за годы, прошедшие после установления в Иране режима исламской республики, в стране не было построено ни одного предприятия по переработке нефти. В связи в этим Иран, являющийся одним из крупнейших в мире производителей нефти, испытывает большой дефицит бензина, что существенно влияет на энергетическую безопасность страны. Сотрудничество с Казахстаном в этой области позволит частично решить эту проблему. Кроме того, создание нефтеперерабатывающего завода на севере страны повысит

эффективность реализации проекта нефтезамещения, позволит наращивать объемы транспортировки казахстанской нефти через иранскую территорию.

Поставки в Иран казахстанской нефти дали определенные стимулы работам по реконструкции иранских нефтеперерабатывающих заводов. Нефтеобменные операции потребовали модернизации технологического цикла на заводах в Тегеране, Тебризе, Араке и Исфагане для соответствия стандартам перерабатываемой нефти, добываемой в Казахстане. Это потребовало и модификации терминала в Рее. Кроме того, реализация проекта нефтезамещения вызвала необходимость прокладки нефтепроводов из порта Нека в Тегеран и из Сари в Нимруд. По мнению иранской печати, сотрудничество с Казахстаном способствует развитию иранского нефтепромышленного комплекса[45] и тем самым оказывает благотворное влияние на экономическую ситуацию в стране.

Каспийский фактор

Важную роль в казахстано-иранских отношениях играет каспийский фактор. Именно на принадлежности двух стран к прикаспийскому бассейну строилась одна из предпосылок необходимости их сближения, интеграции, приоритетности сотрудничества. Реалии сегодняшнего дня, однако, показывают, что этот фактор способен играть как интегрирующую, так и дезинтегрирующую роль. Выдвижение Каспия в один из главнейших мировых центров нефтедобычи – разведанные и потенциальные запасы нефти, включая шельфово-прибрежные месторождения, оцениваются в пределах 28–30 миллиардов тонн, в том числе доказанные запасы казахстанской нефти – 4–6 миллиардов тонн[46], неизбежно и закономерно приводит к серьезным спорам в связи с определением доли каждого из пяти прибрежных государств обширного прикаспийского бассейна.

Политика Ирана на Каспии характеризуется двумя основными аспектами. Активно участвуя в выработке правового статуса, эта страна во все большей степени влияет на геополитические процессы, происходящие на этом направлении. Во-вторых, концепция максимального прагматизма позволяет Ирану последовательно и бескомпромиссно отстаивать национальные интересы, что отнюдь не всегда сочетается с интере-

сами других участников каспийского процесса. Иран последовательно оппонирует все большей вовлеченности Запада к каспийским реалиям. Там, и в первую очередь в США, рассматривают этот регион в контексте своей национальной безопасности как альтернативу «довольно опасной зависимости от Ближнего Востока»[47]. Все более определяющиеся прозападные ориентиры Казахстана диктуют ему необходимость отнюдь не проиранской позиции в этом вопросе. Так, Иран выступает против привлечения Запада к освоению каспийских энергоносителей. Казахстан же рассчитывает в этом вопросе на помощь США и стран ЕС. Иран неоднократно обвинял Астану и в том, что, инициировав принцип демилитаризации Каспия до урегулирования его статуса, Казахстан создал в районе порта Актау военно-морскую базу, причем в ее оснащении активно участвуют США. Пример Казахстана, к неудовольствию Ирана, оказался заразительным: Туркменистан также усиливает свое военное присутствие на Каспии, разместив там флотилию боевых и патрульных катеров.

Для Казахстана каспийский фактор приобрел несомненную важность в свете его больших запасов нефти. Его позиция основывается на легитимном праве осваивать минеральные и биологические запасы Каспия, экономических выгодах транзита через свою территорию добываемых там энергоносителей. Именно Казахстан первым представил еще в 1994 г. проект Конвенции о правовом статусе Каспия. В силу этого обстоятельства его руководство не может не беспокоить никак не складывающийся консенсус по проблеме правового режима Каспия, из-за чего постоянно выкристаллизовываются своеобразные мини-блоки. Позиция Казахстана в этом плане довольно часто корректируется. Так, в середине 1990-х гг. Казахстан сблизился в этом вопросе с Россией[48], заняв промежуточную позицию между Азербайджаном, считавшим Каспий морем и поэтому предлагавшим разделить его на национальные секторы, и Ираном и Туркменистаном, полагавшими, что это озеро, и посему следовало бы совместно разрабатывать его недра. Казахстан же в тот период придерживался своей собственной позиции, исходившей из того, что дележу подлежат лишь дно и недра, водная же поверхность свободна для судоходства и рыболовства на основе квотирования и лицензирования[49]. Тогда же наметился и поиск сближения позиций Казахстана и Азербайджана, их совместного противостояния позициям трех

других прикаспийских стран. В тот период Баку предложил Астане проект транспортировки нефти через территорию Азербайджана. Далее трубопровод предлагалось проложить через Грузию и черноморские порты Украины в направлении Болгарии и Турции. Учитывая нестабильные и часто выходящие на стадию конфронтации ирано-азербайджанские отношения, такой проект был способен существенно осложнить казахстано-иранское взаимодействие. В то же время в случае определения статуса Каспия по иранскому варианту экономике Казахстана мог бы быть нанесен значительный ущерб, ибо могли быть пересмотрены размеры его нефтяных и газовых запасов в сторону уменьшения. Такой исход также отнюдь не стимулировал бы развитие казахстано-иранского сотрудничества.

В решении проблемы правового режима Каспия Казахстан исходит исключительно из приоритетов национальной безопасности, принимая в расчет, что все вопросы нефте- и газоразработок на Каспии и в его регионе могут серьезно осложнить отношения между странами бассейна. Вместе с тем, несмотря на продолжающуюся неурегулированность вопроса о статусе Каспия, Казахстан в декабре 1996 г. принял решение о развертывании, начиная с января 1997 г., в одностороннем порядке масштабной нефтедобычи в этом регионе[50].

В связи с практически тупиковым состоянием пятисторонних переговоров по определению статуса Каспия Казахстан и Иран прилагают в последние годы много усилий для проведения двусторонних консультаций с целью выработки согласованных подходов по отношению к Конвенции о правовом статусе Каспия. Помимо этого, параллельно обсуждаются и такие вопросы, как создание зоны доверия и стабильности в каспийском регионе, возможности разработки отдельного политического документа – Пакта о стабильности на Каспии в контексте необходимости совместных действий всех каспийских стран в борьбе с терроризмом, наркобизнесом и другими угрозами миру и безопасности региона. По этим вопросам обе стороны занимают иногда схожие, а временами и расходящиеся позиции[51]. Однако достаточно принципиальные разногласия по вопросу правового статуса все еще сохраняются. Например, во время работы в Алматы очередного заседания рабочей группы на уровне заместителей министров иностранных дел всех пяти прибрежных стран Каспия в мае 2003 г. выяснилось, что практически полностью совпадают позиции Азербайджана,

Казахстана и России. Эти страны допускают деление Каспия на национальные сектора по срединной линии, оставляя акваторию в общем пользовании. Оппонентом такого подхода выступил Иран, настаивающий на передаче каждой из стран 20% дна и акватории либо передаче запасов Каспия в общее пользование. К позиции трех стран склонялся и Туркменистан, ранее поддерживавший Иран. Таким образом, позиция Ирана противостояла видению правового статуса четырьмя другими участниками переговорного процесса.

Но в позиции Ирана в последнее время выявились изменения. Как известно, ранее Тегеран выступал против каких-либо двусторонних соглашений в рамках каспийского процесса. Ныне он считает возможным такого рода соглашения. Причина, по всей видимости, лежит в том, что ряд стран успешно реализует подписанные ранее соглашения. В частности, это касается России и Казахстана, с которыми Иран не хотел бы вступать в конфронтацию в рамках каспийского процесса. Однако в любом случае Казахстан не готов поддержать позицию Ирана по делению дна на 20%-ные доли, и это остается одним из факторов разногласий в двусторонних отношениях.

В Иране надеялись, что выход из затянувшегося тупика мог быть найден на саммите прикаспийских государств, который прошел в октябре 2007 г. в Тегеране. Полномочный представитель президента Ирана по каспийской проблематике Мехди Сафари заявил в этой связи, что иранское руководство считает необходимым проведение каспийского саммита, даже если Конвенция о правовом статусе Каспия не будет подготовлена к этому времени. В этом случае будут обсуждаться вопросы регионального сотрудничества, безопасности на Каспии. Одновременно в Иране надеялись, что присутствие на саммите президента Казахстана Н. Назарбаева могло дать новый стимул углублению казахстано-иранского сотрудничества, пребывающего, как считали тогда в Иране, в состоянии определенной стагнации. Самые нестыкующиеся позиции выявились у России и Казахстана. Они касались квот на биоресурсы Каспия и необходимости закрепить в вырабатываемой Конвенции пункт о принципах транзита по Каспию, главным образом относительно транзита энергоносителей и прокладки трубопроводов по дну этого водоема. Точка зрения Казахстана состояла в том, что маршрут должен в двустороннем порядке согласо-

ваться только с теми странами, через каспийские зоны которых он проходит. Он же выступил против демилитаризации Каспия, заявив, что военно-морская деятельность должна быть ограничена сферой охраны морских границ каспийских государств. Россия оппонировала Казахстану, полагая, что в вопросе прокладки трубопроводов нужен консенсус всех пяти членов каспийского процесса. Кроме того, российский президент В. Путин высказался против зонального разделения Каспия и назвал приоритетными задачи экологической безопасности[52]. Главная и принципиальная проблема правового статуса Каспия – основы раздела его акватории – осталась и на этот раз нерешенной. Однако теперь выявилось, что иранцы не готовы жертвовать своей позицией относительно секторов контроля.

Таким образом, после тегеранского саммита основные противоречия между участниками переговорного процесса не были сняты. Стало в очередной раз ясно, что по главным позициям не изжито противопоставление Ирана мнению стран СНГ. Вот почему на состоявшейся в сентябре 2009 г. встрече президентов России, Казахстана, Туркменистана и Азербайджана в Актау (Казахстан) могло пройти обсуждение каспийской тематики. Однако в начале встречи российский президент Д. Медведев заявил: «Я считаю, что каспийская тематика требует обсуждения с участием всех государств, которые относятся к каспийским, чтобы перейти к воплощению идей, которые были высказаны на саммите в Тегеране, и перейти к саммиту, который должен состояться в Баку». Его поддержал президент Казахстана Н. Назарбаев, а затем и лидеры Азербайджана и Туркменистана. Отметим, что объявленная заранее встреча президентов России, Азербайджана, Казахстана и Туркмении вызвала негативную реакцию Ирана, который счел, что саммит будет посвящен вопросам Каспия. «Проведение этой встречи не соответствует ранее достигнутым соглашениям о том, что все относящиеся к Каспийскому морю вопросы должны обсуждаться и решаться с участием всех пяти прикаспийских государств. Организацию четырехстороннего совещания Исламская Республика Иран считает противоречащей своим интересам», – сказал глава МИД этой страны Манучехр Моттаки[53]. Более подробно позиция Ирана была разъяснена в интервью заместителя министра иностранных дел Исламской Республики Иран по вопросам европейских

стран Мехди Сафари: «Исламская Республика Иран считает, что проведение любых встреч по вопросу юридического статуса Каспийского моря без участия Ирана противоречит его национальным интересам. Нас беспокоит то, что принимаемые на Каспийском море какие-либо шаги, которые не получают единогласного одобрения, могут привести к тому, что те выгоды, которые получат все страны за счет коллективного сотрудничества на этом море, будут поставлены под вопрос». В этом же интервью концентрированно изложена суть позиции ИРИ по Каспийской проблеме.

«Каспийское море является закрытым морем. В течение последних двадцати лет оно стало объектом особого внимания. По многим проблемам этого моря, включая юридический статус, порядок разграничения водной поверхности и дна моря, правила разведки подводных месторождений энергоносителей, права и обязанности государств в этой области, военные вопросы и вопросы безопасности и др., все еще остаются не до конца проработанными и не решенными, и их решение требует согласия всех прибрежных государств. Как с точки зрения международного права, так и с точки зрения реальной практики, любые договоренности по важнейшим вопросам должны достигаться с участием и при согласии всех прибрежных государств, что мы называем принципом консенсуса. Учитывая тот же принцип, мы убеждены в том, что

- во-первых, региональные совещания по вопросам правового статуса Каспия должны организовываться с участием всех стран побережья Каспийского моря;
- во-вторых, любые решения относительно правового режима Каспия, а также по вопросам, связанным с ним, принятые без согласия всех прикаспийских стран, не будут представлять никакой ценности, будут считаться неприемлемыми и никоим образом не будут исполняться;
- в-третьих, ни одна из стран Каспия не должна действовать таким образом, чтобы нарушать дух коллективного сотрудничества в Каспийском море»[54].

К настоящему времени видимого прогресса в достижении консенсуса по определению правового статуса Каспия не достигнуто, что в определенной мере осложняет иранo-казахстанский диалог, однако не наносит видимого ущерба его основам.

Достижения и проблемы сотрудничества

Несмотря на неплохие показатели двустороннего сотрудничества между Ираном и Казахстаном, в Иране не раз заявляли о том, что двустороннее сотрудничество с Казахстаном лишь в небольшой степени использует имеющийся в его распоряжении потенциал. Так, в 2004 г. в Казахстане работало менее 10 иранских компаний, что «...гораздо меньше числа компаний из Саудовской Аравии и ОАЭ»[55]. Несмотря на наращивание стабильного товарооборота, показатели экономического сотрудничества Тегерана с Астаной низки по сравнению с такими торговыми партнерами Казахстана, как Россия или Турция. В ряде заявлений официальных иранских лиц заметна озабоченность по этому поводу, говорится об отсутствии в этих отношениях должного динамизма, присутствуют ссылки на препятствия их развитию[56]. Ныне закрытая реформистская газета «Салам» еще в 1997 г. отмечала стремление руководителей Казахстана к своего рода дозированности в продвижении диалога с Ираном, в стремлении «...не подняться выше заранее установленной планки»[57], действуя с оглядкой на Запад.

Впрочем, ссылки на то, что прозападная ориентация сковывает развитие казахстано-иранских отношений, не всегда правомерны. Так, в 2004 г., став, с одной стороны, более искушенным в мировой геополитике, а с другой, – завязав более тесные отношения с антиподом Ирана – США, Казахстан, тем не менее, продолжал отстаивать идею прокладки нефтепровода Иран-Казахстан, который не устраивал Вашингтон. По данным Regnium, специальный представитель США по энергетической политике на Каспии Стивен Манн заявил о том, что его страна возражает против строительства этого нефтепровода по политическим и правовым причинам, уточняя, что в коммерческом смысле есть более предпочтительные варианты[58]. По всей видимости, Казахстан не посчитался с возражениями США по той причине, что проект разрабатывался совместно с французской компанией Total и пользуется поддержкой правительства этой страны. В Иране считают, что в ближайшие годы вопрос строительства этого нефтепровода будет успешно решен. С экономической точки зрения он наиболее эффекти-

вен. В числе преимуществ – дешевизна проекта, возможность использования существующих инфраструктур на территории Ирана, потенциальная возможность поставок нефти через систему трубопроводов как на западном, так и на восточном направлении, а также значительные потребности Ирана в закупках казахстанской нефти[59]. Меняющаяся политическая конъюнктура, заявил, выступая на семинаре в рамках Евразийского экономического саммита в Казахстане зам. министра иностранных дел Ирана Мохаммад Хоссейн Адели, позволит обойти неприятие Вашингтоном этого проекта[60]. Это подтвердил и президент Казахстана Н. Назарбаев, заявивший, что идею транспортировки казахстанской нефти через Иран в Персидский залив поддерживают и иностранные инвесторы, работающие в Казахстане, в том числе и американские[61]. Запасы нефти Тенгизского месторождения позволят загрузить этот нефтепровод. Одновременно глава Казахстана дал понять, что для его страны важны разные маршруты нефтепроводов. Именно поэтому Астана поддержала в политическом плане нефтепровод Баку-Джейхан[62].

Иранскую сторону не удовлетворяет недостаточный, на ее взгляд, уровень участия Казахстана в совместных проектах ЭКО. Именно ИРИ принадлежала идея пригласить страны Центральной Азии к участию в этой организации буквально через несколько месяцев после распада СССР, вот почему иранские лидеры хотели бы более активного участия Казахстана в проектах этой организации, в частности, в транспортной сфере. Речь идет в первую очередь о широких возможностях, открывшихся в связи с пуском в эксплуатацию железной дороги Мешхед-Серахс-Теджен, создавшей возможность стыковки железнодорожной сети центральноазиатских стран с магистралями ближневосточного региона. Этот проект, имевший для Ирана большую важность, замысливался в расчете на то, что создаст кратчайший путь для выхода государств Центральной Азии на западные и восточные рынки. В первые годы после пуска этой магистрали в 1996 г. Казахстан использовал ее главным образом для экспорта в Иран производимых в Казахстане азотных удобрений и поставок газойля. Для Ирана же важность магистрали определяется и потенциальным удобством доступа к предприятиям казахстанского уранового комплекса, представляющим интерес в свете реализации иранской программы ядерной энергетики.

Однако желая диверсифицировать свои транспортные пути, Казахстан не хотел бы ограничиться сотрудничеством в создании транспортной инфраструктуры лишь в рамках ЭКО. В апреле 2004 г. Иран и Казахстан заявили о готовности к сотрудничеству в реализации проекта создания трансазиатской железной дороги. С инициативой создания такой магистрали выступил Казахстан. Ее задача – соединить железнодорожную сеть Ирана с сетью железных дорог Китая. Совместный проект рассматривается обеими сторонами как качественно новая ступень в казахстано-иранском экономическом взаимодействии. В случае успешной реализации этого проекта стоимостью 4 миллиарда долларов[63] на рубеже первого и второго десятилетий XXI в. возможно открытие сквозного железнодорожного проезда из Китая в Европу через Турцию. По этому проекту уже проведены казахстано-иранские переговоры и министры транспорта Ирана и Казахстана Ахмад Хоррам и Кажмурат Нагманов подписали соответствующий протокол.

Обе страны намерены серьезно сотрудничать и в рамках создания международного транспортного коридора, получившего название «Север-Юг». Он обеспечит доставку грузов из Индии, Пакистана, стран Персидского залива через территорию Ирана, России в Европу. Потенциальная мощность этого транспортного пути составляет примерно 15–16 миллионов тонн грузов в год, что означает сокращение расходов на доставку грузов в 1,5–2 миллиарда долларов в год[64]. Кроме Ирана, Казахстана и России, о своем намерении присоединиться к этому проекту заявили Армения, Беларусь, Туркменистан, Саудовская Аравия, Кувейт, Объединенные Арабские Эмираты, Индонезия, Малайзия, Шри-Ланка и ряд европейских стран. «Север-Юг» рассматривают как важный евразийский геополитический проект. Он дает возможность наиболее рационально реализовать грузоперевозки из стран Азиатско-Тихоокеанского региона и Юго-Восточной Азии в Европу. Иран в данном контексте предстает как наиболее реальный транзитный коридор. С другой стороны, формирование этого транспортного коридора выводит Центральную Азию из транспортной периферии на центральные мировые грузопотоки. Для Казахстана это сулит немалые плюсы. Участие в реализации транспортного коридора «Север – Юг» дает ему дополнительные возможности в сфере международной торговли и транзита товаров, позволяет интенсифицировать развитие наиболее перспективных

для страны западных регионов. Кроме того, значение этого транспортного коридора состоит еще и в том, что он позволяет замкнуть в единое целое национальную транспортную сеть.

В Казахстане видят значение нового транспортного коридора и в том, что он ориентирует часть грузопотоков на запад страны, в результате чего появляются возможности для пропорционального развития казахстанской экономики в региональном измерении. В Казахстане в рамках нового транспортного коридора первостепенное значение приобретает порт Актау, который уже сегодня соответствует новейшим требованиям современного портового хозяйства. В нем могут концентрироваться грузопотоки не только из Казахстана, но и восточных регионов России, а также тех государств Центральной Азии, которые не имеют выхода к морю – Узбекистана, Таджикистана и Киргизии. В рамках транспортного коридора эти потоки могут быть продолжены отсюда в иранские порты на Каспии. Успешно формирующаяся транспортная инфраструктура имеет несомненное значение для реализации экономического сотрудничества между Казахстаном и Ираном. В рамках транспортного коридора «Север-Юг» реализуются и интеграционные проекты. Так, в стадии проработки находится проект железнодорожной сети по восточному побережью Каспия. Она соединит между собой все пять стран Каспийского бассейна – Иран, Казахстан, Азербайджан, Россию и Туркменистан. В результате казахстанские товаропроизводители получат кратчайший путь к перспективным иранским рынкам. В частности, это касается зернового экспорта Казахстана, реализация которого через порт Актау на Иран позволяет экономить примерно 15% транспортных издержек[65].

В июле 2010 г. в казахстанской столице прошло заседание трехстороннего комитета по строительству этой железной дороги. На нем был обсужден ход работ. Было отмечено, что на территории Казахстана от общей протяженности железной дороги в 146 км отсыпано 95% земляного полотна и уложено 18 км рельсов. Общая стоимость проекта в Казахстане составляет 430 миллионов долларов, из которых уже освоено 52 миллиона долларов. Казахстан обязался к концу 2011 года завершить строительство пограничной станции Болашак и предложил открыть там контрольно-пропускной пункт. Что касается строительства на иранской территории, то завершено составление технико-экономического обоснования сегмента на территории

Ирана общей протяженностью 90 км. Кстати, при содействии Ирана центральноазиатским участникам строительства будут предоставлены кредиты Исламского Банка Развития[66]. Пока они выделены Туркменистану, но решен вопрос об их предоставлении и другим участникам проекта.

В целом сфера железнодорожного транспорта приобретает все большее значение в сотрудничестве двух стран. По данным за 2008 г., объем экспортных и импортных грузов Казахстана составил 2,9 миллиона тонн в Иран и 77,4 тысячи тонн из Исламской Республики. Значителен и объем экспортных и импортных транзитных грузов ИРИ, провезенных по казахстанской территории – свыше 150 тысяч тонн[67]. Объем взаимных железнодорожных перевозок еще более возрастет с введением в строй линии Узень (Казахстан) – Кызылкая – Берекет – Этрек (Туркменистан) – Горган (Иран). Соответствующее решение принято правительствами трех стран в декабре 2007 г. Протяженность линии составит 680 километров, из которых по территории Казахстана проходит 138 километров. Планируемый объем перевозок на первый год – 9,6 миллиона тонн. По состоянию на июль 2010 г. Туркменистан завершает строительство своего участка железнодорожной линии, а Казахстан на своем участке начал укладку рельсошпальных конструкций[68]. Правительства трех стран обязались единовременно завершить свои отрезки строительства и ввести линию в эксплуатацию в декабре 2011 года.

Железнодорожный транспорт выполняет перевозки в Иран и через его территорию на внешние рынки одного из главных экспортных товаров Казахстана – зерна. Иран является одним из крупнейших покупателей казахстанского зерна. В 2009 г. поставки зерна в Иран из Казахстана составили почти 1 миллион тонн. Учтем при этом, что общий объем экспорта казахстанского зерна составил 3,6 миллиона тонн. В общем объеме иранского импорта зерна на Казахстан приходится примерно 80%[69]. Для более эффективной реализации перевозок зерна в Казахстане приняли решение создать в портах Ирана собственные терминалы для перегрузки и хранения этого экспортного товара. 19 июня 2010 г. казахстанская компания «Продкорпорация» ввела в эксплуатацию в каспийском порту Амирабад в Иране собственный зерновой терминал. Это довольно дорогостоящий проект стоимостью более 18 миллионов долларов, причем он реализован на паритетной основе двумя странами. Его пропу-

скная способность – до 700 тысяч тонн зерна в год, а объем единовременного хранения – 53 тысячи тонн. С вводом зернового терминала значительно расширится география поставок казахстанского зерна, которое пойдет не только в Иран, но и транзитом в страны Персидского залива[70]. Еще более мощный терминал планируется построить в другом иранском порту – Имам-Хомейни. Он будет рассчитан на единовременное хранение 200 тысяч тонн зерна, что почти в четыре раза превышает мощность терминала в Амирабаде[71].

Как и в других странах СНГ, в Казахстане до сих пор до конца не отрегулированы многие вопросы реализации двустороннего сотрудничества с Ираном. Так, нередко иранские бизнесмены испытывают трудности в визовом обеспечении въезда в Казахстан. Одновременно с этим часты заявления о трудностях и в экспортно-импортных операциях с этой страной. Это связано с чрезмерной бюрократией, заполнением бесчисленного количества бумаг. В связи с этим многие бизнесмены закрывают свои дела в Казахстане. Как рассказывают сами иранские бизнесмены, любой экспорт из Казахстана затруднен дефицитом практически любых транспортных средств: от экспортных вагонов до перевалочных мощностей в казахстанских портах. Вместе с этим иранские бизнесмены испытывают проблемы при контактах с правоохранительными органами РК. «Недавно одну из иранских предпринимательниц заставили снять платок с головы в аэропорту Алматы при паспортном контроле. Она объясняла, что она мусульманка и не может снять платок, который к тому же не закрывает лица. На это представители служб аэропорта не обратили внимания, настаивая на своем»[72]. Как высказался один из иранских бизнесменов, «Казахстан – очень близкая к нам страна, наши народы торговали друг с другом много веков. Нам легче было бы работать с Казахстаном, если условия получения визы и работы в республике станут более дружелюбны к нам»[73]. В этом вопросе недавно наметился перелом: правительство Казахстана решило упростить процедуру выдачи виз иранским бизнесменам и туристам. На пресс-конференции в Тегеране по этому поводу посол Казахстана в Иране Нурбах Рустемов сообщил, что подготовка необходимых оснований для торгового обмена между двумя странами по суше, морю и воздуху и реализации совместных проектов в экономической области является одним из наиболее важных факторов в расширении взаимного сотрудничества[74].

Что впереди?

Как же будет развиваться взаимодействие двух стран в главных сферах сотрудничества в ближайшие годы? Казахстан, как и Иран, переживает трудности, связанные с мировым финансовым кризисом. В таких условиях Астана не найдет иного выхода кроме как существенно сократить государственные расходы по важным для себя объектам, отдав приоритет социальной сфере. Однако это не означает полного закрытия объектов казахстано-иранского сотрудничества, о чем как раз и шла речь на переговорах между двумя президентами – Н. Назарбаевым и М. Ахмадинежадом во время визита последнего в Казахстан в апреле 2009 г. На переговорах было подчеркнуто приоритетное значение сотрудничества в транспортной сфере. Для Казахстана это знаменует реальную интеграцию в глобальную транспортную систему. Трудно, однако, ожидать прорыва в создании трансазиатской железной дороги. Логично предположить, что Казахстану не с руки делать резкие движения во всех значимых проектах, связанных с Ираном и сулящих этой стране те или иные экономические и политические дивиденды. Особенно это касается периодов, когда на повестку дня вновь и вновь встают вопросы ужесточения санкций против Ирана со стороны мирового сообщества. Кроме того, Казахстану не хотелось бы бросить тень на его теплые отношения с Западом в период дежурного председательства в ОБСЕ. Отметим, что данное обстоятельство создает чувствительный очаг недоверия в отношениях между Астаной и Тегераном. Так же обстоит дело и в атомной сфере. На первой же пресс-конференции в казахской столице в апреле 2009 г. М. Ахмадинежада спросили о том, что он думает о предложении президента Н. Назарбаева о создании международного банка ядерного топлива. Вполне понятно, что речь идет о возможностях контроля над несанкционированным использованием этого топлива. Это предложение перекликается и с международными попытками нахождения пути обогащения иранского урана за рубежом, в частности, на совместных предприятиях. Иран всегда категорически противился подобным предложениям, хотя всегда аргументировал это необходимостью дополнительного изучения и согласования. Какова же нынешняя позиция Ирана?

«Мы приветствуем такое предложение Казахстана, – процитировало президента официальное иранское агентство печати ИРНА вечером 6 апреля, – и заявляем, что любая страна, имеющая запасы урана и способная производить ядерное топливо, может создавать его запасы. В ядерной проблеме должны одновременно произойти два события. Не нужно идентифицировать атомную энергию и атомную бомбу. Необходимо также провести разоружение стран, обладающих ядерными запасами. Это снизит порог обеспокоенности появлением новых ядерных государств. Если мы перестанем думать об атоме только в увязке с атомной бомбой, мы тем самым откроем возможности его широкого использования в таких сферах, как медицина, сельское хозяйство, промышленность и др.»

Такие констатации, однако, лежат в плоскости постоянных иранских утверждений о сугубо мирном характере его атомной программы, чему мало кто в мире верит, включая Казахстан. Совсем не случайно недавно эта страна отказалась продавать Ирану уран, причем, как считают в Иране, под явным нажимом Израиля. Израиль – еще одна больная тема в ирано-казахстанском диалоге. «Эта страна представляет особый интерес для Израиля», – заявил в октябре 2009 г. министр иностранных дел Израиля Авигдор Либерман[75]. Он отметил, что речь идет о государстве, занимающем 9-е место в мире по размерам территории, одно из первых мест – по запасам энергоресурсов и залежей урана. Для Израиля важно и то, что в 2010 году эта республика выполняет функции дежурного председателя ОБСЕ, а в 2011 – в ОИК, занимает важное место на международной арене. Его сотрудничество с Казахстаном изрядно портит нервы иранским лидерам. Н. Назарбаев недавно назвал отношения с Израилем «дружественными». При израильском содействии в Казахстане реализуется множество различных проектов, большинство из которых там, где в этом ощущается наибольшая потребность – в сельском хозяйстве. В сотрудничестве наблюдается неплохая динамика. Если еще в 2002 г. казахстано-израильский товарооборот составлял примерно 30 миллионов долларов, то уже в 2005 он превысил один миллиард долларов. Объем товарооборота за 2007 г. составил уже почти 1,2 миллиарда долларов, став соизмеримым с казахстано-иранским, а за 2008 г., по словам посла Казахстана в Израиле Галыма Оразбакова, увеличился до 2,4 миллиарда долларов. По итогам 2009 г. он возрос до 2,5 миллиардов долларов[76].

Отметим и политическое взаимодействие двух стран, единый подход ко многим региональным и глобальным проблемам. Во время последней ливанской войны в июле-августе 2006 г. израильское правительство специально отметило взвешенную позицию Казахстана в этом вопросе.

Несомненное неудовольствие Ирана способны вызвать и шаги Казахстана, свидетельствующие о том, что он поддерживает обеспокоенность Израиля продвижением ядерной программы Ирана и готов способствовать реализации международных усилий в деле ее нейтрализации. Так, во время ежегодной конференции в Давосе в январе 2009 г. президент Казахстана Нурсултан Назарбаев заявил своему израильскому коллеге Шимону Пересу, что отлично понимает, какие могут быть последствия, если Иран станет ядерной державой. «Мы не продавали раньше и не собираемся продавать иранцам уран в будущем», – подчеркнул Назарбаев. Он отметил, что слухи о контактах между Тегераном и Астаной по этому вопросу «лишены основания». Назарбаев подчеркнул, что всегда приводил иранцам в качестве примера политику своей страны в ядерной сфере, ведь Казахстан – единственная мусульманская страна мира, имевшая атомное оружие и отказавшаяся от него, получив взамен международное признание и прекрасные связи с западным миром. Двумя месяцами позже, во время своего пребывания в Израиле, председатель Комитета по международным отношениям, обороне и безопасности Сената Казахстана Куаныш Султанов, сказал, что его страна полностью поддерживает резолюцию ООН по иранской ядерной проблеме и считает, что Иран должен «выполнять требования мирового сообщества».

Что касается конкретных результатов визита М. Ахмадинежада в Казахстан, то стороны пришли к полному взаимопониманию по сотрудничеству в сфере поставок зерна и содействия в продвижении казахстанской нефти на мировые рынки, инвестировании. Можно с уверенностью предположить, что на встрече Н. Назарбаева и М. Ахмадинежада фигурировал важный для Ирана вопрос вступления в ШОС. Его, учитывая претензии на лидерство в исламском мире и переход, как утверждают в Тегеране, в статус региональной державы, не устраивает статус наблюдателя в этой приобретающей все больший вес международной структуре. В этой связи Иран хотел бы лоббирования своих интересов со стороны Казахстана. Трудно,

однако, представить, что Казахстан пойдет на это, не согласовав своей позиции с Россией и США. Зонтик ШОС, как считают в Тегеране, существенно необходим для укрепления безопасности страны в свете обвинений мирового сообщества по поводу реализации военного компонента ее атомной программы.

Не все, однако, в казахстано-иранском сотрудничестве является столь оптимистичным, как может показаться на первый взгляд. Диалог двух стран серьезно осложняется американским фактором. На реализацию планов сотрудничества Казахстана и Ирана серьезно влияют взаимоотношения каждой из стран с США. Ирано-американский диалог с приходом к власти неоконсерваторов приобретает все более конфронтационный характер. В таком контексте Иран не хотел бы укрепления на центральноазиатском направлении американских позиций. Однако в настоящее время Казахстан является самой близкой к США страной региона Центральной Азии. В регионе для него сложилась максимально благоприятная внешнеполитическая конъюнктура. С 2005 г. здесь заметно отторжение нескольких центральноазиатских стран от Запада и НАТО. Узбекистан еще летом 2005 г., когда Вашингтон после андижанских событий обвинил его в вопиющих нарушениях прав человека, максимально дистанцировался от США, порвал отношения с рядом международных институтов. В последнее время наметилось продолжение диалога с США, но о достижении прежней доверительности пока говорить не приходится. В Киргизии после прошедших там за 5 истекших лет двух революций до сих пор радикально не решены проблемы вокруг размещенной здесь американской авиабазы, не так давно переименованной в Центр транзитных перевозок США в аэропорту «Манас».

На этом фоне Казахстан превращается в приоритетного партнера Запада. Это – единственная страна центральноазиатского региона, с которой США так интенсивно сотрудничают в военной сфере. Реализуется пятилетняя программа сотрудничества между вооруженными силами двух стран. США поставляют Казахстану военное оборудование, готовят военные кадры, причем в самых элитных американских военно-учебных заведениях. Казахстанская армия модернизируется по американским и натовским стандартам. Совместное военное сотрудничество имеет своим приоритетом безопасность западных регионов страны, где расположены основные зоны нефте- и газодобычи Казахстана и где больше всего соприкасаются интере-

сы Казахстана и Ирана. Защита нефтяной инфраструктуры Казахстана при американской военной помощи представляет не что иное, как опосредованный вызов Ирану. Еще более серьезным вызовом Ирану являются неоднократно озвученные президентом Н. Назарбаевым не совсем дружественные высказывания. Так, выступая с обращением по случаю 15-летия независимости в декабре 2006 г., президент Казахстана охарактеризовал Иран «как фактор дестабилизации в регионе»[77]. За несколько месяцев до этого, накануне своего визита в США в интервью газете «International Herald Tribune» Н. Назарбаев подверг однозначной критике атомную программу ИРИ и сказал, что если отказаться от атомного оружия, то можно сразу превратиться в уважаемого члена международного сообщества и близкого партнера США[78]. Несомненно, такие пассажи можно рассматривать как реверансы в сторону Америки в поиске ее дальнейшей благорасположенности.

США вполне удовлетворены тем, что казахстанский президент привлекает как инструмент экономических реформ вполне современные, цивилизованные и перспективные технологии, решает довольно радикально вопросы приватизации, создав открытый миру и достаточно прозрачный рынок. США небезосновательно считают, что в силу нынешней геополитической обстановки в регионе Центральной Азии им нужен именно такой партнер в регионе, который последовательно занимает доминирующие позиции в регионе по всем параметрам. США устраивает и то, что Казахстан сохраняет сильные позиции в ОБСЕ, намерен стать постоянным членом Парламентской ассамблеи Совета Европы. По всем этим показателям, реализованным при несомненной помощи США и других стран Запада, Казахстан оставил далеко позади все страны Центральной Азии и занимает лидирующие позиции в рамках всего СНГ. В США, несомненно, положительно оценили и заявление казахстанского президента о присоединении его страны к нефтепроводу Баку-Тбилиси-Джейхан, что может поднять отношения Казахстана с США на качественно новый уровень. Вместе с тем США дают понять Астане, что они вынуждены проявлять сдержанность в контактах с казахстанским руководством. Причины этого кроются в том, что в США выражают недовольство отходом Н. Назарбаева от заявленных им демократических ценностей, переходом к «мягкой диктатуре», громкими коррупционными скандалами, связанными с разработкой нефтяных

месторождений Казахстана американскими компаниями, по которым казахстанский президент проходил фигурантом. Недовольство американской администрации вызывают и методы взаимоотношений Н. Назарбаева с оппозицией, выражающиеся в репрессиях, имевших место в 2006 г., по отношению к целому ряду видных оппозиционеров. Все это вместе взятое сказалось на уровне взаимоотношений руководителей двух стран. Во время государственного визита Н. Назарбаева в США в сентябре 2006 г. было заметно, что Буш пытается дистанцироваться от своего гостя, чтобы не подвергаться критике своих оппонентов в среде видных американских политиков.

Однако казахстанское руководство, заинтересовано в сближении с США. Именно поэтому оно пытается не создавать отрицательных эмоций в Вашингтоне по поводу излишней динамики в отношениях с Ираном. Этим вызывается сдерживание Казахстаном реализации крупных совместных проектов с Ираном, что нашло свое отражение в результатах восьмого заседания совместной казахстано-иранской межправительственной комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству. Несмотря на дипломатически выверенное и столь же обтекаемое заявление главы иранской части комиссии – министра иностранных дел ИРИ Манучехра Моттаки о том, что «переговоры придали особый стимул развитию двусторонних отношений в области экономики, торговли, промышленности, инвестирования, строительства дорог, транспортировки нефти и пшеницы из Казахстана через Иран, в банковской и научно-технической сфере»[79], подписанные документы оставили впечатление о том, что Астана пытается оттянуть или вообще оставить без ответа многочисленные предложения к сотрудничеству, выдвигаемые Ираном. Российский аналитик С. Воронов считает в этой связи, что казахстанская сторона в вопросах сотрудничества с Ираном концентрируется лишь на выгодном для себя транзитном потенциале иранской территории и наращивании своего экспорта в Иран. Здесь, несмотря на повышение объемов товарооборота, заметен резкий дисбаланс. В 2005 г. товарооборот составлял 900 миллионов долларов, из которых 886 миллионов долларов приходилось на казахстанский экспорт. Астана проявляет определенный скепсис по отношению к крупным проектам долгосрочного характера, действуя строго в соответствии с директивами президента Н. Назарбаева «развивать отношения в рамках коридора Север-Юг для транспортировки

продукции нефтяной отрасли, пшеницы через порты в Персидском заливе»[80]. Иран, однако, готов мириться с таким положением, будучи заинтересован в поддержании своего диалога с Казахстаном, ставшим на деле лидером среди стран региона Центральной Азии. Казахстан же в реализации отношений с Ираном будет и далее действовать с осторожной оглядкой на США, стараясь не нарушить сложившийся статус-кво.

Еще одним из факторов, негативно влияющих на продвижение казахстано-иранского диалога, является то, что Казахстан явился единственным государством Центральной Азии, направившим воинский контингент в составе международных сил антитеррористической коалиции в Ирак, который находился там в течение 5 лет с 2003 по 2008 гг. За это время произошло десять кадровых ротаций – каждые полгода в Ирак привозили по 27 «свежих» бойцов инженерно-саперного профиля, а прежних возвращали домой. В Ираке казахстанцы уничтожили более 4,5 млн. различных боеприпасов – мин, ракет и снарядов. Не обошлось и без трагедии. 9 января 2005 года погиб 29-летний капитан Кайрат Кудабаев[81]. И хотя казахстанские военные не занимались непосредственными боевыми действиями, а были привлечены к разминированию минных полей и восстановлению водоснабжения, в Иране считают, что к «военным преступлениям в Ираке причастны все страны, вступившие в союзнические отношения с США и находившиеся в Ираке в период ведения там войны»[82]. Разумеется, такая точка зрения отнюдь не способствует доверительности в казахстано-иранских отношениях.

Примечания

[1] Nursultan Nazarbaev. Who needs Borat // The Spectator, 23.11.2006.
[2] АПН Казахстан, 04.12.2006.
[3] Kazakhstan Today, 14.09.2010.
http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1284444060.
[4] Военно-промышленный курьер, 1(167), 10–16.01.2007.
[5] Бабак В. Нефть Казахстана: локомотив развития национальной экономики // Диалог. – Информационный бюллетень Посольства Республики Казахстан в Израиле и Международного объединения выходцев из Центральной Азии и Казахстана в Израиле. – Иерусалим, 2006, с. 11.

[6] Казахстан за годы независимости (1991–2007). – Астана: Агентство Республики Казахстан по статистике, 2008, с. 75–76; Цит. по: Бабак В. Экономика Казахстана в тисках мирового кризиса // Центральная Азия и Кавказ, 2009, № 6 (66), с. 92.
[7] Бабак В. Экономика Казахстана в тисках мирового кризиса. С. 92.
[8] Стобдан П. Контуры центральноазиатской политики Индии: выстраивание стратегического партнерства с Казахстаном // Центральная Азия и Кавказ, 2006, № 5, с. 137.
[9] Арабаджян А. Экономический потенциал Исламской Республики Иран и проблема национальной безопасности // Мусульманские страны у границ СНГ. – М.: ИВРАН. Крафт+, 2001, с. 291.
[10] Там же, с. 295.
[11] Мусульмане составляют 65% верующих страны – Трофимов Я. Современная религиозная ситуация в Республике Казахстан // Центральная Азия, 1997, № 6, с. 62. Такие же данные приведены и в публикации 2008 г. –
http://www.religions-congress.org/content/view/121/37/lang,russian/
[12] Назарбаев Н. Критическое десятилетие. – Алматы, 2003, с. 102–103.
[13] http://www.ca-oasis.info/oasis/?jrn=137&id=1035.
[14] Hunter S. Islam in Post-Independence Central Asia // Journal of Islamic Studies, 1996, vol. 7, № 2, с. 302.
[15] http://www.ca-oasis.info/oasis/?jrn=137&id=1035.
[16] Новое поколение (Алматы), 02.06.2000.
[17] Назарбаев Н. Критическое десятилетие. С. 103.
[18] The Central Asia Monitor, 1997, № 2, с. 90.
[19] Didar Kazakstan, 1995, № 1, с. 17.
[20] Байтерек, июль 2010, № 3 (42) //
http://www.baiterek.kz/index.php?journal=33&page=543.
[21] Ашимбаев М.С., Ерекешева Л.Г. Иран как будущая региональная держава. – Алматы, 2001, с. 29.
[22] Салам, 23.06.1996.
[23] Абрар (Иран), 01.06.1997.
[24] Салам, 31.12.1995.
[25] Егемен Казакстан, 05.11.1992 (на казах. языке).
[26] Кейхан, 14.11.1992.
[27] Там же.
[28] Казахстанская правда, 26.10.1993.
[29] Кейхан, 14.11.1992.
[30] Ауелбаев Б. Политико-экономические отношения Казахстана с Ираном // Центральная Азия и Кавказ, 2004, № 4, с. 90.
[31] Kazahkstan Today, 06.02.2006.

[32] http://lexim.ru/news/1159/
[33] irna.ir, 14.12.2006.
[34] isna.ir, 01.12.2007.
[35] http://www.kazakh-zerno.kz/index.php?option=com_content&view=article&id=1979&catid=14
[36] The Tehran Times, 16.10.2007.
[37] Сажин В. Иран: июнь 2009. Экономическая ситуация // iimes.ru, 23.07.2009.
[38] http://lexim.ru/news/1159/
[39] http://glavred.info, 06.05.2006.
[40] irna.ir, 07.12.2006.
[41] irna.ir, 19.01.2007.
[42] Бабак В. Экономика Казахстана в тисках мирового кризиса. С. 93.
[43] Там же.
[44] Iran.ru, 19.01.2007.
[45] Эттэмад (Иран), 25.11.2003.
[46] Назарбаев Н. Критическое десятилетие. С. 156.
[47] International Gerald Tribune, 11.05.1997.
[48] Независимая газета, 04.11.1995.
[49] Подробнее об этом см: Новое время, 1996, № 48, с. 21.
[50] Central Asia Monitor, 1997, № 1, с. 2.
[51] http://www.rusenergy.com/newssystem/opened/37/2005111
[52] Лукоянов А. Саммит в Тегеране, или визит президента России в Тегеран // Центральная Азия и Кавказ, 2008, № 1 (55), с. 84.
[53] iran.ru, 11.09.2009.
[54] Интернет-портал посольства Ирана в России http://www.iranembassy.ru/ru/index.php – цит. по: iran.ru, 11.09.2009.
[55] http://www.iran.ru/rus/bulletins/economic/2004-29
[56] См. например: Ресалат (Иран), 21.11.1998.
[57] Салам, 18.03.1997.
[58] Regnium, 04.062004.
[59] Kazakhstan Today, 09.04.2002.
[60] http://www.gazeta.kz/art.asp?aid=14090
[61] http://www.mineral.ru/Chapters/News/422.html
[62] Там же.
[63] Финансовые известия, 15.04.2004.
[64] Мухин А., Месамед В. Международный транспортный коридор «Север-Юг»: проблемы и перспективы // Центральная Азия и Кавказ, 2004, № 1, с. 145.
[65] Казахстанская правда, 21.11.2003.
[66] Trans-Port.com.ua, 23.07.2010.

[67] http://ru.trend.az, 26.03.2009.
[68] iran.ru, 11.07.2010.
[69] http://www.profinance.com.au, 02.07.2010.
[70] Interfax, 21.07.2010.
[71] http://www.profinance.com.au, 02.07.2010.
[72] http://ru.trend.az/, 03.06.2009.
[73] Там же.
[74] Kazakhstan Today, 31.05.2010.
[75] http://izrus.co.il/dvuhstoronka/article/2009-10-13/6692.html
[76] http://izrus.co.il/dvuhstoronka/article/2009-12-24/7879.html
[77] http://www/zonakz.net/articles/16726
[78] Там же.
[79] http://www.iimes.ru/rus/stat/2006/23-12-06b.htm
[80] Там же.
[81] centrasia.ru, 25.07.2010.
[82] Кейхан, 17.04.2005.

Глава 4

ИРАН – РЕСПУБЛИКА ТАДЖИКИСТАН: НЕ ТОЛЬКО БРАТЬЯ, НО И ПАРТНЕРЫ

Ближе друг к другу

В советский период, когда реализация международных связей была целиком прерогативой Москвы, никаких отношений между Ираном и Таджикистаном, в то время – Таджикской ССР, не существовало. Соответственно, в этой республике, как и других регионах Советского Союза, любое влияние Ирана было сведено к нулю. Взаимное стремление друг к другу, обусловленное веками общей истории и культурно-цивилизационной близостью, выражалось в том, что в Таджикистане все годы советской власти не терялось ощущение своей связи с иранской историей и культурой. Оно воплощалось в глубокой любви к классической персидско-таджикской поэзии. Все образованные таджики хорошо знали «Шахнаме» Абулькасема Фердоуси, произведения Омара Хайяма, Хафиза Ширази, Джалалитдина Руми, Саади, Джами. В последние десятилетия перед распадом СССР большое распространение получили древние иранские имена. Интересные факты в этой связи приводит иранский публицист Масуд Сепанд, путешествовавший в середине 1990-х годов по Таджикистану. Он познакомился с профессором Ходжентского университета (Северный Таджикистан) Абдуллой Саттаровым, который рассказал, что среди живущих в Ходженте его друзей и знакомых много людей, носящих чисто иранские имена, зафиксированные в «Шахнаме» Фердоуси. Это, по его подсчетам, 280 человек по имени Рустам, 190 – Сохраб, 200 – Маниже, Сиявуш – 3, Тахмине – 110, Фердоус – 167, Феридун – 58[1]. Это же подтверждает и другой источник: «В 1980-е и 1990-е гг. самыми популярными именами были имена персонажей эпопеи "Шахнаме"»[2]. В 1970–1980-е годы из рук в руки передавались «пиратские» копии записей популярных иранских певцов. Соответственно, для Ирана этот регион представлял жгучий интерес, отражением которого яви-

лась так и не реализованная инициатива Тегерана перевести одно из двух своих дипломатических представительств – Генеральное консульство в Ленинграде – в Душанбе[3]. Во второй половине 1980-х годов в Таджикистане, как и в других советских республиках Средней Азии, на волне горбачевской перестройки отмечен резкий рост национального самосознания коренной национальности. Одновременно нарастали и процессы исламского возрождения, усиливалось внимание широких масс населения к основам мусульманской религии. В этом особую роль играло то обстоятельство, что в течение предшествовавших 1–2 десятилетий многие таджики побывали и годами работали в соседнем Афганистане в качестве советников, переводчиков, гражданских и военных специалистов. Исламские тенденции в Таджикистане нарастали и как результат многолетней войны в Афганистане. На самом рубеже десятилетий, в 1989 г., в Таджикистане, вначале – нелегально, а через два года как официально признанная властями общественно-политическая организация стала действовать Исламская партия возрождения. Национальный референдум, проведенный впоследствии 24 сентября 1999 г., еще раз официально закрепил право на создание партий религиозного направления. Значение этого факта заключается еще и в том, что вплоть до настоящего времени она остается единственной легально работающей религиозной партией в регионе Центральной Азии.

Однако вернемся к концу 1980-х годов. Все больший размах принимала деятельность объединившего различные слои творческой интеллигенции движения «Растохез» («Возрождение»). Его лозунгами было продвижение национальных ценностей, введение в широкое функционирование языка титульной нации, возрождение культурного наследия. О плачевном состоянии функционирования таджикского языка говорит такой факт: почтовые отделения не принимали телеграммы, составленные по-таджикски[4]. По данным последней советской переписи населения 1989 г., лишь 39% населения столицы республики Душанбе говорили по-таджикски и признавали его своим родным языком[5]. Падение престижа языка коренной национальности стало причиной широкого общественного движения, главной силой которого выступали национальная интеллигенция и студенчество. В феврале 1989 г. в Душанбе прошла массовая демонстрация с требованием придания таджикскому языку статуса государственного, в которой приняли участие

3 тысячи студентов столичных вузов. Без подобной меры, считали национально ориентированные филологи, ставшие вскоре разработчиками языкового закона, язык обречен на дальнейшее сокращение своих общественных функций и постепенное вымирание[6]. В том же 1989 г. в Таджикистане одновременно со всеми другими республиками был принят Закон о языке, который провел грань между титульной и нетитульной национальностями и положил начало исходу русскоязычного населения.

По времени это совпало с первыми прямыми культурными контактами между Ираном и Таджикистаном. Весной 1991 г. в столице Таджикистана Душанбе был проведен международный симпозиум, посвященный 1500-летнему юбилею Борбада – основоположника классической системы профессиональной музыки ираноязычных народов. Он проходил в только что построенном концертном комплексе в центре столицы, получившем имя этого знаменитого придворного музыканта сасанидского царя Ирана Хосрова Ануширвана. Тогда же именем Борбада назвали и один из красивейших проспектов Душанбе. К проведению симпозиума, на который были приглашены многие известные ученые-иранисты, были приурочены и выступления специально прибывших в Таджикистан звезд иранского искусства, в числе которых блистал популярнейший до сих пор в Иране исполнитель классической музыки Мохаммад-Реза Шаджариян со своим ансамблем. Его концерты в концертном комплексе имени Борбада проходили при полных аншлагах. Имя Борбада к тому времени было мало кому известно в Таджикистане, и большим успехом пользовалась только что выпущенная столичным издательством «Адиб» для школьников книга Адаша Истара «Борбад». В те же дни в Душанбе проходила первая выставка иранской книги, на которую устремились толпы народа, желавшие просто подержать в руках издания, выпущенные в Исламской Республике Иран. Все это проходило на фоне резкого всплеска интереса населения к своим национальным корням, культурному наследию. Вполне логично, что принятый после широкого общественного обсуждения Закон о языке содержал специальную констатацию (седьмая статья, параграф 27), где говорилось о том, что необходимо создать условия для изучения персидско-арабской графики и выпуска литературы на этой графике. Отсюда можно было сделать вывод о тогдашнем намерении властей со временем перейти на такую графическую основу.

Это могло быть вполне логичным шагом в направлении поиска и возврата к национальной идентичности. Достаточно оперативно, всего через несколько недель, был издан учебник персидско-арабской графики для таджиков, написанный молодым иранистом, кандидатом филологических наук Азизом Джавовым, трагически погибшим вскоре в годы гражданской войны в Таджикистане. Изучение персидско-арабской графики было введено в программы школьного образования, ей стали обучать на гуманитарных факультетах университетов, в педагогических институтах, различных курсах. Начали выходить книги на таджикском языке на персидско-арабской графике, частично печатавшиеся в Иране[7]. В Таджикистан из Ирана посылалось большое количество букварей, изданных на основе персидско-арабской графики. Уже в 1993 г. их число составило 120 тысяч экземпляров, в 1996 г. – 400 тысяч[8]. На этой же графике стали печататься периодические издания, такие как газета «Пайванд» («Связь»), журналы «Адабиет ва Санъат» («Литература и искусство»), «Сомон» («Порядок») и др. В ряде газет появились разделы изучения персидско-арабской графики[9]. Иран немедленно оказал помощь в обеспечении типографий шрифтами и современным печатным оборудованием. Тем не менее, по данным Яакоба Ландау и Барбары Кельнер-Хайнкеле, в течение четырех лет после принятия Закона о языке, этой графической системе обучилось не более 1% населения[10].

Новая редакция Закона, выпущенная осенью 1992 г., рекомендовала дальнейшее возрождение и преподавание персидско-арабской графики. Однако эта графика продолжает оставаться на периферии развития языка. Вместе с тем общественные дискуссии относительно смены графики продолжаются до сих пор. Так, таджикский писатель и историк Мирза Шукурзаде считает, что когда-нибудь страна все же перейдет на персидско-арабскую графику. По его мнению, в Таджикистане имеется достаточно большое количество людей, уже знающих эту графику, есть литераторы, до сих пор пользующиеся ею. Сам Шукурзаде – автор около 20 книг по таджикской истории и художественных произведений, написанных персидско-арабской графикой. Однако большинство населения, примерно 80%, ее практически не знают. Использование таджикским языком кириллической системы письма искусственно разделяет иранцев и таджиков. Если процессы интеграции двух стран и народов

будут набирать силу, они непременно приведут к этому. Чем раньше это произойдет, тем это будет менее болезненным для нас, заключает таджикский писатель и историк[11]. Тем не менее нынешнее использование кириллицы не мешает взаимодействию таджикского языка с фарси и афганским-дари. Его результаты могут быть показаны на тенденции изменения формы имен собственных, отсечении русскоязычных окончаний на -ов, -ев, и замене их на -зода и -зод. По примеру терминотворчества в ИРИ в Таджикистане началась широкая деятельность по созданию национальной терминологии, замене огромного количества русизмов словами, созданными на базе собственных языковых моделей. Часть терминов современных отраслей знаний прямо заимствуется из персидского. Таджикские языковеды аргументируют такую тенденцию впечатляющими достижениями Ирана в сфере современных отраслей знания и внедрением передовых технологий, опирающихся на разработанную, удачно внедренную и широко используемую терминологию[12].

Разразившаяся в начале 1990-х годов в стране гражданская война выдвинула более насущные задачи, нежели постепенный переход на персидско-арабскую графику. В последние годы в Таджикистане об этом почти не вспоминают. В этом плане было совершенно неожиданным решение Национального информагентства «Ховар» начать с 5 февраля 2007 г. печатать свою информационную продукцию на таджикском языке персидско-арабской графикой. Однако это аргументируется достаточно просто: новая версия сайта позволит фарсиязычной аудитории мира свободно и беспрепятственно получать официальную информацию из Таджикистана. Такой шаг логично вписывается в политику культурной интеграции Ирана, Таджикистана и Афганистана, особенно в свете созданного и запущенного в марте 2010 г.[13] общего телеканала на фарси. Его пуск в эксплуатацию обошелся примерно в 2,5 миллиона долларов[14], а число творческих работников составило 110 человек.

Еще в конце 1980-х годов в стране стали нарастать националистические тенденции, которые нагнетались местными экстремистами. Впервые зазвучали призывы к созданию исламского государства. На улицах Душанбе и других таджикских городов стали нередки избиения женщин-таджичек, одетых по европейской моде. В моду стали входить мусульман-

ские женские одеяния – хиджабы. Импульсом к их распространению стали программы иранского телевидения во время начавшейся вскоре гражданской войны. Таджикское телевидение захватила исламская оппозиция, и там «за неимением своих программ, круглосуточно крутили записи с иранскими дикторшами и викторинами для малолетних школьниц, закутанных во все черное»[15].

Вскоре призывы к построению исламского государства зазвучали на многочисленных лозунгах оппозиции. На них стали автобусами свозить жителей из дальних и ближних кишлаков. В феврале 1990 г. в Душанбе начались беспорядки, они сопровождались грабежами и многочисленными убийствами. Летом 1992 г. столкновения между правительственными войсками и оппозицией, которую составили сторонники Исламской партии возрождения и движения «Растохез», переросли в полномасштабную гражданскую войну. По мнению аналитиков, война носила внутриэтнический[16], «внутрирегиональный и идеологический»[17] характер и еще раз доказала, что таджики еще не сформировались в единый этнос. В годы войны проявился ранее скрытый социально-консолидирующий потенциал исламского духовенства, которое на базе принятого еще в декабре 1990 г. закона «О свободе совести и религиозных организациях» получило стимулы к участию в возрождении в Таджикистане ислама. Последовало бурное развитие культовой инфраструктуры ислама: количество мечетей в Таджикистане увеличилось с 17 в конце советского периода до 130 в течение первого года после принятия Закона, а к 2010 г. превысило 3500[18]. Это закономерно привело к тому, что практически сразу после провозглашения независимости Таджикистана Исламская партия возрождения на своем съезде приняла программу, идеологической базой которой был отказ от светского законодательства и декларирование шариата в качестве единственной системы судопроизводства. В те годы всерьез выросли авторитет и популярность Исламской партии возрождения, которая стала ядром оппозиционного движения. В качестве финансовых спонсоров и идеологических наставников выступали Иран, Пакистан, Саудовская Аравия и Афганистан. Тогда же установились прочные связи Исламской партии возрождения с международными организациями фундаменталистского толка.

Еще в годы гражданской войны в Таджикистане проявилась заинтересованность Ирана в скорейшем установлении

мира и стабильности в этой центральноазиатской стране. Иран принял активное участие в начавшемся в конце 1996 г. переговорном процессе, который инициировал президент Э. Рахмонов, чье правительство несло серьезные потери и сталкивалось с ожесточенным противостоянием оппозиционных сил. Исламская республика стала одним из гарантов мира в Таджикистане, поставив 27 июня 1997 г. свою подпись под Общим соглашением по установлению мира и национального согласия. В самом Таджикистане признают, что Иран сыграл важную роль в установлении мира. Выступая в Душанбе на конференции «Национальное примирение – гарантия стабильного развития Таджикистана», заместитель министра иностранных дел Таджикистана Абдунаби Сатарзаде назвал Иран в качестве основной силы, которая способствовала примирению между противоборствующими сторонами. Именно в Тегеране, сказал он, проходил завершающий раунд переговоров. По словам Сатарзаде, продолжение вооруженного сопротивления в Таджикистане противоречило не только интересам сторон, принимавших участие в гражданской войне, но и интересам других стран, в том числе Ирана[19]. Подписание соглашения, однако, не означало, что Исламская партия возрождения отказалась от своей принципиальной позиции – курса на построение исламского государства. Она лишь сложила оружие в обмен на 30% мест в правительстве. «Со временем Эмомали Рахмон стал потихоньку избавляться и от вчерашних союзников, и от вчерашних противников, которые считали свои посты военным трофеем»[20].

Гражданская война отбросила молодое государство на десятилетия назад, вернув его к показателям экономического развития четвертьвековой давности. Лишь прямые потери от войны исчислялись в 7 миллиардов долларов. Были разрушены почти все базовые отрасли промышленности. Перипетии затяжной гражданской войны и националистические тенденции первых лет после провозглашения в стране независимости вытолкнули из страны большинство русскоязычного населения, которое составляло основу технических специалистов, что осложняло задачу восстановления народного хозяйства. Однако постепенно страна преодолевала наследие жестокого внутреннего противостояния и переходила к полнокровной мирной жизни в качестве независимого государства.

Становление и развитие сотрудничества

Как и в случаях с другими бывшими среднеазиатскими республиками СССР, провозгласившими с распадом Советского Союза свою независимость, Иран немедленно признал 7 сентября 1991 г. Таджикистан в качестве суверенного государства и вскоре открыл там посольство, которое явилось первой дипломатической миссией, начавшей действовать в Душанбе. В знак благодарности власти таджикской столицы переименовали улицу, где расположено посольство, в честь города Тегерана – столицы ИРИ. Сам Таджикистан в силу экономических причин не смог немедленно совершить ответный шаг, он основал свое посольство в Тегеране спустя почти четыре года, в июле 1995 г., отметив таким образом начало первого официального визита главы независимого Таджикистана в Исламскую Республику Иран. Стратегия отношений между Ираном и Таджикистаном использовала с самого начала фактор культурно-исторической и цивилизационной близости как базовый. При этом в силу все большей прагматичности иранских подходов к реализации своих отношений со странами Центральной Азии со временем выявилась и стала определяющей тенденция переноса приоритетов в сферу торгово-экономического сотрудничества. Мы полагаем, что не стоит думать об одних лишь плюсах для стран Центральной Азии от восстановления их многовековой интеракции с Ираном. Для самого Ирана наличие максимально диверсифицированных отношений с центральноазиатскими странами, образованными на обломках бывшего СССР, отвечало и отвечает прагматическим устремлениям иранского руководства, повышает его экономические возможности, ведет к прогрессу граничащих с центральноазиатскими государствами северных провинций ИРИ.

Сотрудничество с Таджикистаном, к примеру, выгодно Ирану в деле обеспечения сырьем своей промышленности. Иран является одним из основных покупателей таджикистанского хлопка. По данным Государственного статистического комитета Таджикистана, за 2009 г. Иран закупил около 17 тысяч тонн хлопка на сумму около 20 миллионов долларов, заняв по этому показателю второе место после России в списке 17 зарубежных государств, импортирующих этот вид сырья.

Для Ирана важна помощь Таджикистана и в решении задач обеспечения страны электроэнергией. Так, в 2008 г. в Иране имелись большие проблемы с энергообеспечением, ибо в стране ощущается дефицит мощностей для выработки электроэнергии. В тогдашнем интервью прессе министр энергетики ИРИ Парвиз Фаттах сказал, что строительство плотины ГЭС Сангтудэ-2 в Таджикистане, которое ведется силами иранских частных фирм при частичном государственном финансировании Таджикистана, поможет восполнить этот дефицит, ибо производимое здесь электричество будет поставляться через Афганистан в Иран[21]. Решение об этом полностью согласовано главами трех стран. Иран рассматривает планы помощи Таджикистану в создании еще нескольких проектов, в том числе плотин ирригационно-энергетического назначения. Вырабатываемая здесь энергия также будет частично предоставлена Ирану. Сотрудничество двух стран решает и вопрос водного дефицита. Нынешний министр энергетики Ирана Маджид Намджу, совершивший летом 2010 г. визит в Таджикистан, сказал, что скоро Иран будет получать воду из Таджикистана. Поставки воды будут осуществляться в рамках договоренностей, которые должны быть достигнуты с Таджикистаном и Афганистаном[22]. Они уже работают: на состоявшейся в Душанбе 21 октября 2010 г. встрече делегации иранского парламента с министром энергетики Таджикистана Рахматом Бабакалоновым обсуждались конкретные возможности транспортировки воды в Иран. Было решено, что Иран построит в Таджикистане водокомпрессорные установки. Их возведение будет финансироваться за счет обеих сторон. От 50 до 70% насосов и труб будут завезены из Ирана[23]. Поставка воды из Таджикистана согласуется со стратегией министерства энергетики Ирана, которая направлена на то, чтобы обеспечивать потребности страны в воде не только за счет внутренних, но и внешних ресурсов. И в этом плане помощь Таджикистана неоценима, ибо эта страна располагает богатыми водными ресурсами. Учтем и то обстоятельство, что в условиях продолжающейся политической и экономической изоляции Ирана в международном сообществе достаточно интенсивный характер его отношений со странами центральноазиатского региона создает Тегерану ощущение динамичного включения в геополитические процессы, рождает иллюзию наличия у него авторитетного лагеря поддержки.

Однако весь период первого десятилетия после получения Таджикистаном независимости отношения с Ираном были довольно ограниченными и развивались в основном в культурной и гуманитарной сферах. В качестве примера упомянем комплексное Соглашение о сотрудничестве в сфере культуры, подписанное в 1992 г. и предусматривавшее студенческие обмены, предоставление грантов таджикским студентам на обучение в Иране, содействие в подготовке учебников для таджикских школ и многое другое. В первые годы после получения независимости наибольший размах получило сотрудничество в сфере культуры. Интенсивный характер приобрели в начале 1990-х годов обмен радио- и телепрограммами, взаимные гастроли деятелей искусства двух стран, ознакомление с достижениями кинематографа. Уже в первые месяцы после провозглашения Таджикистаном независимости, в феврале 1992 г., была создана Ассоциация иранских языков, объединившая Афганистан, Иран и Таджикистан и начавшая активную деятельность в языковой сфере. Культурное сотрудничество все эти годы остается достаточно динамичной сферой ирано-таджикского диалога. Начиная с 1999 г., когда устраиваемый ежегодно в Иране перед годовщиной исламской революции общенациональный праздник культуры «Дахэ-йе фаджр» («Декада революционных зорь») приобрел международный статус, в нем участвуют и деятели культуры и искусства Таджикистана. На самый первый праздник культуры они привезли спектакль Академического театра таджикской драмы имени Абулькасема Лахути по мотивам героического эпоса Фердоуси «Шахнаме» в постановке режиссера И. Абдурашидова. В январе 2010 г. в этом празднике участвовал и другой таджикский театр – Государственный молодежный, который приехал в Иран уже третий раз. В начале 2009 года театр впервые участвовал в «Дахэ-йе фаджр» со спектаклем «Рустам и Сухроб» и завоевал гран-при фестиваля и приз в номинации «За лучшую мужскую роль». С этим же спектаклем театр был приглашен в Тегеран в ноябре 2009 года, когда дал 10 спектаклей. В последние годы Таджикистан является постоянным участником Международной Тегеранской книжной выставки-ярмарки, которая считается одной из крупнейших в мире.

Иран, позиционируя себя в качестве несомненного лидера персоязычного мира, всегда выступал и выступает инициатором дальнейшего расширения двустороннего сотрудничества

в сфере культуры. Так, во время встречи иранского министра культуры и исламской ориентации Атаоллаха Мохаджерани с таджикским послом в Тегеране Ташматом Назировым 30 июня 1998 г. шла речь о необходимости наращивания взаимодействия в этой области. По словам Мохаджерани, язык и культура являются самыми важными факторами, связывающими две страны и два народа. Расширение и углубление отношений с Таджикистаном, сказал Мохаджерани, является для Ирана стратегической задачей. На этой встрече Мохаджерани определил основные сферы сотрудничества в культурной области. Это – музыка, театр, пресса, литература. Он сказал, что реализация связей по этим направлениям позволит еще больше сблизить народы Ирана и Таджикистана. Со своей стороны, глава таджикской дипмиссии в Тегеране призвал Иран к интенсификации реализации своих культурных программ в Таджикистане, включая помощь в издании книг и прессы, развитии образовательных процессов. Именно эта сфера превращается в важную часть сотрудничества. С самого начала двустороннего диалога началось обучение таджикских студентов в иранских вузах. Ежегодно там принимают на учебу примерно 30 студентов[24]. Эта цифра, однако, вряд ли впечатляет, ибо в настоящее время в Иране получают образование 16 тысяч иностранных студентов. Трудно говорить о том, что таджикские студенты добиваются особых успехов в учебе: на Восьмом форуме иностранных студентов, состоявшемся в июле 2010 г. в тегеранском университете имени шахида Бехешти, были отмечены 270 иностранных студентов. Из них всего 4 – из Таджикистана[25]. Кроме того, в ведущие вузы и исследовательские центры ИРИ выезжают десятки аспирантов и докторантов для подготовки диссертаций. Основные сферы обучения – на инженерном, медицинском и гуманитарном факультетах. Таджикским вузам оказывается и помощь в сфере логистики. К 2005 г. им было передано 700 компьютеров[26]. На договорной основе идет сотрудничестве между вузами двух стран, основанное на обмене опытом. Так, в 2010 г. министр образования Таджикистана А. Рахмонов и ректор Тегеранского Свободного исламского университета Дж. Абдолла подписали соглашение о сотрудничестве в сфере образования. Оно открывает широкие возможности для преподавателей, студентов и аспирантов двух стран для обмена опытом. Кроме этого, соглашением предусмотрено открытие в Таджикистане филиала Свободного исламского уни-

верситета и Центра природоведения в Таджикском национальном университете. Свободный исламский университет в течение 5 последующих лет будет выделять ежегодно таджикским студентам 10 мест для учебы. Другим соглашением предусмотрено создание кратковременных курсов по обучению в Иране современным технологиям таджикских юношей и девушек. Вдобавок к этому намечено привлечь таджикских учителей к посещению образовательных центров в Иране, проведение конференций и семинаров, и участие в научных олимпиадах по различным дисциплинам[27]. В 12 вузах Таджикистана при иранской помощи оборудованы кабинеты иранистики. Иран открывает и учебные центры. В 2005 г. они были открыты в Худжанде, Хороге и Душанбе. В каждом таком центре имеется несколько отделений, связанных с обучением компьютерам, персидскому языку и литературе, английскому языку. Разработаны и внедряются учебные программы по чисто женским профессиям, для чего открыты специализированные центры в Гарме и Душанбе.

Отметим и сотрудничество в сфере науки, в первую очередь иранистике. Обширные планы взаимодействия существуют между иранской Академией языка и литературы фарси – Фархангестан – и Академией наук Таджикистана. Во время приезда в Душанбе в апреле 2010 г. руководителя одного из департаментов Фархангестана – Хасана Кариби были обсуждены планы помощи Таджикистану в составлении словарей, выработке терминологии. Сейчас в Душанбе в стадии завершения находится полный словарь фарси в 6 томах, включающий лексику и фразеологию всех этапов развития языка. Его первый том уже на этапе выхода из типографии[28]. В работе над словарем таджикские ученые использовали достижения иранских лексикологов и лексикографов. Решение о создании такого полного словаря было принято в 2005 г. на четвертой международной Ассамблее преподавателей фарси.

На фоне динамично проходящей культурной интеграции 1990-х годов было особенно заметно отсутствие или слабое развитие сотрудничества в сфере экономики и торговли, характеризовавшее первое десятилетие после образования независимого Таджикистана. Оно было обусловлено начавшейся почти немедленно после провозглашения национальной независимости гражданской войной, заметно снизившей темпы строительства нового государства. «Горький урожай этой

гражданской войны – 20 тысяч убитых, тысячи раненых, тысячи беженцев, тысячи сирот и бездомных»[29], вызванные войной экономические трудности не позволили без промедления приступить к реализации уже подготовленных Ираном проектов сотрудничества в различных отраслях народного хозяйства. Однако даже в тот период осуществлялись некоторые проекты, призванные заложить основу сотрудничества в ряде отраслей и апробировать формы работы. Так, в мае 1997 г., в дни визита в Таджикистан иранского президента Али-Акбара Хашеми-Рафсанджани, состоялась закладка фабрики по производству вакцин. Она была рассчитана на создание трех миллионов порций в год, а капиталовложения, реализованные совместными усилиями двух сторон, составили порядка 10 миллионов долларов. Одновременно с этим было сдано в эксплуатацию совместное ирано-таджикистанское предприятие по производству медицинских материалов разового пользования в Душанбе. Оно было создано при участии иранских частных фирм и при совместном инвестировании сторон[30]. Постепенно создавались условия для более масштабного сотрудничества. Одним из показателей является тот факт, что в январе 1998 г. в Душанбе был создан Союз иранских предпринимателей, призванный координировать их деятельность и решать проблемы реализации проектов в Таджикистане. Тогдашний иранский посол в Таджикистане Расул Мусави, выступая на открытии учредительного съезда Союза, сказал, что эта структура поможет продвигать самые грандиозные планы сотрудничества, даст возможность предпринимателям получать необходимую информацию. На съезде присутствовали представители 42 иранских фирм и компаний, действовавших на тот момент в Таджикистане. В самом Иране тоже считали, что необходимо как можно скорее интенсифицировать диалог с Таджикистаном, чтобы не допустить усиления там позиций Запада. Вот что писала по этому поводу тегеранская газета «Кейхан» 9 марта 2002 г.: «В то время как в СМИ публикуются сведения об американских инвестициях в сферу образования Таджикистана, об отправке продовольствия в эту страну, МИД ИРИ, к сожалению, не уделяет должного внимания отношениям между Тегераном и Душанбе. Он в большей степени занят проблемами, связанными с Афганистаном... Иран вольно или невольно ослабил свое внимание к отношениям с таджиками».

Возможности для прорыва сложились к 2002 г., став главной темой визита в Душанбе в марте 2002 г. иранского президента-реформатора Сеййеда Мохаммада Хатами и состоявшегося годом позднее ответного визита в Тегеран главы Таджикистана Эмомали Рахмона (тогда еще Рахмонова – В.М.). Уже во время тогдашнего визита Хатами в Душанбе и его переговоров с главой Таджикистана Эмомали Рахмоном обсуждался весь комплекс двусторонних отношений. В итоге Э. Рахмон расценил визит президента ИРИ в РТ как проявление твердой воли сторон к поднятию двусторонних отношений на более высокий уровень. При этом он сказал, что нет каких-либо реальных преград на пути их развития: «Итоговые документы визита, а также предшествовавшая ему работа совместной межправительственной комиссии будут способствовать выводу таджикско-иранского торгово-экономического сотрудничества на отвечающий обоюдным возможностям и потребностям уровень»[31]. Иранцы не скрывали, что расширением своих отношений с Таджикистаном Иран преследовал вполне реальную цель: снизить там уровень американского присутствия. Сам Хатами заявил по этому поводу: «США не должны превалировать в регионе, их присутствие не должно вредить тем государствам, где они находятся»[32].

С течением времени ирано-таджикистанские контакты на высшем уровне приобрели интенсивный характер, реализуясь почти ежегодно, что отличает их от других стран региона, кроме Туркменистана. Руководители обеих стран идентичным образом оценивают значимость, состояние и перспективы двустороннего диалога. В одной из приветственных телеграмм на имя президента ИРИ руководитель Таджикистана заявил, что его страна «придает особое значение развитию и укреплению отношений с Исламской Республикой Иран»[33]. Во время переговоров на уровне президентов, состоявшихся в Тегеране 8 мая 2007 г., М. Ахмадинежад также позитивно оценил уровень взаимного диалога, отметив при этом «необходимость максимального использования существующего потенциала в развитии экономического, политического и культурного сотрудничества, а также партнерства в сфере реализации инфраструктурных проектов»[34].

Действительно, возможности сотрудничества используются не полным образом, поэтому объемы торгово-экономического сотрудничества остаются весьма низкими. Это демонст-

рируют статистические данные взаимного товарооборота в течение последнего десятилетия: 1999 г. – 23,9 миллионов долларов, 2000 г. – 20,1 миллиона долларов, 2001 г. – 39,9 миллионов долларов, 2002 г. – 44 миллиона долларов, 2003 г. – 75,1 миллиона долларов, 2004 г. – 55,9 миллиона долларов. Затем наблюдался резкий рост, и к 2007 г. этот показатель превысил 100 миллионов долларов. По данным Государственного комитета по статистике РТ товарооборот между Таджикистаном и Ираном в 2008 г. составил примерно 220 миллионов долларов, показав рост почти на 60% в сравнении с показателями 2007 г.[35] Что касается приоритетных сфер сотрудничества, то к ним, с точки зрения иранского президента, относятся энергетика, транспорт, водоснабжение, дорожное строительство, промышленность, торговля и культура. Э. Рахмон также дает высокую оценку уровню экономического, культурного и политического сотрудничества. Касаясь приоритетов сотрудничества, он называет наиболее перспективными сферы строительства гидротехнических сооружений, железных дорог, взаимодействие в научно-образовательной, культурной и социальной областях.

Иранское руководство отмечает также «близкие позиции по многим вопросам региональной и международной политики»[36]. В числе главных обе страны считают проблемы терроризма и наркотрафика. На встречах лидеров двух стран серьезно обсуждается идея выработки и реализации эффективной стратегии в этом направлении. Регулярно происходят консультации по ситуации в регионе, где главное место занимают вопросы установления прочного мира, стабильности и безопасности в Афганистане. При этом иранцы выражают озабоченность присутствием американских военных в Таджикистане, предостерегают руководство РТ от опасности «вовлечения в военно-политическую орбиту США»[37]. Заверения таджикистанских руководителей в том, что американское военное присутствие в Таджикистане объясняется задачами реализации международной антитеррористической кампании в Афганистане, вряд ли удовлетворяет иранскую сторону.

Зримым проявлением сотрудничества является функционирование в настоящее время в Таджикистане 150 иранских компаний. За истекшие годы создана солидная договорно-правовая база двусторонних отношений, включающая в себя примерно 180 документов сотрудничества в политической,

парламентской, военной, культурной, научно-технической, спортивной, экономической и торговой областях. Каждая встреча глав двух стран существенно прибавляет их количество. Из документов последних лет упомянем такие, как Совместная декларация о развитии взаимоотношений и сотрудничества между Ираном и Таджикистаном (2006 г.), Соглашение о реализации проекта по строительству ГЭС Сангтудэ-2 (2006 г.), Соглашение об упрощении банковского кредитования (2006 г.), Меморандум о взаимопонимании в сфере стандартов, транспорта, грузоперевозок, энергетики и внешней политики (2006 г.), Меморандум взаимопонимания о сотрудничестве между Ираном и Таджикистаном в области радиовещания и телевидения (2007 г.), Меморандум взаимопонимания о сотрудничестве между торгово-промышленной Палатой Республики Таджикистан и Палатой торговли, промышленности и полезных ископаемых Ирана (2007 г.), Соглашение об экстрадиции (2010 г.), Меморандум взаимопонимания между Министерством энергетики и промышленности Республики Таджикистан и Министерством энергетики Исламской Республики Иран (2010 г.), Соглашение между Главным управлением геологии при Правительстве Республики Таджикистан и Министерством промышленности и минералов Исламской Республики Иран о создании национальных центров данных по геологии и информационным технологиям в Таджикистане (2010 г.), Меморандум взаимопонимания между Министерством транспорта и коммуникаций Республики Таджикистан, Министерством энергетики и промышленности Республики Таджикистан и Министерством энергетики Исламской Республики Иран о проведении завершающих работ на туннеле «Истиклол» (2010 г.), Соглашение об изучении проекта строительства гидроэлектростанции «Айни» (2010 г.). С 2002 г. работает комиссия по экономическому, торговому, культурному и техническому сотрудничеству между Ираном и Таджикистаном, инициирующая и отслеживающая реализацию договоренностей в сферах взаимодействия. На ее последнем, восьмом заседании, прошедшем в Душанбе в сентябре 2010 г., подписаны новые межправительственные документы, предусматривающие дальнейшее развитие контактов. Они охватывают такие сферы, как энергетику, водные ресурсы, нефть и газ, строительство совместных предприятий, студенческие обмены, страхование и инвестиции. Подписанные документы предусматривают и строительство плотин, больших и малых ГЭС[38].

В качестве новации решено создать специальный надзорный комитет, который будет на регулярной основе информировать глав государств о ходе реализации достигнутых договоренностей.

Специфика ирано-таджикистанского сотрудничества

Посол ИРИ в Душанбе Насер Сармади-Парса в начале 2005 г. выразил идею сотрудничества Ирана с Таджикистаном следующим образом: «Вся деятельность Ирана направлена на наращивание нашего экономического присутствия в стране в целом – в сельском хозяйстве, секторе малой промышленности, в энергетике, в том числе строительстве малых ГЭС, а также в разработке полезных ископаемых и др. В данный момент наши деловые группы уже участвуют в производстве пищевых продуктов в РТ, моющих средств, сантехники, участвуют в строительстве, создают новые заводы и объекты. В последние годы мы добились увеличения торгово-экономического обмена, наши компании приняли участие в строительстве объектов инфраструктуры в Таджикистане, в том числе, в строительстве ГЭС, автодорог, тоннеля под перевалом Анзоб»[39]. Такие реляции дополняются реальным содержанием.

Самым важным объектом двустороннего сотрудничества является ГЭС Сангтудэ-2. Она расположена на р. Вахш в 120 км на юго-восток от столицы. Проектная мощность – 930 млн. кВт/час в год. Плотина ГЭС поднимется на 31 метр. Официальная церемония начала строительства ГЭС при участии президента РТ Эмомали Рахмона и высокопоставленных представителей Ирана и Афганистана состоялась в феврале 2006 года. В течение года были завершены проектные и подготовительные работы. Само сооружение ГЭС началось в 2007 году и считается приоритетным объектом. Ее пуск позволит существенно поднять уровень энергетической безопасности Таджикистана и гарантированно экспортировать энергетические мощности в соседние страны. В конце 2010 г. на объекте строительства трудились 1200 рабочих и технических специалистов, в том числе – 350 из Ирана. Оригинальность проекта ГЭС состоит в том, что она является проточным объектом и поэтому не нуждается в создании большого водохранилища. Иранские партнеры предложили экономное решение строительного цикла, где используются возможности строительной инфраструктуры

расположенной рядом станции Сангтудэ-1. Финансирование распределено между двумя странами следующим образом: Иран выделил 180 миллионов долларов, Таджикистан – 40 миллионов долларов. По условиям межправительственного соглашения, доходы от эксплуатации ГЭС в течение первых 12,5 лет будут принадлежать Ирану, а затем станция перейдет в собственность Таджикистана. 1 октября 2010 г. во время встречи в Душанбе президента Таджикистана Эмомали Рахмона с министром энергетики Ирана Маджидом Намджу было заявлено о запуске первого агрегата Сангтудэ-2 уже в течение ближайшей зимы[40]. Однако более реальным представляется ввод в эксплуатацию ГЭС Сангтудэ-2 к 20-й годовщине Дня независимости этой республики, то есть 9 сентября 2011 г.[41] Создав ГЭС Сангтудэ-2, Таджикистан намеревается продолжить свое сотрудничество с Ираном в области энергетики и создания крупных и малых ГЭС[42]. Из других проектов в сфере энергетики можно отметить обеспечение сырьем из Ирана Душанбинской ТЭЦ, что обеспечивает ее бесперебойную работу. Кроме того, в феврале 2008 г., во время пребывания в Тегеране президента Таджикистана, Иран, учитывая энергетические проблемы Таджикистана и с целью использования его богатых гидроэнергетических ресурсов, предложил построить Шурабскую ГЭС проектной мощностью 1000 мегаватт на р. Вахш. Было также заявлено о готовности Ирана соорудить высоковольтную линию электропередачи «Таджикистан – Афганистан – Иран». Параллельно решено создать совместное предприятие по производству электрических лампочек в городе Исфара и цементного завода в Шаартузе. В начале 2010 г. между двумя странами достигнута договоренность о разработке технико-экономического обоснования строительства новой ГЭС – Айнинской. Это будет совместный проект со специалистами иранской компании «Фараб». Она разработает ТЭО проекта, профинансирует и реализует его. Мощность новой ГЭС составит 150 мегаватт[43]. Ее строительство явится продолжением создания ГЭС Сангтудэ-2, потому что освободившаяся техника будет задействована в реализации проекта новой ГЭС. Одновременно на таджикско-иранских переговорах 2010 г. решено выделить финансирование для завершения строительства тоннеля «Истиклал», которое составит 6 миллионов долларов, причем 1 миллион долларов выделяется в качестве гранта, а оставшуюся сумму составит иранский кредит правительству Таджикистана.

Большие перспективы имеет транспортное сотрудничество между Ираном и Таджикистаном. Его значение объясняется тем, что на сегодня одной из основных проблем, препятствующих развитию двухстороннего ирано-таджикистанского сотрудничества, является трудность транспортировки товаров и оборудования из Ирана в Афганистан. Самый значительный проект в этой области – создание транспортной магистрали, идущей от Нижнего Пянджа в Таджикистане через афганские города Ширхан, Кундуз, Мазари-Шериф и Герат и замыкающейся на иранские транспортные коммуникации. Ее пуск в эксплуатацию способен стабилизировать автомобильное сообщение между Ираном и Таджикистаном. Магистраль создается тремя странами (с участием Афганистана) на основании соглашения, подписанного еще в 2003 г. президентами Ирана С.М. Хатами, Афганистана Х. Карзаем и Таджикистана Э. Рахмоном и предусматривает установление надежного транзита. Сложность реализации этого проекта в том, что он проходит через Афганистан, и это создает массу сложностей в плане безопасности строительства и финансирования. В перспективных планах ирано-таджикистанского сотрудничества – строительство железнодорожной линии между Таджикистаном и Ираном. Об этом не раз говорилось в материалах встреч между президентами двух стран, однако реализация сдерживается отсутствием финансирования.

Таджикистан – единственная страна центральноазиатского региона и всего СНГ[44], имеющая военные связи с Ираном. Этот вид сотрудничества проходит на планомерной основе, включающей регулярный обмен делегациями, взаимное консультирование по проблемам безопасности. В Душанбе работает единственный в СНГ военный атташат при иранском посольстве. Сотрудничество в оборонной сфере началось в 1997 г. после визита в Тегеран министра обороны Таджикистана и последовавшего подписания первых документов взаимодействия. В них констатировалось, что двусторонние связи в этой области не представляют никакой угрозы какой-либо третьей стороне. Во время визита президента Таджикистана в Иран в декабре 1998 г. проблемы военного сотрудничества стали одной из важных тем переговоров двух президентов. Затем, 18 января 1999 г. прошла встреча прибывшей в Душанбе иранской военной делегации во главе с генералом Касемом Солеймани с министром обороны Таджикистана генералом Шерали Хайрул-

лаевым. Шла речь о выполнении Меморандума о взаимопонимании в сфере безопасности и формировании совместной межправительственной комиссии по обороне. В 2005 г. в последние месяцы президентства С.М. Хатами состоялся новый визит в Тегеран министра обороны Таджикистана. Таджикская военная делегация ознакомилась с программой военной подготовки в иранской армии и посетила несколько учебных центров Минобороны и ряд предприятий военно-промышленного комплекса Ирана. Тогда же состоялись первые контакты таджикского военного ведомства с руководством Корпуса стражей исламской революции (КСИР) – самого исламизированного и фанатичного компонента иранских вооруженных сил, приобретающего в Иране все большее влияние не только в военной сфере, но и в политике, экономике, финансовой области. Таджикскому министру обороны было заявлено, что «КСИР готов к сотрудничеству с Таджикистаном в области среднего, высшего и поствузовского военного, инженерно-технического и военно-медицинского образования, связи и электроники на базе двух военных университетов»[45]. С приходом к власти в том же году ультраконсервативного президента Махмуда Ахмадинежада военные контакты приобрели еще большую динамику, в них с иранской стороны можно видеть «сильную заинтересованность»[46]. Так, в 2007 г. Таджикистан с официальным визитом посетил министр обороны ИРИ Мустафа Мохаммад Наджар. Его принял президент РТ Эмомали Рахмон, побеседовав по вопросам сотрудничества между двумя странами в оборонной сфере. М. Наджар встретился также с министром иностранных дел Хамрохоном Зарифи, министром обороны Шерали Хайруллоевым и председателем Госкомитета по национальной безопасности Хайриддином Абдурахимовым. В мае 2010 г. состоялся визит в Таджикистан нового министра обороны ИРИ генерала Ахмада Вахиди. К этому визиту было приковано особое внимание в силу того, что на фоне заметного ухудшения отношений с Россией и Узбекистаном в Душанбе как никогда прежде нуждаются в опоре и поддержке сильного военного союзника. Итогом визита стало подписание меморандума о взаимопонимании в сфере военного и военно-технического сотрудничества, о взаимодействии в подготовке кадров. Президент Э. Рахмон на встрече с иранским министром выразил заинтересованность своей страны в продолжении и развитии контактов с ИРИ в этой сфере. А. Вахиди в беседе с прессой

заявил, что Иран выступает за военное сотрудничество трех персоязычных стран – Афганистана, Таджикистана и Ирана – для обеспечения безопасности в регионе. По его словам, такое сотрудничество может быть эффективным в борьбе с наркотиками и международным терроризмом. По мнению ряда экспертов, Иран стремится создать в Таджикистане плацдарм для того, чтобы «блокировать в значительной мере действия международных сил в Афганистане»[47]. Что касается практической части сотрудничества, то оно касается выделения иранской стороной кредита на материальные нужды таджикской армии: приобретение военного обмундирования, средств связи, боеприпасов для стрелкового оружия, создания в Таджикистане совместных предприятий по пошиву военной формы. Иран готов также оказать помощь в организации медицинского обслуживания таджикских военнослужащих, направить в Таджикистан военных советников для подготовки личного состава горно-стрелковых подразделений, организации подготовки порядка 400–500 таджикских военнослужащих по танковым и пехотным специальностям. При этом Тегеран согласен взять на себя расходы по их обучению. Иранские специалисты готовы помочь в реконструкции военного аэродрома в Айни близ Душанбе. В Таджикистане, однако, подходят достаточно осторожно к подобным инициативам Ирана[48]. Причина этого достаточно прозрачна: официальный Душанбе не хотел бы быть обвиненным в чрезмерном сближении со страной, подвергающейся санкциям международного сообщества именно из-за исходящих от нее военных угроз.

Особенности ирано-таджикистанского диалога в сравнении с другими странами центральноазиатского региона заключаются и в том, что сотрудничество с Таджикистаном более диверсифицировано и по источникам реализации. Так, кроме государственных фирм и компаний, в нем с самого начала широко задействован частный сектор, активно участвующий в жилом строительстве, возведении торговых центров, небольших промышленных предприятий, особенно в перерабатывающей промышленности, ряде сельскохозяйственных отраслей – птицеводстве, молочном производстве. В течение нескольких лет реализовывался проект иранского частного бизнеса по созданию швейных цехов в различных регионах Таджикистана. В страну ввезли большие партии швейных машин, уже установленные в 20 районах страны. Суть этого проекта в том, что

власти Таджикистана предоставляют в распоряжение иранских предпринимателей помещения, которые оснащаются оборудованием, швейными и вышивальными машинами, и начинается подготовка местных женщин швейному делу. Таким образом в стране создаются новые рабочие места. В 2004 г. создано несколько десятков таких малых предприятий в Душанбе, Гиссаре, Пяндже, Кумсангире, Кабадияне, Шахритузе и других населенных пунктах. Иранские предприниматели провели там необходимые инвестиции.

Специфика ирано-таджикистанского сотрудничества состоит и в том, что большая помощь оказывается Таджикистану и иранским благотворительным комитетом «Эмдад» (Содействие), носящим имя лидера исламской революции аятоллы Рухоллы Хомейни. Выступая на пресс-конференции в Душанбе 13 декабря 2007 г., председатель его правления Хоссейн Анвари заявил о готовности «Эмдад» к постоянному оказанию помощи благотворительному фонду Таджикистана для реализации социальных программ. По словам Анвари, такая помощь оказывается с 1994 г., и «для развития таджикского благотворительного фонда важно, чтобы состоятельные граждане республики были более активно вовлечены в благотворительный процесс, как это делается в Иране»[49]. Следует отметить, что деятельность таджикского благотворительного фонда во многом перенимает сферы работы «Эмдад», в частности, в организации массовых свадеб для молодых пар из неимущих семей в различных регионах Таджикистана. Так, в конце 2007 г. была реализована совместная акция – свадебная церемония для 100 пар молодоженов в г. Кулябе на юге Таджикистана[50]. В июле 2010 г. церемония бракосочетания 40 пар состоялась в одном из наиболее депрессивных регионов Таджикистана – Горно-Бадахшанской автономной области. Молодоженам были вручены ценные подарки – холодильники, ковры, стиральные машины и др. За 2008–2010 гг. в этом регионе со стороны «Эмдад» оказана помощь 250 малоимущим семьям Горно-Бадахшанской автономной области[51]. За время своей деятельности в Таджикистане при содействии «Эмдад» организованы 10 учебных заведений по обучению народным ремеслам, а также оказывается материальная поддержка детским интернатам, инвалидам и престарелым. «Эмдад» не раз оказывал неотложную помощь пострадавшим от стихийных бедствий жителям Таджикистана. Так, в январе 2010 г. Иран доставил гуманитарную помощь

общей стоимостью около 120 тысяч долларов пострадавшим в результате землетрясения жителям Ванджского района Таджикистана. По информации посла Ирана в Таджикистане Алиасгара Ширдуста, туда были доставлены продукты питания и теплые одеяла[52]. Новой сферой взаимодействия между фондами благотворительности двух стран решено сделать сотрудничество в поддержке малого и среднего бизнеса, создании совместных предприятий по переработке сырья, производству и переработке сельхозпродукции.

В сотрудничестве с Ираном в Таджикистане внедряются и новые формы взаимодействия. Так, крупнейшее и наиболее экономически стабильное промышленное предприятие страны – Таджикская алюминиевая компания (Talco) – еще в мае 2007 г. заявила о намерении инвестировать свои средства в переоснащение иранских портов для транспортировки алюминиевого сырья и готовой продукции на экспорт. Таким образом, компания будет иметь свои производственные мощности, приближенные к рынкам своей продукции. Это сотрудничество реализуется в кооперации с иранским партнером – местной алюминиевой компанией «аль-Махди». Начата реализация соглашения о поставках этой компанией сырья на таджикское предприятие. Со своей стороны, Talco намеревается обеспечить другими видами сырья иранские компании «аль-Махди» и «Иралко».

В последние годы наметился процесс децентрализации двустороннего сотрудничества. Начали апробироваться прямые контакты с иранскими останами – провинциями. Так, совсем недавно рассмотрены вопросы культурного и научного сотрудничества между иранской провинцией Альборз и Республикой Таджикистан. На встречу в центр провинции – Карадж, где обсуждались вопросы регионального сотрудничества, был приглашен посол Таджикистана в Иране Рамазан Мирзаев. В качестве первого этапа, для взаимного ознакомления сторон предполагается уже в самое ближайшее время провести в Таджикистане выставку экономического, научного и технического потенциала этой иранской провинции. Свободный исламский университет провинции Альборз с 30 тысячами студентов занимает четвертое место в стране по объему научных исследований. Здесь имеется большой потенциал научного взаимодействия. Но этим предполагается не ограничивать сотрудничество. Сейчас готовятся к подписанию соглашения о сотрудничестве в экономике, торговле, технической сфере.

Намечено использовать и такую область сотрудничества, как обмены студентами и преподавателями[53]. Начато взаимодействие и с прикаспийской провинцией Мазандаран. Еще в августе 2008 г. в Душанбе подписано соглашение между торгово-промышленными палатами Таджикистана и этой провинции. Накануне в Душанбе открылась выставка продукции, производимой в Мазандаране. В ней участвовали около 40 крупных производственных и сервисных компаний провинции[54].

Вероятно, включат в сферу сотрудничества и дополнительную отрасль – атомную энергетику. В Таджикистане для этого имеются все предпосылки. Главная из них – богатые месторождения урана, способные привлечь инвесторов ввиду несомненной прибыльности. По разным данным, в Таджикистане сосредоточено от 14 до 40% общего количества мировых запасов этого стратегического сырья. Ныне его разработка заморожена по финансовым причинам. Учитывая серьезные проблемы Ирана из-за дефицита урана, при составлении планов дальнейшего развития атомной энергетики эта сфера взаимодействия может в ближайшее время занять приоритетное положение. В этой связи необходимо отметить, что в отличие от других стран Центральной Азии, публично не озвучивающих свое отношение к иранской атомной программе, позиция Таджикистана была однозначно заявлена во время январского 2010 г. визита Э. Рахмона в Тегеран: «В качестве стратегического партнера мы поддерживаем иранскую мирную ядерную программу на всех уровнях».

Под сенью «арийства» и персоязычного союза

Начиная со второй половины первого десятилетия нынешнего века все большую остроту приобретает идея создания «Союза персоязычных государств». Его базой, как видно из многочисленных заявлений лидеров Афганистана, Ирана и Таджикистана, является этнокультурная близость народов трех стран. Более значимые, на наш взгляд, вопросы экономического и политического порядка отнесены, судя по их заявлениям, за скобки приоритетов.

Нам представляется, что наибольшую заинтересованность в создании «Союза персоязычных государств» демонстрирует Таджикистан. Официальная идеология этой страны аргументи-

рует близость трех «персоязычных»[55] государств на базе общего наследия «некой древней «арийской цивилизации», носители которой якобы являлись общими предками именно иранцев, таджиков, большинства народностей Афганистана и других индоиранских групп. Можно сказать, что «арийство» стало в Таджикистане важной частью государственной идеологии, оказывающей сильное влияние как на внутриполитическую, прежде всего межэтническую ситуацию, так и на отношения с соседними тюркоязычными странами»[56]. Безусловно, внедрение идеи «арийства» в официальную идеологию Таджикистана влияет на его отношения с тюркоязычными соседними странами Центральной Азии, особенно Узбекистаном. Постулирование таких идей как признание таджиков преемниками величайшей культуры в отличие от соседствующих с ними и якобы стоящих несравненно ниже в культурно-цивилизационном отношении тюркоязычных народов, вносит элемент жесткой конфронтации в отношения между Таджикистаном и Узбекистаном, преследуя цель разъединить два наиболее близких народа Центральной Азии. Кроме того, принципу добрососедства отнюдь не способствует теория «исторического Таджикистана», взятая на вооружение таджикистанскими учеными и государственными деятелями после приобретения этой страной независимости. В рамках этой идеологемы обосновываются территориальные притязания на «исконные таджикские земли», главным образом Бухару, Самарканд и окружающие их районы, Сурхандарьинскую и Ферганскую долину и др. Эта идея обрела официальный характер с выпуском книги президента Таджикистана[57]. Дальнейшее развитие идеи превосходства «арийцев» над тюркоязычными народами Центральной Азии отразилось в провозглашении 2006 г. «Годом арийской цивилизации»: «Улицы таджикских городов украсились плакатами, славящими арийские корни таджиков»[58]. Пресса Таджикистана полна публикаций на эту тематику. Нужно учесть и то, что все более входящие в моду в Таджикистане арийские идеологемы находят понимание в Тегеране, где идеология панираизма ничуть не потеряла своего значения даже и с приходом к власти исламистов. Однако теория Великого Ирана как собирателя земель с ираноязычным населением и иранской историческо-цивилизационной преемственностью приемлет как Таджикистан, так и Афганистан в качестве всего лишь части такого потенциально возможного аморфного объединения.

Именно этим объясняется патерналистское отношение Ирана к своим младшим братьям по персоязычному союзу.

Зачем же нужно Таджикистану и Ирану новое направление интеграции? Чем вызвана необходимость поиска Таджикистаном иных проектов интеграции, нежели уже апробированные как на постсоветском пространстве, так и в более широком геополитическом масштабе, в которых Душанбе активно участвовал и до сих пор участвует? Ведь именно такие интеграционные объединения, как ЕврАзЭС, ОДКБ, ШОС, ЭКО и другие, существенно помогли Таджикистану преодолеть последствия затяжной гражданской войны, справиться со слабостью экономического потенциала, отвести угрозы, исходящие из Афганистана. Причину следует искать в попытках найти альтернативные интеграционные адреса, причем в опоре на идеологические начала. Важную роль здесь сыграла отрицательная реакция Душанбе на проузбекскую позицию России в споре между Узбекистаном и Таджикистаном из-за водных ресурсов. Сюда же следует отнести традиционные и устоявшиеся стереотипы недоверия по отношению к Узбекистану. Политолог Рашид Гани Абдулло в интервью радио «Deutsche Welle» объяснил выбор, сделанный таджикским руководством следующим образом: «Душанбе разочаровался в процессах экономического объединения, проводимых в рамках СНГ. Все они оказались нежизнеспособными. Обычно базис определяет надстройку, но здесь получилось наоборот – экономические интересы уступили место политическим амбициям лидеров некоторых стран. Оказавшись в энергетической и транспортной изоляции, Душанбе стал искать выходы. Страна...ищет пути в Иран. Отсюда и проект персидского диалога»[59]. Сближение с Ираном и Афганистаном при условии его реализации может в какой-то мере помочь Таджикистану не быть поглощенным «окружающим его тюркским морем»[60]. Другой таджикский политолог – Парвиз Мулладжанов считает, что создание Союза персоязычных стран изменит ситуацию в центральноазиатском регионе и будет иметь следствием то, что сверхдержавы будут вынуждены скорректировать свое отношение к расположенным там странам. С созданием союза будет найден путь решения многих проблем стран Центральной Азии. «Его создание, несомненно, пойдет на пользу Таджикистану, потому что приведет к интенсификации сотрудничества с Ираном»[61]. Россия и Узбекистан не приветствуют создание такого союза, пишет далее таджик-

ский политолог, и в будущем в этом плане не предвидятся изменения, потому что в случае реализации плана создания этого союза им придется вносить значительные коррективы в реализацию своей политики на центральноазиатском геополитическом пространстве.

Между тем персоязычный союз не предполагает никакой экономической составляющей. Поясняя это, глава МИД Ирана Манучехр Моттаки сказал: «Наши страны являются членами Организации экономического сотрудничества – ЭКО, поэтому нет необходимости в создании другой структуры. Наши экономические связи будут развиваться и в рамках этой организации»[62]. Однако, предположительно, в рамках такого альянса может быть сформирован оборонительный союз. Определенные индикации к этому дали заявления министра обороны Ирана Ахмада Вахиди во время его визита в Душанбе в середине мая 2010 г., когда он заявил, что военное сотрудничество трех персоязычных стран – Афганистана, Таджикистана и Ирана – может быть залогом обеспечения безопасности в регионе. Слова Вахиди могут быть истолкованы и как намерение его страны попытаться выстроить в центральноазиатском регионе устраивающий ее военно-политический союз. Это означает и другое – готовится новая геополитическая конфигурация в Центральной Азии. «Иран сближением с Таджикистаном блокирует в значительной мере действия международных сил в самом Афганистане, и под его контроль в случае успешной реализации этого проекта попадут обширнейшие районы Афганистана, населенные таджиками»[63]. В таком случае Таджикистан только выиграет от создания союза, ибо он будет эффективен в обеспечении безопасности на региональном уровне.

В экспертном сообществе оценивают перспективы альянса трех стран достаточно скептически. К настоящему времени он почти не проявил себя конкретными делами. По сути, все никак не начата реализация значительных проектов в сферах транспорта и энергетики, намеченных в его рамках. Так, еще в июле 2008 г. была обнародована идея строительства трансграничной железнодорожной ветки, которая соединит три страны. Сразу же была создана рабочая группа специалистов этого профиля, в задачу которой входило рассмотреть и определить место прохождения трассы. К тому времени Таджикистан подготовил технико-экономическое обоснование строительства ветки до границы с Афганистаном. Предполагается, что дорога

создаст возможность быстрой доставки грузов из Таджикистана к портам Персидского залива и обратно, позволит реально и значительно увеличить товарооборот и углубить торговые отношения между тремя странами. Однако пока проект не продвинулся дальше согласований. Между тем проходившие до сих пор встречи глав трех государств заканчиваются декларациями, реализация которых всегда сопряжена с дополнительными согласованиями и консультациями. Так, в кулуарах восьмого саммита ШОС в августе 2008 г. состоялась встреча глав Афганистана, Ирана и Таджикистана. Выступая на ней, президент Ирана М. Ахмадинежад заявил, что все три страны объединяет общая история, культура и цивилизация, их лидеры придерживаются единых точек зрения на мировые процессы, страны стоят перед идентичными вызовами своей безопасности и все три президента убеждены в необходимости развития связей и дальнейшей интеграции. Поэтому, сказал М. Ахмадинежад, мы подготовили проект Соглашения о соединении систем железных дорог, энергоснабжения и водоснабжения трех стран. Оно приобретет окончательную форму еще до окончания нынешнего года. Для реализации этого решения будет создана совместная комиссия во главе с министрами иностранных дел всех трех стран[64]. Прошло более двух лет, но ни о каком продвижении этой идеи или хотя бы частичной интеграции на этом направлении говорить не приходится.

Более оптимистично выглядит судьба общих проектов в сфере культуры и образования. В 2009 г. в Душанбе вышел сборник «Культура и образование в цивилизации иранских народов», подготовленный учеными трех указанных стран. В нем представлены новые материалы по исследованию проблем культуры и образования этих стран, рассмотрены перспективы развития образовательных систем Таджикистана, Афганистана и Ирана. Постепенно будут реализованы и объемные планы культурного сотрудничества, призванные ознакомить с богатой историей и культурой персоязычного региона. Хорошим началом в признании культурного наследия этого региона явилось принятие Генеральной Ассамблеей ООН в феврале 2010 г. специальной резолюции, объявляющей Новруз – день иранского Нового года – международным праздником. Он будет отмечаться 21 марта каждого года. ООН обратилась к государствам-членам, в которых отмечается Новруз, с просьбой изучать историю происхождения и традиции этого праздника и таким

образом способствовать пропаганде знаний о Новрузе как части наследия иранских народов на глобальном уровне.

Самым серьезным препятствием реализации альянса являются существующие между странами противоречия. Базой союза трех стран является культурно-историческая близость. Но есть ли здесь тождество и взаимное влечение? На примере Афганистана трудно однозначно ответить на такой вопрос, ибо господствующая нация страны – пуштуны – состоят в непростых, зачастую достаточно конкурирующих отношениях с местными таджиками, которые являются носителями близкого к фарси языка дари. Это не может не накладывать определенную тень на отношения официального Кабула и Душанбе. Но в данный исторический момент в стране сложился своего рода «тандем» – президент-пуштун вынужден сосуществовать с реальной властью таджиков[65], что стабилизирует ситуацию в стране и делает диалог между Таджикистаном и Афганистаном легче реализуемым. У афганцев издавна совсем не простые отношения и с иранскими соседями, проистекающие из-за некоторого высокомерия, которое иранцы испытывают по отношению к афганцам, считая последних людьми более низкого интеллектуального уровня. Надо учесть и достаточно непростые отношения между суннитами и шиитами. Суннитами является большинство населения Афганистана и Таджикистана, Иран – преимущественно шиитская страна. С приходом к власти в Афганистане в 1996 г. талибов – суннитских фундаменталистов их отношения с Ираном приняли настолько конфронтационный характер, что не раз чуть было не выливались в кровавые столкновения или даже локальные войны. Следует принимать в расчет и прозападный вектор политики Хамида Карзая, обеспечиваемый «западным военным присутствием»[66]. Впрочем, и власть Х. Карзая во многом обеспечивается поддержкой Запада. В таких условиях сближение с Ираном в рамках «персидского альянса» может быть достаточно ограниченным, в противном случае Кабул рискует быть наказанным как США, так и Западом, который в последнее время все более жестко выступает против реализации военного компонента иранской атомной программы, вводя против Ирана санкции как глобального характера со стороны Совета Безопасности ООН, так и на региональном уровне. Однако на афганском направлении для Ирана есть и плюсы. Они связаны с тем, что здесь у Ирана есть возможность наладить диалог с США, ибо объек-

тивно обе страны заинтересованы в стабильном и сильном Афганистане. Вряд ли ожидаем восторг от реализации идеи персидского треугольника и со стороны России, негативно воспринимающей вхождение постсоветских стран во внешние интеграционные структуры.

Что касается интеграционных процессов, то на векторе Таджикистан – Иран все выглядит более оптимистично. Ухудшение отношений с Россией в последние годы не подлежит сомнению. Примем во внимание, что Иран рассматривается в Душанбе как своего рода противовес России, так что ухудшение отношений на российском треке всегда сменяется тенденциями дальнейшего сближения с Ираном. Так же однозначно для Таджикистана и ощущение аутсайдера на центральноазиатском геополитическом и геоэкономическом пространстве. При таком раскладе сближение с Ираном предоставляет Таджикистану возможность заявить о себе как стране, являющейся ближайшим партнером одного из значительных игроков мировой политики. Для Ирана, несомненно, такое положение выглядит достаточно привлекательным, ибо все последние годы он находится в жесткой международной изоляции и каждая страна, заявляющая о нем как о стратегическом партнере, получает со стороны Тегерана все возможные знаки внимания. Одновременно в лице Исламской Республики Иран Таджикистан приобрел экономически мощного партнера, потенциально способного сыграть роль солидного инвестиционного донора.

Объединение, пусть даже самое аморфное, в рамках межгосударственного союза, которым, по сути, является Союз персоязычных государств, требует для его участников неких сходных и объединяющих черт в сфере государственного устройства, элементарной совместимости. Разумеется, нельзя утверждать, что принципы власти в двух странах – Таджикистане и Иране – хотя бы минимально схожи. Светская республика, выросшая на обломках Таджикской советской республики и теократический режим, в основу которого положена концепция исламского правления, разработанная лидером иранского шиитского духовенства и вождем исламской революции 1979 г. аятоллой Рухоллой Хомейни, существенно разнятся. В отличие от Таджикистана в Иране установлен теократический тип правления, и государственная власть базируется на основе ислама. Иран является страной, где управление всеми социально-политическими и культурными процессами непосредственно

реализуется и контролируется духовенством, а действующая Конституция увековечивает в стране власть духовенства, законсервированную в форме исламской республики. Однако таджикские политологи утверждают, что их страна на данном этапе уже далеко не светское государство и что общество очень быстро отходит от тех светских идеалов, которые были присущи ему еще в 1990-е гг. Аналитики утверждают, что ныне в Таджикистане развиваются процессы, которые дают стране потенциальную возможность преодолевать идеологическую несовместимость с Ираном. Уточним, что такие процессы проходят внутри каждой из двух стран. В Иране, особенно после президентских выборов 2009 г., заметно усиление внутренней оппозиции и постепенное «утекание» власти от духовенства к светским деятелям, не отказывающимся от идеи исламской республики, но приемлющим идеи прагматизма. В Таджикистане идет процесс постепенной исламизации, «которая в условиях коррумпированности и разложения власти на местах, грубых нарушений прав человека и нищеты способна привести к радикальной исламской революции»[67]. Рост влияния ислама в Таджикистане заметен хотя бы даже в том, что в стране становятся все более популярными так называемые исламские имена. Их получают все больше новорожденных. Как свидетельствуют работники ЗАГС в Душанбе, ныне самым популярным среди девочек является имя Сумая, которая была первой мученицей ислама. «Мы не знали таких имен пять лет назад, когда такие иранские и индийские имена, как Гугуш, Анохито и Индира были самыми популярными именами»[68].

Несомненно, с иранским влиянием и помощью этой страны связано расширение в Таджикистане сети исламских учебных заведений, различных курсов изучения основ ислама и Корана. Так, в сентябре 2010 г. 487 таджикских женщин окончили специальный трехмесячный курс чтения Корана и изучения персидско-арабской графики при Культурном представительстве Посольства ИРИ в Душанбе. Большинство учащихся – 351 человек – занимались на курсах по чтению Корана, остальные – 136 человек – изучали графику. На курсах работали преподаватели вузов из обеих стран. По словам иранских дипломатов, такие курсы вскоре откроются во всех областях Таджикистана[69]. Несомненно, это – активный канал проникновения иранской исламистской идеологии. Другим потенциальным каналом является влияние, оказываемое на таджикских студентов, при-

езжающих на обучение в иранские вузы. Для этого Иран предоставляет специальные целевые квоты. Много таджикских юношей и девушек обучаются в Иране в обход квот, индивидуальным путем. «По данным таджикских правоохранительных органов, их основная часть выезжает в Иран по приглашению частных лиц, которые зачастую являются представителями радикальных исламистских организаций»[70]. За годы учебы молодежь подвергается массовой идеологической обработке на базе «гремучей смеси из эсхатологических идей мировой исламской революции и иранского «арийства». Последствия этого видны в формировании становящейся достаточно значительной проирански настроенной прослойки населения, росте в Таджикистане числа приверженцев шиизма»[71]. Видимо, этим объясняется реализуемая с недавних пор линия президента Э. Рахмона на возвращение домой детей, отправленных учиться в зарубежные медресе, главным образом – в Иране, где, как считают власти Душанбе, дети к тому же учатся не религиозным наукам, а терроризму и экстремизму. В целом в Таджикистане, как нигде больше в странах Центральной Азии, уже сложилась своего рода иранская «пятая колонна». Ее основу составляют часть религиозных священнослужителей, представители академических кругов, частично – чиновники, прошедшие обучение на различного рода семинарах и курсах в Иране[72]. Они реально работают над тем, чтобы не допустить ослабления в Таджикистане иранских позиций.

Ныне в Таджикистане создалась ситуация, когда проходящие в ней социально-политические процессы дают почву для раздумий о будущем страны, причем на ближайшую перспективу. По мнению таджикского эксперта Р. Самиева, заметно усиление позиций Партии исламского возрождения и других поддерживающих ее исламских сил. По всей видимости, уже в самое ближайшее время, они смогут влиять на базовые политические реалии и инициировать смену конституционного строя в единственно приемлемом для них направлении, то есть трансформации светского характера государства в религиозный. «Вместо Конституции – Шариат, вместо главы государства – Совет Улемов или Верховный аятолла»[73]. Уже сейчас, считает Р. Самиев, соотношение сил отнюдь не в пользу действующей власти, и она «просто обречена»[74]. Процесс трансформации, пишет Р. Самиев, не будет трудным, ибо уже сегодня Таджикистан – «полноценная мусульманская страна,

где соблюдаются практически все каноны Ислама. Это один из немногих примеров в мире, где традиционный Ислам перемежается с современным образом жизни, и одно фактически дополняет другое»[75]. Отметим, что катализатором процессов исламизации в Таджикистане выступает сама власть, которая реализует политику выдавливания конструктивной демократической оппозиции и силового подавления ислама в условиях достаточно высокого уровня исламизации населения. В стране становится обычной тактикой властей, когда даже не пытаются искать диалог с оппонентами, а полагаются на силовые методы. Репрессии в этой области достаточно сильны. В Иране хорошо информированы об этой тенденции, которая на межгосударственном уровне не обсуждается, но подробно освещается в СМИ. В своем интервью, опубликованном недавно иранским информационным агентством Farsnews[76], Акбар Тураджон-зода, видный мусульманский деятель и активный член религиозной оппозиции, работавший в течение ряда лет в качестве заместителя председателя правительства Таджикистана и члена парламента, утверждал, что в стране многие люди преследуются по религиозным мотивам, подвергаются тюремному наказанию за членство в религиозных организациях и объединениях. Государство проводит репрессии и в отношении молодых людей, занимающихся преподаванием исламских наук. Такие факты множатся, а подобные тенденции усиливаются, что «очень печально»[77]. В последнее время власти Таджикистана инициировали широкую общественную кампанию за «светский образ женщины». Смысл ее в том, что женщинам запретили носить мусульманские платки. На данном этапе «преследуются» хиджабы черного цвета, но не исключено, что «скоро настанет очередь и белых головных уборов, которые традиционно носят жительницы бывших среднеазиатских республик СССР»[78].

Основой такой кампании послужили высказывания президента Э. Рахмона в сентябре 2010 г., который заявил, что религиозные одеяния несвойственны таджичкам. Взяв это как директиву, подчиненный президенту Совет улемов Исламского центра Таджикистана издал рекомендацию имам-хатибам мечетей «убеждать женщин отказаться от ношения хиджабов в повседневной жизни»[79]. Тот же Совет улемов, по данным иранской прессы[80], рекомендовал женщинам пользоваться национальной одеждой вместо хиджаба, который носят мусульманки-иностранки. «Под национальной одеждой здесь пони-

мают платья с длинными рукавами и большие традиционные платки. Руководитель отдела фетв Совета улемов Таджикистана пояснил, что смысл этой рекомендации заключается в совете не пользоваться хиджабом, который надевают женщины ...Ирана и Турции»[81]. Количество женщин, которые перешли на такую одежду, резко выросло в последнее время, причем предпочитают хиджаб черного цвета. Такое решение принято по команде Совета по делам религий и является директивой, подлежащей исполнению. Абдулла Разек, известный мусульманский деятель и член Исламской партии Таджикистана, расценил такое указание как недвусмысленное вмешательство в религиозную жизнь. А. Рахманов, министр просвещения Таджикистана, в течение последнего времени не раз критиковал женщин своей страны за следование мусульманской моде для религиозных женщин, принятой, в частности, в Иране. Явно под влиянием Ирана власти Таджикистана пытаются навязывать и контролировать соблюдение дресс-кода, однако в противоположном направлении. Как пишут СМИ ИРИ, женщин-учителей в этой стране поощряют одеваться как можно современнее. Им предложено носить джинсы, короткие юбки, цветные и прозрачные платья. Министерство просвещения Таджикистана рекомендует преподавателям-мужчинам в возрасте моложе 50 лет воздерживаться от ношения бороды. Таким образом, только мужчинам старше этого возраста будет позволено носить бороду. При этом власти регламентируют и длину бороды – она должна быть до 3 сантиметров[82]. Эти рекомендации закреплены в специальном решении Минпроса и с первого октября 2010 г., то есть начала учебного года, подлежат исполнению не только учителями школ, но и преподавателями вузов. Как видно, с течением времени выявляются различные подходы двух стран к базовым принципам религиозной жизни, развития ислама, однако это вряд ли способно повлиять на продолжающийся процесс сотрудничества и частичной интеграции, имеющий, по неоднократным заявлениям руководителей Ирана и Таджикистана, стратегический характер.

Примечания

[1] Масуд Сепанд. Буйе джуйе мулийан. Йаддаштхайе сафарэ Таджикестан. – Сан-Хосе, Калифорния, 1996, с. 153–154 (на перс. языке).

[2] Радио «Свобода», 06.10.2010. – Цит. по: http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1286569980
[3] Додихудоев Х., Ниятбеков В. Таджикистан – Иран: Достижения и перспективы сотрудничества // Центральная Азия и Кавказ, 2008, № 2 (56), с. 153.
[4] Jacob M. Landau, Barbara Kellner-Heinkele. Politics of Language in the ex-Soviet Muslim States. Azerbayjan, Uzbekistan, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Turkmenistan and Tajikistan. London: Hurst and Company, 2001. с. 145.
[5] Ibid. с. 104.
[6] Shukuri A. La situation de la langue persane tadjike et les perspectives de son renouveau // Cahiers d'Etudes sur la Mediterranee Orientale et le Monde Turco-Iranien. Vol. 18. с. 173.
[7] Jacob M. Landau, Barbara Kellner-Heinkele. Politics of Language in the ex-Soviet Muslim States. Azerbayjan, Uzbekistan, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Turkmenistan and Tajikistan, с. 194.
[8] Mesbahi M. Tajikistan, Iran and the International Politics of the «Islamic factor» // Central Asia Monitor, 1997, № 16 (2), с. 144–145.
[9] Коммунист Таджикистана, 04.03.1990.
[10] Jacob M. Landau, Barbara Kellner-Heinkele. Politics of Language in the ex-Soviet Muslim States. Azerbayjan, Uzbekistan, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Turkmenistan and Tajikistan, с. 145.
[11] irna.ir, 17.10.2010.
[12] Perry J. Tajikistan's Language Law: Two Years on // Bulletin of the Association for the Advancement of Central Asian research, 1992, vol. 5 (2), с. 4.
[13] http://www.telesputnik.ru/articles.php?id=34
[14] http://www.avesta.tj/index.php?newsid=3827
[15] http://www.centrasia.ru/news.php?st=1288036800, 25 октября 2010 г.
[16] Гушер А. Война и мир // Азия и Африка сегодня, 1998, № 2, с. 6.
[17] Dadmehr N. Tajikistan – inevitable war? Inevitable peace? // Central Asia Monitor, 1998, № 1. с. 1.
[18] Гушер А. Война и мир, с. 10. См. также: Экспресс К (Казахстан), 26.08.2010, http://www.express-k.kz/show_article.php?art_id=42840
[19] irna.ir, 01.04.2002.
[20] Русский Newsweek, 13.10.2010. – http://www.runewsweek.ru/article/v-mire/25066-voennoe-razlozhenie
[21] http://www.tabnak.ir/fa/pages/?cid=18275, 15.09.2008.
[22] Сажин В. Иран: июнь 2010 г. Экономическая ситуация. – iimes.ru, 06.08.2010.
[23] irna.ir, 21.10.2010.

[24] Вечерний Душанбе, 12.04.2005. – Существуют и другие цифры. Так, по публикации иранского официального государственного информационного агентства ИРНА от 18 октября 2010 г., сейчас в Иране обучается две с половиной тысячи студентов из Таджикистана. В свою очередь, 1200 иранских студентов учатся в вузах и средних учебных заведениях Таджикистана.
[25] http://www.tabnak.ir/fa/pages/?cid=107512
[26] irna.ir, 16.02.2005.
[27] avesta.tj, 16.02.2010.
[28] http://www.farsnews.net/newstext.php?nn=8901140290, 4 апреля 2010 г.
[29] Масуд Сепанд. Буйе джуйе мулиян, с. 152.
[30] Ресалат (Иран), 12.05.1997.
[31] oreanda.ru, 30.04.2002.
[32] Iran.ru, 3.05.2002.
[33] avesta.tj, 11.02.2009, http://www.avesta.tj/index.php?newsid=1044
[34] avesta.tj, 08.05.2007, http://www.avesta.tj/index.php?newsid=237
[35] http://www.avesta.tj/index.php?newsid=106
[36] Там же.
[37] Горский В. Ирано-таджикские отношения. – iimes.ru, 05.04.2005.
[38] irna.ir, 03.10.2010.
[39] Вечерний Душанбе, 03.02.2005.
[40] avesta.tj, 01.10.2010.
[41] http://russian.irib.ir/news/iran/item/116243--q-2q-----
[42] http://www.farsnews.net, 28 июля 2010 г.
[43] avesta.tj, 04.01.2010, http://avesta.tj/index.php?newsid=3425
[44] irna.ir, 21.01.1999.
[45] irna.ir, 20.04.2005.
[46] Калишевский М. Таджикистан: Опасные химеры «арийства». – ferghana.ru, 07.09.2010.
[47] iran.ru, 14.05.2010.
[48] Горский В. Ирано-таджикские отношения.
[49] http://avesta.tj/index.php?newsid=558
[50] Там же.
[51] http://avesta.tj/index.php?newsid=5335
[52] irna.ir, 27.01.2010.
[53] irna.ir, 18.10.2010.
[54] iran.ru, 13.08.2008.
[55] Мы поставили это слово в кавычки, ибо считаем, что три государственных языка этих стран – фарси, дари и таджикский – не могут считаться идентичными, накопив к настоящему времени достаточно отличительных черт и признаков, обладая особенностями во всех

ярусах языковой структуры – грамматике, фонетическом строе, лексическом составе, фразеологии. Вот личный пример: в мае 1988 г. автор этих строк в качестве переводчика присутствовал на беседе группы иранских активистов левых партий в ЦК компартии Таджикистана. Перед встречей было решено, что таджики и иранцы будут говорить на своих языках, ибо между носителями таджикского и фарси якобы нет языкового барьера. После первых же фраз, ввиду непонимания, было выражено обоюдное желание использовать при беседе перевод.

[56] Калишевский М. Таджикистан: Опасные химеры «арийства».

[57] Рахмонов Э. Точикон дар оинаи таърих. Таджики в зеркале истории. Tajiks in the reflection of history. – Душанбе, 1996.

[58] Калишевский М. Таджикистан: Опасные химеры «арийства».

[59] http://www.dw-world.de/dw/article/0,,5875761,00.html

[60] Там же.

[61] Озодагон (Таджикистан»), 13.08.2010.

[62] Afghanistan.ru, 27.03.2008.

[63] Независимая газета, 06.08.2010.

[64] http://www.tabnak.ir/fa/pages/?cid=16740, 28.08.2008.

[65] Afghanistan.ru, 28.03.2006.

[66] Умнов А. Афганистан: проблемы и перспективы. – iimes.ru, 28.10.2010.

[67] Великий Иран. – tjknews.com, 18.07.2010.

[68] Радио «Свобода», 6 октября 2010 г. – Цит. по:
http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1286569980

[69] irna.ir, 23.09.2010.

[70] ferghana.ru, 06.10.2010.

[71] Там же.

[72] http://izrus.co.il/dvuhstoronka/article/2010-01-08/8069.html

[73] avesta.tj, 11.09.2010.

[74] Там же.

[75] Там же.

[76] http://www.farsnews.net/newstext.php?nn=890407131, 27.06.2010.

[77] Там же.

[78] Новые Известия, 13.10.2010.

[79] Там же.

[80] http://www.farsnews.net/newstext.php?nn=8907080783, 29.10.2010.

[81] Там же.

[82] http://www.tabnak.ir/fa/pages/?cid=66579, 29.09.2009.

Глава 5

ИРАН – ТУРКМЕНИСТАН: ОБРЕЧЕННЫЕ ДРУЖИТЬ

Специфика взаимодействия

Туркмено-иранские отношения обладают четко выраженной спецификой. Если их сравнивать с узбекско-иранскими, то они демонстрируют большую открытость и искренность. По сравнению с казахстано-иранскими их отличает меньшая зависимость от позиций других партнеров по сотрудничеству. Они строятся на базе экономической необходимости, почти полностью игнорируя политические разногласия. Но есть и другое, более глубокое отличие. Оно заключается в том, что туркмено-иранская версия двусторонних отношений Ирана в центральноазиатском регионе предельно детерминирована взаимным влечением сторон в условиях неимения другого выбора. Обе страны обречены на крепкие двусторонние связи. Их необходимость диктуется соседством, наличием протяженной общей границы, традицией многовековой исторической, конфессиональной и цивилизационной близости. Цементирующим фактором является и наличие на севере Ирана компактных масс туркменского населения. Иран стремится к развитию отношений с Туркменистаном, надеясь усилить свои позиции в центральноазиатском регионе, имея при этом максимально прагматические цели – использовать на свое благо богатые запасы углеводородов этой страны, возможности торгового обмена и транзита в другие страны Центральной Азии.

Обе страны объединяет и то, что они в равной мере являются изгоями в современном мире. Такая изоляция стала своеобразным объединяющим моментом в сближении Ирана и Туркменистана. Для Ирана она объясняется перманентной конфронтационной политикой иранского руководства в период после победы в стране в начале 1979 г. исламской революции, восстановившей против себя большинство стран как ближневосточного региона, так остального мира. В свою очередь, изоляция Туркмении на международной арене в значительной

мере является проявлением невиданных в наше время тоталитарных тенденций, утвердившихся и постоянно углублявшихся покойным президентом страны Сапармурадом Ниязовым (1940–2006 гг.), принявшим титул Туркменбаши («отец туркмен»), а затем продолженных его преемником Гурбангулы Бердымухамедовым. Одно из самых влиятельных современных политологических изданий – журнал «Foreign Policy» – поместил в сентябре 2010 г. президента Г. Бердымухамедова, находящегося у власти 4 года, на пятую позицию в мировом рейтинге 40 диктаторов. Кстати, иранский президент Махмуд Ахмадинежад занял в этом же списке 8-е место. Изоляция Туркменистана заметна и внутри центральноазиатского региона, где он давно отстранился от своих соседей. Лишь в последнее время начинают нормализовываться отношения с Узбекистаном, руководство которого Туркменбаши в декабре 2002 г. обвинил в соучастии в подготовке заговора с целью устранения его от власти.

Отметим, что динамичные и довольно стабильные отношения Ирана с Туркменистаном на фоне явной пробуксовки или недостаточной динамичности в налаживании отношений ИРИ с такими центральноазиатскими лидерами, как Узбекистан или Казахстан, наглядно демонстрируют значительный потенциал Ирана в деле оказания всесторонней помощи новым независимым государствам региона. Для Туркменистана Иран является «одним из крупнейших экономических партнеров»[1], в сотрудничестве с которым реализовано или находится на стадии реализации около сотни крупных проектов, имеющих приоритетное значение для укрепления туркменской независимости. И все это – в условиях максимального взаимопонимания. Сам Туркменбаши выразил это в 2003 г. следующим образом: «У нас братские отношения с иранским народом... Мы не вмешиваемся в их дела, а они не вмешиваются в наши. У нас сложились доверительные отношения, лишенные взаимной подозрительности»[2]. Если в середине 1990-х гг. Иран занимал четвертое место в списке 63 стран – внешнеэкономических партнеров Туркменистана[3], то в 2006 г. он выдвинулся на второе, после России, место в товарообороте страны[4]. Что касается фактических объемов сотрудничества, то в 2008 г. товарооборот между Ираном и Туркменистаном составил 2,5 миллиарда долларов[5]. В 2009 г. он поднялся до 3,2 миллиарда долларов[6]. В 1998 г. в Туркменистане было зарегистрировано 88 иранских

фирм[7], а к 2005 г. их число составило 200[8]. Перевозку грузов в Туркменистан из Ирана за год осуществляют более 60 тыс. иранских грузовых автомобилей[9]. Впечатляют данные о иранской помощи соседней стране. Лишь за первое десятилетие сотрудничества с Ираном при техническом содействии этой страны в Туркменистане введены в строй такие важные для его экономики объекты, как трансформаторный завод в Ашхабаде, завод медицинских препаратов в Байрам-Али, комплекс по водоочистке в Мары, ирригационная плотина на р. Теджен, несколько комбинатов стройматериалов и др. Проекты туркмено-иранского технико-экономического сотрудничества позволили Туркменистану обзавестись самыми современными технологиями. В частности, в декабре 1997 г. при иранской помощи проложен туркменский участок трансазиатско-европейской волоконно-оптической линии длиной 715 километров. Это позволило стране значительно увеличить свои телекоммуникационные возможности. Сообщая об этом, иранская газета «Эттэлаат» подчеркнула, что на территории соседнего Узбекистана подобные работы проводила всемирно известная компания «Siemens», причем туркменский участок был сдан в эксплуатацию гораздо раньше узбекского. В начале 1998 г. было закончено строительство при иранской помощи важной для туркменской промышленности фабрики по обогащению каолина в окрестностях Ашхабада. На этом объекте Иран провел все строительные работы и предоставил на льготных условиях кредиты. Для Ирана такой объект был пилотным с точки зрения возведения промышленных объектов по принципу «под ключ» на всем постсоветском пространстве Центральной Азии.

Основой экономического развития Туркменистана являются его запасы углеводородных ресурсов. Основные разведанные на сегодня нефтяные и газовые месторождения содержат огромные запасы энергоносителей – 20 триллионов кубометров газа и 10–12 миллиардов тонн нефти. Прогнозируемые ресурсы туркменского шельфа на Каспии оцениваются в 6,5 миллиардов тонн нефти и 5,5 триллионов кубометров газа. Ежегодно в стране добывается 25 миллиардов кубометров природного газа[10]. По запасам энергоносителей Туркменистан занимает третье место в мире, и это обстоятельство выдвигает его в число ведущих экспортеров энергоносителей на мировые рынки. Страна входит в пятерку мировых лидеров в этой области, при этом за постсоветское время она сумела наладить

во все возрастающих размерах не только добычу природного газа, но и его дальнейшую переработку. Определенная еще в первые годы после обретения независимости стратегия развития нефтегазового комплекса Туркменистана исходила из необходимости переработки на месте с тем, чтобы экспортировать вторичные продукты переработки, а не сырую нефть и неочищенный природный газ. Это контрастирует с соседними странами – Ираном, где до сих пор ощущается нехватка мощностей нефтеочистительных заводов, и с Казахстаном, где за постсоветское время не возведено ни одного предприятия нефтеочистки. Туркменистан коренным образом модернизировал два нефтеперерабатывающих комплекса, один из которых в г. Туркменбаши (бывший Красноводск) стал образцом такого рода производств. Иранская национальная нефтяная компания приняла участие в работах по модернизации комплекса в Туркменбаши, построив там установку каталитического крекинга. Значительные объемы двустороннего сотрудничества с Туркменистаном связаны с иранской помощью в создании транспортной инфраструктуры, где самым важным объектом является введенная в эксплуатацию в мае 1996 г. железная дорога Теджен-Серахс-Мешхед, открывшая кратчайший путь из Центральной Азии в регион Ближнего Востока и на деле восстановившая Великий шелковый путь. Одна лишь эксплуатация этой железной дороги приносит Туркменистану ежегодный доход в 29 миллионов долларов. За период 1998–2006 гг. по ней перевезено более 14 миллионов тонн грузов, что пополнило казну Туркменистана на 218 миллионов долларов[11]. Успех этого проекта обусловил продолжение туркмено-иранского сотрудничества в транспортной сфере.

В Иране преподносят отношения с Туркменистаном как образец двустороннего сотрудничества в регионе, а СМИ афишируют их как беспрецедентные. Иран занимает стабильно главенствующее место среди зарубежных партнеров Туркменистана. По заявлениям иранских политиков, для их страны укрепление дружественных отношений с Туркменистаном стало одним из приоритетных направлений внешней политики[12]. В таком контексте вполне закономерно, что прежний президент Ирана Сейед Мохаммад Хатами свой первый международный визит нанес именно в Ашхабад. Его предшественник на этом посту Али-Акбар Хашеми-Рафсанджани встречался со своим туркменским коллегой 16 раз. Отношения с Туркменистаном

рассматривает как несомненно важные и нынешний глава исполнительной власти Ирана Махмуд Ахмадинежад, консервативная идеология которого остается в Туркменистане практически незамеченной. Еще перед выборами он заявлял, что в реализации своей внешней политики усилит внимание к своим соседям, в число которых как раз и входит Туркменистан. Во время своего визита в Ашхабад в июле 2006 г. Ахмадинежад заявил, что Иран не имеет никаких ограничений на развитие отношений с Туркменистаном, и его страна считает естественным приоритетом углубление и расширение всяческого взаимодействия со своим ближайшим соседом[13].

Статус в регионе

На развитие туркмено-иранских отношений положительно влияют такие стимулирующие факторы, как отработанная договорно-правовая база, налаженное банковское взаимодействие. Туркмено-иранские отношения регламентируются сегодня 160 договорами и соглашениями по широкому спектру направлений[14]. Немаловажным моментом является и довольно стабильная внутренняя ситуация в каждой из двух стран, что благоприятствует развитию транзитных операций через территории как Ирана, так и Туркменистана. Для Ирана немалый рациональный интерес представляет такая особенность международного статуса Туркменистана, как беспрецедентное в мировой практике объявление постоянного нейтралитета основой своей внешней политики. С инициативой придания своей стране такого статуса ее тогдашний президент Сапармурад Ниязов выступил в 1995 г. на саммите стран-членов ЭКО в Исламабаде. Затем, в декабре того же года, была выпущена резолюция Совета Безопасности ООН, зафиксировавшая этот статус. К настоящему времени такой статус Туркменистана признан практически всем мировым сообществом. Чисто прагматически нейтральный статус Туркменистана помогает его лидерам умело лавировать между Востоком и Западом, «...не боясь вызвать раздражение сильной и авторитетной Америки»[15]. В самом Ашхабаде считают, что статус постоянного нейтралитета эффективно способствует экономическому прогрессу страны, ее динамичному вхождению в ряды развитых государств мира[16]. В реализации политики постоянного нейтралитета для

президента С. Ниязова имелись большие возможности избежать критики извне по поводу его абсолютной личной власти, подавления минимального проявления инакомыслия. В этой связи туркменскому лидеру удалось практически закрыть страну от внешнего мира, ограничив въезд в нее лишь высшим руководителям и бизнесменам и сведя к минимуму обсуждение вопросов внутриполитической ситуации в стране. Как ни странно, большинство жителей страны не испытывает от этого существенных неудобств. Согласно данным всемирного опроса Gallup, Туркменистан в 2010 г. вошел в первую двадцатку самых счастливых стран мира, оставив позади государства СНГ, а также многие промышленно развитые страны Европы, такие как Германия и Франция. Туркмения заняла в этом опросе 18-е место, рядом с Великобританией, Мексикой и Объединенными Арабскими Эмиратами. По данным опроса, 52% туркменских респондентов признались, что абсолютно счастливы, и лишь 1% заявил, что страдает. Исследователи из Gallup с 2005 по 2009 годы опросили тысячи граждан в 155 странах мира. Их интересовали вопросы об удовлетворенности жизнью в целом, а также о том, какое настроение было у респондента накануне. Кроме того, опрашиваемые оценивали, насколько они чувствуют себя отдохнувшими, здоровыми, уважаемыми в обществе и интеллектуально увлеченными[17].

Нейтральный статус Туркменистана, однако, не мешает ему принимать деятельное участие в решении тех региональных проблем, которые находятся в сфере его жизненных интересов. Так, известна его активность в урегулировании афганской и таджикской проблем. Способствуя выходу из кризиса на этих направлениях, Ашхабад признавал лидерство в этом вопросе Тегерана и предоставлял ему значительные посреднические услуги. В Иране достаточно высоко оценили проведение в Ашхабаде Международной конференции по оказанию помощи афганским беженцам в 1997 г., приветствовали приглашение тогда же в туркменскую столицу участников межтаджикских переговоров, что позволило существенно продвинуть поиск и нахождение путей взаимопонимания.

Нейтральный статус Туркменистана причудливым образом преломлялся в его взаимоотношениях с фундаменталистским движением талибов в Афганистане. Поначалу он поддерживал противостоящий талибам Северный альянс, когда его лидер генерал Абдурашид Достум был в состоянии обеспечить безо-

пасность афгано-туркменской границы. В этом он находил полное взаимопонимание с иранским руководством, немедленно увидевшим в талибах своих конкурентов в борьбе за региональное влияние. Однако уже осенью 1996 г., когда талибы реально стали наиболее влиятельной военно-политической силой в Афганистане, С. Ниязов пошел с ними на сближение. Вплоть до 2001 г., когда все мировое сообщество занимало по отношению к движению талибов позицию осуждения, президент Туркменистана поддерживал с ними конструктивные деловые отношения и даже открыл Генеральное консульство в Герате – важнейшем центре северо-западного Афганистана. В пределах СНГ такое положение не имело более прецедента. Да и на мировом уровне это было достаточно редким феноменом, потому что единственным реальным зарубежным партнером талибов, кроме Туркменистана, оставался Пакистан. Причина была довольно прозаическая и лежала в экономической сфере – еще в декабре 1997 г. Туркменистан вместе с американской компанией «Юнокал» подписал договор по формированию консорциума на строительство газопровода из Туркмении в Пакистан через афганскую территорию.

Фактически бойкотировав саммит по противодействию угрозе экспансии талибов в центральноазиатский регион, проходивший в Алматы в октябре 1996 г., в котором наряду с государствами региона участвовали Россия и Иран, Туркменистан противопоставил себя согласованной линии этих стран, рассматривавших талибов как угрозу безопасности региона. Его не останавливало даже то, что резолюция Совета Безопасности ООН ввела жесткие санкции против режима талибов. В тот период С. Ниязов оправдывал свою позицию тем, что, на его взгляд, талибы являлись влиятельной интегрирующей и стабилизирующей силой, которая была способна преодолеть раскол Афганистана по этническому принципу. Взяв за основу экономические приоритеты, Туркменбаши стремился наладить диалог с талибами, невзирая на то, что все страны региона поддерживали идею международной изоляции этого фундаменталистского режима. В частности, в 1998 г. была образована трехсторонняя комиссия с участием талибов, Туркменистана и Пакистана для реализации проекта прокладки газового трубопровода от туркменского месторождения Довлетабад до пакистанского города Мултана через афганскую территорию. На его взгляд, проект был выгоден всем сторонам и мог способство-

вать установлению мира в Афганистане. Действительно, с прокладкой газопровода Туркменистан получил бы емкий рынок Пакистана, Афганистану достались бы серьезные доходы от транзита и частичное решение проблемы занятости во время сооружения магистрали. Пакистан получил бы возможность гарантированного обеспечения энергоносителями на длительный срок. Естественно, Иран отнесся к этому проекту крайне отрицательно: с его потенциальной реализацией возникла бы альтернативная транспортная артерия, противоречившая иранским интересам в свете начинавшегося в те годы сотрудничества по строительству магистрального газопровода в Индию. Однако существует еще одно объяснение, оправдывавшее тесные связи Туркменбаши с талибами. Туркменистану было невыгодно конфронтировать с силами талибов, ибо это могло дестабилизировать ситуацию внутри своей страны. Дело в том, что вооруженные силы Туркменистана находились в те годы на этапе становления, и конфликтная ситуация на границе отнюдь не отвечала его национальным интересам. Временное сближение с талибами, тем не менее, сказалось на отношениях между Ираном и Туркменистаном. Темпы сотрудничества несколько снизились[18], что косвенно подтверждается, помимо всего прочего, свертыванием программ подготовки иранистов в вузах Ашхабада. Так, в созданном при иранском содействии Свободном университете в 1996 г. было набрано 20 студентов для обучения персидскому языку. Затем, совпав по времени с началом поддержки Туркменистаном режима талибов, прием на это отделение вообще прекратился и только в 2000 г. был возобновлен, но в уменьшенном количестве. Подобная же картина наблюдалась и в другом столичном вузе – университете им. Махтумкули[19]. В 1998 г. был даже временно отозван иранский посол в Ашхабаде.

В структуре международных предпочтений Туркменистана приоритетное место занимают отношения с Россией, Ираном и Турцией. С. Ниязов неоднократно заявлял о желании его страны иметь хорошие отношения на равноправной основе с этими тремя странами, базирующиеся на взаимных интересах и уважении. И хотя в 2004 г. был определенный кризис в российско-туркменских отношениях, связанный с ущемлением прав проживающего там русскоязычного населения, интересы сотрудничества в главной сфере взаимодействия двух стран – газовой «...оказались важнее»[20]. Что касается Турции, то с ней

Туркменистан связывают отношения долгосрочного стратегического партнерства, во многом основывающиеся на факторе пантюркизма. Их объединяет единая точка зрения по многим ключевым вопросам международной политики. Политика президента С. Ниязова во-многом может быть охарактеризована как протурецкая. Он позволял даже многим турецким гражданам работать в государственном аппарате, назначал их советниками и заместителями министров. По числу зарубежных компаний, действующих в Туркменистане, турецкие занимают первое место. Это же касается и работающих в стране турецких предпринимателей, число которых превышает 15 тысяч человек. Из европейских стран наиболее динамичные отношения связывают Туркменистан с «евротройкой» – Германией, Францией и Великобританией. Что касается США, то они в начале 90-х гг. в течение ряда лет дистанцировались от Туркменистана, мотивируя это имеющимися в этой стране нарушениями прав человека. После визита в 1992–1993 гг. тогдашнего Госсекретаря США Дж. Бейкера и специального Посланника С. Талботта США приняли даже решение отказать Туркменистану в кредитах. К настоящему времени, тем не менее, нельзя говорить о том, что кризис полностью преодолен и двухсторонние связи приобрели должную динамику. Вместе с тем туркмено-американские отношения имеют определенную динамику развития в самой перспективной сфере – нефтегазовой. Учитывая все возрастающее геополитическое и геоэкономическое значение Туркменистана, можно уверенно прогнозировать его постепенное выдвижение в качестве одного из важнейших американских партнеров в центральноазиатском регионе. Это не снимает, однако, озабоченности американцев в отношении того, что инвестиционный климат в Туркменистане недостаточно благоприятен для США. Америку беспокоит и чрезмерное государственное участие в туркменской экономике, коррупция, слабое корпоративное управление, не до конца отработанная правовая база по вопросам собственности, отсутствие существенных экономических реформ. Ведущий аналитик США по постсоветскому пространству Ариэль Коэн приводит предупреждение Госдепартамента США о том, что по Туркмении зафиксировано «...немало случаев конфискации собственности... иностранных инвесторов, без всяких объяснений»[21].

Что касается Ирана, то его эти обстоятельства не беспокоят, а приводимые США факты отсутствия демократии и на-

рушений прав человека оставляют совершенно безучастным. Обе страны по этим параметрам близки друг другу: ежегодный доклад Human Rights Watch, опубликованный в январе 2007 г., назвал Туркменистан одним из самых репрессивных режимов в мире, а Иран (вместе со странами Центральной Азии) подверг резкой критике в связи с ухудшением ситуации с правами человека и подавлением свободы прессы[22]. Подобное отмечено и в докладе за 2009 г.[23] Основу же их отношений составляет взаимодействие в торгово-экономической сфере, поэтому развитие туркмено-иранских отношений идет практически по восходящей линии, претерпев за истекшие почти двадцать лет большой качественный и количественный рост. Для торгово-экономического сотрудничества характерен быстрый темп развития, причем иранский экспорт в Туркменистан всегда значительно превышал импорт. Что касается структуры иранского экспорта, то в первый год реализации двусторонних отношений, в 1992 г., ИРИ экспортировала в Туркменистан большой ассортимент предметов ширпотреба, свежие и консервированные фрукты, продовольствие, а импорт составили цемент, асбест, металл, сельскохозяйственная техника. С развитием двусторонних отношений претерпевает развитие и усложнение структуры экспортно-импортных операций, последовательный отказ от их сырьевых составляющих. Объемы иранского экспорта в Туркменистан за 1992–1994 г. выросли с 34,9 тысяч долларов до 66,3 миллиона долларов, туркменского в Иран – с 18,4 тысяч долларов до 32,4 миллиона долларов. В 2004 г. товарооборот между двумя странами, по заявлению тогдашнего иранского посла в Ашхабаде Али-Резы Ансари, достиг 600 миллионов долларов[24], а в 2006 г. превысил отметку в 1,4 миллиарда долларов[25], продолжая расти.

Реалии сотрудничества

Нефтегазовая сфера реально стала приоритетным направлением сотрудничества с Ираном. Иран с самого начала приобретения Туркменистаном независимости стал основным импортером нефти соседней страны. Его доля в 1997 г. достигла 52%[26], продолжая неуклонно подниматься. В июле 1998 г. во время очередного визита С. Ниязова в Тегеран было подписано соглашение о транспортировке туркменистанской нефти

в иранские порты Персидского залива[27]. Иранские фирмы активно участвуют в разведке и бурении скважин, выиграв в ряде проведенных с этой целью международных тендеров. Так, компания «Iran Khazar», выиграв тендер на контракт стоимостью 25 миллионов долларов, проводит с 1998 г. работы как в прибрежной, так и оффшорной зонах в районе порта Туркменбаши в кооперации с малайзийской компанией «Petronas»[28]. При этом время от времени, особенно в последние годы правления Туркменбаши, происходило вытеснение из страны западных нефтяных компаний. Предъявляя им претензии в низких темпах наращивания добычи нефти, С. Ниязов расторг контракты с рядом таких ведущих мировых компаний, как «Эксон», «Ласмо», «Бридас», «Драгон-Ойл». Такое положение дает надежду иранским компаниям, но до настоящего времени они не сумели занять образовавшуюся нишу. Пока же работы по расторгнутым контрактам завершает государственная компания «Туркменнефть».

Сотрудничество с Ираном, официально декларируемое Туркменистаном как взаимовыгодное и равноправное, открыло Туркменистану широкие возможности экспорта газа как в эту страну, так и транзитом через иранскую территорию в страны Средиземноморья, Европу, а через иранские порты Персидского залива – и в регион Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. Иранский «коридор» позволил ликвидировать монополию России в транзите туркменского газа и реально выйти на газовый рынок вне постсоветского пространства. Это было необходимо потому, что Россия частично вытеснила Туркменистан с газового рынка СНГ. Кроме того, для Туркменистана вряд ли был приемлем базовый посыл сотрудничества с Россией в этой области, которое, по словам бывшего руководителя «Газпрома» Р. Вяхирева, было направлено на то, чтобы спасти его граждан от голодной смерти.

Реализуя открывшиеся возможности сотрудничества в нефтегазовой сфере, осенью 1996 г. Иран и Туркменистан начали строительство газопровода Корпедже-Курдкуй длиной 200 километров, который в первые годы после пуска в эксплуатацию пропускал в год 6 миллиардов кубометров газа. Это ликвидировало монополию России на газопроводы в этом регионе, и в этом заключается его главное политическое значение. К 2006 г. его пропускная способность выросла до 12 миллиардов кубометров. Согласно договоренности, достигнутой летом 2007 г. в хо-

де визита Бердымухамедова в Тегеран, этот объем возрастет до 14 милллиардов [29]. Иран обеспечил основное – примерно на 80% – финансирование этого проекта стоимостью почти в 200 миллионов долларов и обязался покупать транспортируемый газ в течение ближайших 25 лет после его запуска. Туркменистан произвел расчеты с Ираном путем бесплатной поставки газа в течение первых трех лет. Проект Корпедже-Курдкуй выгоден и Ирану, ибо в первые годы после пуска трубопровода туркменский газ был значительно дешевле иранского и позволял экономить в год примерно 500 миллионов долларов. Стремясь закрепиться в нефтегазовом секторе Туркменистана, Иран пошел даже на то, чтобы политизировать импорт газа из этой страны, покупая газ, идущий по нефтепроводу Корпедже-Курдкуй по завышенной цене – 42 доллара за тысячу кубометров[30]. По данным министерства нефтегазовой промышленности Туркменистана, в 2005 г. объем поставок газа в Иран составил 5,8 миллиарда кубометров, а в 2006 г. поднялся до 8 миллиардов тонн[31]. После пуска в эксплуатацию в сентябре 2005 г. новой мощной компрессорной станции пропускная способность трубопровода резко возросла, и в апреле 2006 г. было подписано ирано-туркменское соглашение о сотрудничестве в газовой отрасли, по которому в 2007 г. экспорт газа в Иран было предусмотрено поднять до 14 миллиардов кубометров[32]. Эти цифры не представляются нам реальными, ибо, по сообщению Государственного концерна «Туркменнефть», в первом полугодии 2010 года поставлено в Иран 2,7 миллиарда кубометров газа. По данным того же источника, это почти на 800 миллионов кубометров больше, чем за соответствующий период 2009 г. Обратим внимание и на то, что с начала 2010 г. Туркменнефть добыла в пределах 5 миллиардов кубометров газа[33]. Тегеран стремится стать транзитным узлом и экспортером энергоносителей и в страны Европы.

Эти планы нашли подкрепление в заключенном 14 февраля 2010 г. соглашении, по которому Туркменистан обязался направить на экспорт в Иран еще 10 миллиардов кубометров туркменского газа[34]. Реализация будет осуществлена путем прокладки через иранскую и турецкую территории транзитного газопровода в Европу как продолжения магистрали Корпедже-Курдкуй. Такой газопровод максимально выгоден всем сторонам, ибо откроет Туркменистану богатый западный рынок, позволит Ирану избежать американских санкций по сделкам

в нефтегазовой области и, что немаловажно для Ирана, создаст стабильный аспект в постоянно вибрирующем балансе ирано-турецких отношений. Детали проекта были обсуждены во время визита в Ашхабад еще в 1997 г. тогдашнего главы иранского МИДа К. Харрази, а соглашение о начале подготовки технико-экономического обоснования было достигнуто во время трехсторонней встречи в Ашхабаде в декабре того же года с участием премьер-министра Турции М. Йилмаза и президента ИРИ С.М. Хатами. Стоимость трубопровода составит 1,6 миллиарда долларов, длина – около 3 тысяч километров, а пропускная способность запланирована на 30 миллиардов кубометров газа в год. В 2009 г. было завершено строительство второго газопровода Туркменистан-Иран, о важности которого можно судить хотя бы потому, что об этом факте с гордостью сообщил президент Туркменистана в своем выступлении на 65-й сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций в Нью-Йорке 20 сентября 2010 г., расценив его как «реальный вклад в налаживание международного энергетического сотрудничества, действенный стабилизирующий фактор, способный оказывать позитивное воздействие на общую обстановку, придать дополнительную устойчивость всей системе политических и экономических связей на Азиатском континенте»[35]. Его протяженность 30,5 километра. Новая газовая магистраль позволит увеличить поставки туркменского природного газа в Иран с нынешних 8 миллиардов кубометров до 14 миллиардов, а затем и до 20 миллиардов кубометров газа в год. Выступая на церемонии, Бердымухамедов отметил, что новый трубопровод показывает возможности двух стран в финансировании и возведении столь мощных в экономическом и сложных в научно-техническом отношении сооружений. Иранский президент отметил, что запуск нового газопровода станет хорошим стимулом для развития газового сотрудничества между Туркменией и Ираном и транспортировки туркменского газа через Иран в регион Персидского залива и на мировые рынки. После выведения на полную мощность этого трубопровода поставки газа из Туркменистана в Иран достигнут 40 миллионов кубометров в день.

Обе страны сотрудничают и в сфере создания общей энергосистемы. В 1998 г. начато проектирование, а затем и строительство линии электропередач из г. Балканабата (бывший Небитдаг) до иранского г. Алиабад. 1 июня 2003 г. Туркме-

нистан начал экспорт энергии по этой ЛЭП длиной 270 километров. В первый год эксплуатации ЛЭП в Иран было поставлено 640 миллионов киловатт-часов электроэнергии по чрезвычайно низкой для Ирана цене – 2 цента за 1 киловатт-час. Соглашение о поставках электроэнергии в Иран подписано на 25 лет и принесет Туркменистану ежегодно доход в размере 120 миллионов долларов. Кроме этой ЛЭП, Туркменистан начал строительство ЛЭП из Мары в иранский город Мешхед. С пуском ее в эксплуатацию Иран сможет ежегодно получать от Туркменистана 2,4 миллиарда киловатт-часов электроэнергии[36]. Для реализации таких планов у страны есть серьезные возможности: в соответствии с Национальной программой социально-экономического развития Туркменистана на 2011–2030 гг., производство электроэнергии в стране достигнет 25,5 миллиарда киловатт-часов в год, а ее экспорт возрастет до более чем 11 миллиардов киловатт-часов в год[37].

Факторы напряженности в двусторонних отношениях

В Туркменистане отчетливо осознают роль Ирана как авторитетной региональной державы, оказывающей активное и мощное, хотя часто негативное, воздействие на мировые политические процессы. В Ашхабаде стараются абстрагироваться от таких составляющих иранской политики, как поддержка терроризма на международном уровне и активное продвижение программы разработки и производства оружия массового поражения, в том числе неконвенционального. Там не придают особого значения высказываемым время от времени иранским руководством «советам», кого Туркменистану следует держать в своих партнерах, а от кого отказываться. Так, во время визита С. Ниязова в Тегеран в июле 1998 г. религиозный лидер ИРИ аятолла Али Хаменеи, обращаясь к нему, сказал: «Туркменистан не нуждается в израильтянах, нам с вами следует обратить внимание на то, что где бы ни появлялись эти сионисты, они сеют раздор»[38]. Президент С. Ниязов, однако, никак не реагировал на подобные призывы. Более того, именно руководителя израильской компании «Мерхав» Йоси Маймана С. Ниязов назначил своим генеральным представителем по контролю над реализацией ряда важных проектов в нефтегазовой сфере общей сметной стоимостью более миллиарда

долларов, часть из которых реализовывалась при участии иранских фирм. В любом случае, такое высказывание показывает, что развитие отношений Туркменистана с Израилем вызывает крайнее неудовольствие иранского руководства. В Ашхабаде, однако, считают, что сотрудничество с Израилем в реализации проекта реконструкции газовой инфраструктуры страны было очень успешным. Сам С. Ниязов неоднократно заявлял о стремлении его страны шире использовать опыт Израиля в создании и использовании высоких технологий, в том числе в сфере углеводородных ресурсов[39]. Имеются и другие сферы сотрудничества, в частности, по линии Центра международного сотрудничества и помощи (МАШАВ) МИД Израиля. Так, за последние годы в рамках разных программ МАШАВа в Израиле прошли подготовку на различных курсах 25 специалистов из Туркменистана. Их подготовка касалась таких сфер, как сельское хозяйство, частное предпринимательство, наука и технологии. Всего же в рамках программ МАШАВа в 1993–2008 годах в Израиле прошли обучение 79 специалистов из Туркменистана[40]. Сам нынешний президент Туркменистана Г. Бердымухамедов, вслед за своим предшественником С. Ниязовым, уделяет внимание изучению израильского опыта в таких сферах, как медицина, сельское хозяйство, использование водных ресурсов. Еще будучи министром здравоохранения (1997–2006) он посещал Израиль, где ознакомился с работой ряда крупных медицинских центров. А буквально через два месяца после вступления в должность президента он отправил в Израиль сразу трех своих министров – здравоохранения, образования и хлопководства – «в целях изучения передового опыта»[41].

Попытки негативно воздействовать на отношения Туркменистана с Израилем и помешать их развитию активно предпринимает нынешний иранский президент М. Ахмадинежад. Они вписываются в радикализацию внешнеполитического курса Ирана, проводимую командой нынешнего президента М. Ахмадинежада. В самом Туркменистане в последнее время заметна готовность к наполнению новым, более конструктивным содержанием своих отношений с Израилем. Аналитики связывают это с курсом нового президента, направленным на преодоление международной изоляции Туркменистана и активизацию связей с Западом. Как писал в июле 2010 г. израильский интернет-портал IzRus, «...хотя Туркменистан пока не спешит принимать ...израильского посла, с приходом к власти в начале

2007-го 49-летнего президента Бердымухамедова Ашхабад в целом проявляет сдержанную готовность к оживлению отношений с Иерусалимом». Действительно, в последнее время заметны индикации к интенсификации двусторонних отношений. Реализуется обмен делегациями, в том числе на уровне министров. Новый глава туркменского государства на встрече с главой израильской компании «Мерхав» Й. Мейманом в июне 2007 г. дал понять, что в его планах повысить уровень сотрудничества. Израильские компании стали допускаться к участию в тендерах на поставки техники. Израиль видит положительные индикации и в том, что в прошлом году из Туркменистана возобновилась репатриация евреев. Эти тенденции совпадают с планами Израиля интенсифицировать и углубить отношения с государствами Центральной Азии.

Такую линию взял в качестве одной из приоритетных задач израильской внешней политики новый глава МИДа, выходец из бывшего СССР Авигдор Либерман. По данным того же интернет-портала IzRus, еще в апреле 2009 г. А. Либерман договорился об открытии посольства в Ашхабаде с руководством Туркменистана. В мае начались организационные приготовления к открытию нового дипломатического представительства. 13 мая это подтвердила выходящая в Тель-Авиве газета «Маарив». Интерес к этому факту подогревался значением, которое имеет Туркменистан на глобальном энергетическом рынке, геополитическим статусом этой страны, расположенной у северо-восточных границ Ирана. Хотя с начала 1990-х гг. обе страны установили дипломатические отношения, обмена посольствами до сих пор не происходило. МИД Туркменистана традиционно возлагал обязанности по осуществлению связей с Израилем на посла в Турции. Что касается Израиля, то за данный сегмент отношений все эти годы отвечают послы-нерезиденты, постоянно работающие в центральном аппарате МИДа в Иерусалиме. До настоящего времени послом-нерезидентом в Туркменистане является глава отдела Центральной Азии и Южного Кавказа Шеми Цур, выходец из Иранского Азербайджана, лишь в апреле 2009 г. вручивший верительные грамоты председателю туркменского парламента Акдже Нурбердыевой. В июле 2009 г. была объявлена фамилия первого постоянного израильского посла-резидента. Планировалось, что им станет кадровый военный Реувен Дин-Эль. Именно он заложил основы сотрудничества между Моссадом и спецслужбами стран

СНГ, является достаточно авторитетным специалистом в сфере борьбы с исламским фундаментализмом, имеет большие связи в руководстве республик Центральной Азии. Сам выбор Дин-Эля на должность израильского посла и приближающееся открытие посольства в Ашхабаде свидетельствуют о серьезном подходе к деятельности дипмиссии в Туркменистане, стремлении Иерусалима обозначить важность развития и углубления диалога с мусульманскими государствами СНГ, приоритетности задачи снижения там иранского влияния. Однако такая активность сталкивается с растущей озабоченностью иранского руководства. В апреле 2019 г. деятельность израильского МИДа на центральноазиатском направлении стала предметом дискуссий в иранском парламенте. Либермана объявили главным виновником активизации израильтян в мусульманских республиках СНГ, находящихся по соседству с Ираном[42]. На приближающееся открытие израильского посольства в Туркменистане отреагировал начальник Генштаба Вооруженных сил Ирана генерал Хасан Фирузабади, призвавший Ашхабад предотвратить открытие этой дипмиссии, ибо ее главная задача якобы заключается в подготовке «диверсантов против Ирана». «Мы предпринимаем все меры, чтобы ограничить влияние сионистов на соседние с Ираном государства, в частности, на Туркменистан и Азербайджан», – заявил Фирузабади[43]. Беспокойство иранского руководства вызвало и намерение назначить послом в Ашхабаде бывшего военного, в прошлом связанного с израильской разведкой Моссад. Данный вопрос даже поднимался в ходе визита М. Ахмадинежада в Туркменистан в январе 2010 г. Не желая провоцировать обострение отношений между Ираном и Туркменистаном, в Израиле проявили понимание ситуации, в результате чего было решено произвести другое назначение на должность посла в Ашхабаде[44].

Есть еще один аспект изредка возникающей напряженности в двусторонних отношениях. С самого начала становления туркмено-иранского сотрудничества Иран делал определенные ставки на ислам в качестве интегрирующего фактора, избегая в то же время открыто пропагандировать идеи экспорта исламской революции. Разумеется, в Иране понимали, что за годы советской власти менталитет туркмен, исповедующих суннитский ислам, претерпел основательную секуляризацию, которая была навязана господствовавшей в СССР политикой поголовной атеизации. В этой связи Тегеран возлагал определенные

надежды на происходящие здесь, как и в других государствах исламского ареала постсоветского пространства, процессы оживления религиозной жизни. Однако Туркменистана исламское возрождение коснулось гораздо меньше, чем его соседей – Узбекистан и Таджикистан. Но в любом случае и здесь были налицо внешние приметы оживления религиозной жизни, отражающиеся в увеличении числа мечетей, включении основ ислама в школьные образовательные программы, повсеместном изучении Корана, зарождении системы религиозного образования. В советское время в республике действовали лишь четыре мечети, причем ни одна из них не была расположена в Ашхабаде[45]. Уже в конце 1990 г. в республике функционировало 52 мечети, в том числе несколько – в столице. С обретением страной независимости наступил своего рода бум строительства культовых зданий ислама, поощрявшийся властями, видевшими в религии одну из опор государственности и стабильности, гражданского согласия в обществе. К настоящему времени в Туркменистане действует примерно 500 мечетей, что сопоставимо с дореволюционным периодом, когда их количество составляло 444[46]. В середине 1990-х гг. в Ашхабаде открылась и шиитская мечеть, построенная иранцами, число которых, приезжавших на короткое и длительное время в Ашхабад, было достаточно велико. Однако бурный рост количества мечетей не сопровождался таким же увеличением их посещаемости. На ежедневные и даже пятничные молитвы приходит весьма ограниченное количество верующих. Так, в рассчитанной на пять тысяч верующих и являющейся одной из самых больших в стране мечетей – Геок-тепе под Ашхабадом, носящей имя президента и построенной в его честь, в один из дней в июле 1997 г. молилось всего семь верующих[47]. В связи с потребностью подготовки кадров священнослужителей в стране в начале 1990-х гг. были открыты теологический факультет в столичном университете и ряд медресе на периферии. Свое уважение к религии продемонстрировал и президент С. Ниязов, совершивший в начале 1990-х гг. паломничество (хадж) к святым местам ислама в Мекке. Однако политизации ислама здесь ждать не приходилось. Сам туркменский президент был не склонен драматизировать для своей страны фундаменталистскую угрозу, заявив, что не видит у себя в стране почвы для восприятия идей исламского экстремизма. Несмотря на это, с середины 1990-х гг. С. Ниязов прибег к политике жесткого ог-

раничения и всеобъемлющего государственного регламентирования религиозной жизни, что вызывало явное неудовольствие иранских религиозных деятелей[48]. В Иране предпочитают не вмешиваться в такие коллизии, чтобы не осложнять двухсторонние отношения. Так, для иранского религиозного истеблишмента был сродни религиозной ереси тот факт, что президент Туркменистана объявил себя пророком Аллаха. В Кипчаке – родном селении президента под Ашхабадом – воздвигнута самая большая в стране мечеть с громадным золотым куполом. Стены ее, вместо сур из Корана украшены цитатами из произведения Туркменбаши «Рухнаме». Это привело к тому, что истинные мусульмане уклоняются от ее посещения[49].

Неудовольствие иранского руководства вызывает тотальный государственный контроль над религиозной жизнью Туркменистана. Так, верховный муфтий этой страны одновременно является заместителем председателя Генеша (Совета) по делам религий при президенте. Это означает, что человек, занимающий такой пост, автоматически становится высокопоставленным государственным чиновником, а вся деятельность религиозных институтов подконтрольна светским властям. Один из предыдущих муфтиев – Насруллах ибн-Ибадуллах – отказался признать С. Ниязова посланником Всевышнего, за что лишился своего поста и вынужден был бежать за границу[50]. Подобная же участь постигла переводчика Корана на туркменский язык Ходжаахмет-ахуна, высланного вместе с семьей из Ашхабада в сельскую местность. Однако его изгнание по приказу президента сопровождалось тем, что все экземпляры переведенного им Корана были собраны и сожжены. Это вызвало возмущение мусульман как внутри страны, так и за ее рубежами, в том числе – в Иране.

С приходом к власти в 2007 г. президента Г. Бердымухамедова появились надежды на ослабление давления и контроля над религиозными организациями Туркменистана. Однако, похоже, что на этом пути будет много барьеров. Более того, независимые источники доказывают, что власти страны разрабатывают пакет мер по установлению еще большего контроля над религиозными организациями, аргументируя это опасениями развития религиозного экстремизма. Они включают создание базы данных верующих и лиц, практикующих религию, по всему Туркменистану, установку видеокамер во всех мечетях, изучение отношения каждого гражданина к религии и уста-

новление его степени религиозности[51]. Ожидаемого возобновления работы закрытого С. Ниязовым в 2005 г. теологического факультета в столичном университете не случилось. Соответствующие предметы исламского цикла изучаются ныне на историческом факультете, где обучается всего 50 студентов. Иранский религиозный истеблишмент, тем не менее, дистанцируется от вмешательства в исламскую религиозную жизнь в Туркменистане, хотя иранская пресса неоднократно писала о репрессиях против мусульманского духовенства в этой стране[52]. Контакты в религиозной сфере, однако, поддерживаются. Так, в феврале 1997 г. в Национальной библиотеке в Ашхабаде была проведена выставка изданий Корана на разных языках, организованная посольством ИРИ в Туркменистане.

Наличие стабильных отношений Туркменистана с США является еще одним фактором, вызывающим неудовольствие и раздражение иранских партнеров. После поездки президента С. Ниязова в США в апреле 1998 г. он стал сторонником более тесного сближения с Западом. Все минувшие с того времени годы США постепенно укрепляют свои позиции в этой геополитически важной стране центральноазиатского региона. Развивается и торговля, в структуре которой значительное место занимает поставка техники, в том числе сельскохозяйственной. Так, в 2006 г. лишь тракторов и комбайнов в США было закуплено на сумму 50 миллионов долларов[53]. Задачей политической активности США в этой стране является возможная нейтрализация иранского влияния. Однако США ныне сотрудничают с Туркменистаном и в тех сферах, где уже налажено взаимодействие с Ираном. Влияние такого конкурирующего сотрудничества заметно проявлялось на конкретных примерах. Когда в декабре 1997 г. проходил пуск в эксплуатацию иранотуркменистанского газопровода Корпедже-Курдкуй, президент С. Ниязов заявил, что иранский маршрут является самым экономически выгодным путем экспорта туркменистанских энергоносителей на Запад. После поездки туркменского лидера в США его взгляды на эту проблему претерпели радикальное изменение: он стал твердым сторонником прокладки трубопровода по дну Каспия. Это определило очаг серьезной напряженности в отношениях с Ираном, что вполне естественно, ибо этой стране было экономически и политически невыгодно наличие еще одного транспортного коридора для экспорта туркменских энергоносителей с участием страны, декларированной Ираном

в качестве вражеского государства. Иран заявил тогда о том, что каспийский вариант требует значительных капиталовложений и не сулит быстрой окупаемости, как в варианте по маршруту Туркменистан-Иран-Турция – Западная Европа. Тегеранская газета «Абрар» предостерегала: «Туркменистан должен помнить, что любое участие некаспийских государств в проектах транспортировки энергоносителей сулит лишь сиюминутные экономические выгоды, а в перспективе способно создать лишь проблемы»[54]. Самому С. Ниязову приходилось лавировать между Востоком и Западом, поэтому в одном из заявлений он предпочел назвать каспийский маршрут *одним* из возможных вариантов. Ирану также невыгодно обострять отношения с одним из своих приоритетных партнеров. В Тегеране рассчитывают на то, что в случае успешного продвижения сотрудничества с Западом его территория станет одним из транзитных маршрутов экспорта туркменского газа на Запад. Именно поэтому Ирану приходилось мириться и с военным сотрудничеством Туркменистана с Западом, в частности, его решением об участии в программе НАТО «Партнерство ради развития», с активной деятельностью в областях Туркменистана волонтеров американского Корпуса мира. Впрочем, недовольство Ирана контактами Ашхабада с Западом в сфере безопасности иногда прорывается наружу: перед первым своим визитом в Ашхабад летом 1997 г. новоизбранный президент ИРИ С.М. Хатами заявил на пресс-конференции в тегеранском аэропорту Мехрабад: «Мы должны сами обеспечивать безопасность региона, дабы не создавать поводов для проникновения сюда чужаков»[55]. Предметом беспокойства Ирана являлась в течение многих лет и пантуркменская ориентация президента С. Ниязова, его претензии на руководство туркменами всего мира, выразившиеся в присвоении себе титула Туркменбаши («отец всех туркмен»). При наличии на территории Ирана, по ту сторону туркмено-иранской границы значительного массива туркменского населения, противостоящего основной массе населения Ирана по принадлежности к суннизму ханифитского толка, такая политика туркменского лидера подпитывала сепаратистские настроения на иранском севере. Однако сам Туркменбаши, не желая провоцировать такие настроения, всячески дистанцировался от контактов с туркменской диаспорой Ирана и уклонялся от встреч с ее представителями во время своих многочисленных визитов в соседнюю страну[56].

Что изменил уход Туркменбаши?

В последние годы стало заметным начало новой большой геополитической игры за туркменские газовые ресурсы. Россия, которая до последнего времени была для Европы главным поставщиком газа, постепенно теряет свою репутацию надежного делового партнера. Используя поставки газа как фактор политического нажима, Россия пытается повысить свой имперский статус, но одновременно вынуждает Запад серьезно задуматься над поиском альтернативы. По многим параметрам проще всего искать замену российскому газу именно в Туркменистане. Следовательно, Западу придется интенсифицировать свои усилия по поиску путей взаимопонимания с новым туркменистанским руководством.

Вряд ли это вызовет негативные коллизии в туркмено-иранских отношениях. Иран политически не заинтересован в ухудшении отношений с Туркменистаном, которого он рассматривает в качестве своего стратегического партнера. При жизни Туркменбаши его явно недемократические методы руководства, авторитарный стиль принятия решений приводили к неустойчивости и некоторой нестабильности отношений с Ираном, на что обращала внимание и иранская пресса[57]. Однако в Иране всегда считали, что отношения с северным соседом не подвержены резким колебаниям. Даже достаточно неожиданный уход из жизни президента С. Ниязова, как писали местные аналитики, вряд ли был способен существенно повлиять на продолжение ирано-туркменистанского сотрудничества[58]. В официальном соболезновании на имя и.о. президента Туркменистана Гурбангулы Бердымухаммедова, которое подписал председатель Ассамблеи определения целесообразности принимаемых решений, бывший президент ИРИ Али-Акбар Хашеми-Рафсанджани, отмечено, что заслугой покойного президента является то, что двусторонние отношения стали примером для стран региона[59].

Однако в иранских СМИ, откликнувшихся на смерть президента Туркменистана, была заметна и обеспокоенность тем, будет ли послениязовская политика столь же предсказуемой, какой она была при его жизни. Как писала газета «Айандейе ноу», уход из жизни С. Ниязова немедленно оживит конкурен-

цию между двумя полюсами силы – Россией и США – за влияние за новое политическое руководство страны. Газета «Эбтекар» связала кончину С. Ниязова с началом смутного периода неопределенности в судьбе страны. По мнению газеты «Джаван», смерть туркменского лидера вызовет много вопросов относительно будущего соседней страны, но никоим образом не повлияет на продолжение двустороннего диалога.

Откликнулось на смерть С. Ниязова и иранское научное сообщество. Прошедший в январе 2007 г. на базе Тегеранского университета симпозиум на тему «Туркменистан после Сапармурада Ниязова» обсудил многие проблемы, связанные с реалиями сегодняшнего Туркменистана и его ближайшего будущего. Руководитель Департамента стран СНГ иранского МИДа Ага-Джани высказал на симпозиуме точку зрения, что внутри Туркменистана не существует политических сил, способных в течение ближайших года-двух реализовать фундаментальные изменения. По мнению Ага-Джани, существующая в Туркменистане родоплеменная структура способствовала сохранению атмосферы советского коммунистического периода и законсервировала эпоху правления Туркменбаши, отбив у покорного, терпеливого и спокойного народа этой страны желание и готовность к социальному протесту. Однако смерть Туркменбаши знаменует начало новой эпохи, в которой будет иметь место постепенное эволюционирование политико-административной системы. Важно и то, каким образом произойдет заполнение вакуума власти. По мнению Ага-Джани, эпоха Ниязова с его смертью не отходит в небытие, хотя многие ее черты подвергнутся ревизии. Мы станем, сказал он, свидетелями постепенных изменений в структуре власти и политической системы. Часть из них уже произошла, и связано это с уже свершившимся пересмотром принципа перехода власти. Ага-Джани имеет в виду избрание Халк Маслахаты (Народным консультативным советом) вице-премьера правительства Гурбангулы Бердымухаммедова исполняющим обязанности президента вместо предусмотренного Конституцией спикера парламента Овезгельды Атаева, против которого возбуждено уголовное дело. Других существенных изменений в политической жизни в краткосрочной перспективе, по мнению Ага-Джани, не предвидится. Однако в среднесрочной перспективе, в период до пяти лет, глава Департамента иранского МИДа видит возможность существенной эволюции власти и политической системы. Вряд ли это будет

связано с действиями оппозиции, которая находится за рубежом и никак не влияет на проходящие в стране процессы. Отношения Туркменистана с внешним миром могут осложняться только по одной причине – из-за цен на энергоносители. Но это никоим образом не отразится на внутренней стабильности. Критику высокопоставленного чиновника иранского внешнеполитического ведомства вызвала политика государственного контроля над происходящими в Туркменистане религиозными процессами, но при этом он отметил, что ислам не занимает существенного места в духовной жизни народа этой страны. На его взгляд, новому правительству страны следует наладить диалог с оппозицией. Необходимо также отказаться от волюнтаристских методов руководства, связанных с культом личности. В противном случае это может привести к негативным тенденциям во внутренней жизни страны и помешать ее внешнеполитическому диалогу. Страна нуждается в большей открытости внешнему миру, что может открыть ее партнеру – Ирану – новые горизонты в двустороннем диалоге[60].

Профессор Тегеранского университета Аллахэ Кулаи высказала на симпозиуме мнение о том, что, пользуясь всеми плюсами добрососедства с Ираном, покойный президент С. Ниязов, единственный из лидеров стран Центральной Азии, занимал однозначно независимую и четкую позицию в двустороннем диалоге с Америкой. В условиях, когда после событий 11 сентября 2001 г. США сумели навязать свое военное присутствие в регионе, Туркменистан был единственной страной, которая сумела избежать американского давления и не согласиться на размещение войск США или их союзников на своей территории. По мнению Аллахэ Кулаи, именно обладание колоссальными запасами углеводородов дает Туркменистану возможность не ввязываться в межрегиональные конфликты и занимать в них позицию, отличную от других стран-соседей, как это происходит ныне в отношении кризиса в американо-иранских отношениях. Туркменбаши она охарактеризовала как действительный реликт эпохи сталинизма, не допустивший в стране инакомыслия в лице оппозиции. Вместе с тем, считает А. Кулаи, геополитическое положение этой страны и ее последние политические реалии позволяют прогнозировать определенные подвижки как во внутренней жизни, так и на внешнеполитической арене[61].

Разумеется, в стране начались давно назревшие перемены. Что касается внутренней жизни, то уменьшилось число за-

претов и ограничений, идет, в довольно ограниченных рамках, либерализация внутриполитической жизни, десакрализация образа Туркменбаши. Если возьмем диалог между Ираном и Туркменистаном, то, комментируя состоявшийся в середине августа 2007 г. визит президента М. Ахмадинежада в Туркменистан, иранская пресса назвала его «началом нового этапа в развитии ирано-туркменистанских отношений»[62] и «очередным шагом в направлении усиления влияния Ирана в регионе Центральной Азии»[63]. Именно так он был охарактеризован на совместной пресс-конференции двух президентов, посвященной итогам прошедших в Ашхабаде переговоров. Главы двух государств отметили, что в ходе переговоров были достигнуты договоренности об углублении и интенсификации сотрудничества. Сами переговоры были охарактеризованы их участниками как «прорыв на новые рубежи». Близкий к иранским неоконсерваторам интернет-сайт Rajanews.com даже назвал поездку президента в Туркменистан проявлением нового, наступательного трека иранской внешней политики. Нам представляется, что такое определение вряд ли соответствует действительности, а сам визит по достигнутым результатам стоит существенно ниже прежних визитов иранских президентов в эту страну. Стало еще более очевидным, что приход двумя годами раньше к власти в Иране неоконсерваторов во главе с М. Ахмадинежадом несколько сместил акценты во внешней политике страны, переместив их на исламские страны Ближневосточного региона, где иранская администрация пытается более эффективно действовать, добиваясь реального лидерства в регионе. Сам президент не раз подтверждал это в публичных выступлениях. Постоянно важный для Ирана Центрально-Азиатский регион уже не выглядел в 2007 г. зоной приоритетного внимания, а укрепление дружественных отношений с северным соседом – Туркменистаном вряд ли на деле являлось одним из приоритетных направлений иранской внешней политики. Это видно даже по тому, что президент А.А. Хашеми-Рафсанджани за годы своего президентства (1989–1997), как отмечалось выше, встречался с Ниязовым 16 раз. Сменивший его на этом посту С.М. Хатами (1997–2005) нанес в Ашхабад свой первый зарубежный визит. Нынешний же президент М. Ахмадинежад внес коррективы в приоритеты страны и совершил свой первый визит в Сирию, превратившуюся в последнее время в главного иранского стратегического партнера. Правда,

находясь в Туркменистане во время своего первого центральноазиатского турне в июле 2006 г., Ахмадинежад высказался за максимально полное использование потенциальных возможностей сотрудничества двух стран. Вместе с тем чувствуется, что даже поездки нового президента в страны этого региона не являются очередными шагами в наращивании интеграции с государствами Центральной Азии, а призваны лишь удержать статус-кво на сложившемся уровне. Вероятно, именно поэтому в августе 2007 г. во время первого после смерти прежнего лидера Туркменистана визита Ахмадинежада в Ашхабад ничего нового для развития двустороннего сотрудничества предложено не было. Кстати, и во время первого визита нынешнего президента Туркменистана Г. Бердымухаммедова в Тегеран в июне 2007 г. дело закончилось лишь декларациями. Тогда оба президента выразили намерение развивать сотрудничество с приоритетом в сфере энергетики, однако никаких соглашений во время пребывания Бердымухаммедова в Иране подписано не было. «Потенциал и возможности двух стран требуют проведения переговоров», – отмечалось в совместном коммюнике по итогам визита. Это, впрочем, не говорит об охлаждении иранского руководства к этому региону, а лишь доказывает, что неоконсерваторы все еще находятся на этапе определения своей стратегии на этом геополитическом пространстве. Справедливости ради стоит отметить, что новый президент пытается снять напряженность в двусторонних отношениях, вытекающую из взаимоотношений между государством и религией в его стране. Именно так можно было расценить включение в число первой группы амнистированных политических заключенных бывшего муфтия Туркменистана Насруллаха ибн-Ибадуллаха, в свое время достаточно известной в стране фигуры, одного из немногих, кто осмеливался перечить Туркменбаши. Тем самым новое туркменское руководство послало определенные знаки иранскому религиозному истаблишменту, сигнализирующие о возможном смягчении своей позиции по отношению к религии, показывающие в качестве своеобразного жеста доброй воли желание снять один из раздражающих факторов в двусторонних отношениях.

16 августа 2007 г., когда Ахмадинежад еще находился в своем центральноазиатском турне, в рамках которого он, кроме Туркменистана, посетил Афганистан и Киргизию, влиятельная тегеранская газета «Кейхан» написала, что развитие отноше-

ний Ирана со своими соседями очень раздражает США. «Все потуги США помешать поступательному развитию наших связей с братскими соседями обречены на провал». Но в той же мере Иран раздражают связи стран-соседей с Западом, в первую очередь с США. Однако параллельно с этим в Иране рассчитывают на то, что в случае успешного сотрудничества с западными нефтегазовыми компаниями, ведущего к промышленной разработке иранских нефти и газа на новых месторождениях, иранская территория может стать одним из транзитных маршрутов ее экспорта на мировые рынки. В то же время в Туркменистане вряд ли склонны переоценивать перспективы своего сотрудничества с Ираном. Успешно начавшийся и неуклонно набирающий силу процесс развития отношений Туркменистана с Западом будет неизбежно играть роль сдерживающей силы в туркмено-иранском диалоге, ибо в Ашхабаде понимают, что сотрудничество с Западом в долгосрочном плане более важно для страны. Новый президент более динамичен и открыт миру, совершив десятки визитов в зарубежные страны, налаживая со многими из них позитивное сотрудничество. Запад стал проявлять большее внимание к этой стране. Похоже, что в обозримом будущем Запад будет стремиться ограничить конкурирующее российское и иранское влияние в этой стране.

В нефтегазовой сфере – основе туркменистанской экономики – это будет выражаться в широком инвестиционном участии Запада в масштабных проектах, реализации проектов экспортных трубопроводов из Туркменистана в обход иранской территории. В этом контексте можно отметить наметившееся сотрудничество с одним из признанных мировых лидеров нефтегазового бизнеса – американской компанией «Шеврон», делегация руководителей которой в мае 2007 г. встретилась с президентом Туркменистана и получила предложение рассмотреть вопросы сотрудничества в реализации проектов геологоразведки, переработки нефти, в освоении месторождений туркменского шельфа Каспия. По всей видимости, новое туркменское руководство считает многовекторность естественным аспектом своих внешнеэкономических связей. Именно поэтому в дни, предшествовавшие визиту в Ашхабад президента Ирана, там побывало несколько американских делегаций. В частности, туда совершил поездку и был принят президентом Г. Бердымухаммедовым помощник госсекретаря США Д. Салливан. Иран, несомненно, был озабочен тем, что Салливан на встрече с гла-

вой Туркменистана еще раз озвучил предложение США поставлять туркменский газ в обход Ирана и России в двух направлениях – через Афганистан в Пакистан и Индию, а также в Турцию и Европу по дну Каспия и далее через Кавказ. США мотивируют это тем, что поставки на мировой рынок газа из Туркмении в обход России смогут ослабить зависимость Европы от российского газоимпорта, надежность которого вызывает сомнения на Западе. Накануне приезда Ахмадинежада в Ашхабад Салливан заявил там в присутствии президента Бердымухаммедова: «Мы верим, что диверсификация маршрутов транспортировки энергоносителей, расширение круга покупателей и поставщиков соответствуют долгосрочным интересам энергетической безопасности Туркменистана».

Что касается результатов американской экспансии в нефтегазовую отрасль Туркменистана, то в августе 2010 г., оглашая на правительственном заседании список зарубежных компаний, претендующих на освоение углеводородных ресурсов в туркменской части Каспийского моря, президент Г. Бердымухаммедов, назвал четыре компании, три из которых являются американскими. Он поручил выбрать для этих компаний наиболее подходящие для Туркмении предложения по освоению морских блоков[64]. На сегодня в стране действуют 63 предприятия с участием американского капитала, зарегистрировано 110 контрактов на общую сумму 1 миллиард 659 миллионов долларов[65].

Примечания

[1] Иран (Иран), 07.07.1998.
[2] http://centrasia.org/newsA.php4?st=1122610020
[3] Нейтральный Туркменистан, 06.07.1998.
[4] Информационное агентство ФИНМАРКЕТ, 21.07.2006.
[5] http://www.farsnews.net/, 28.05.2009.
[6] Сажин В. Иран: февраль 2010. Экономическая ситуация. – iimes.ru, 05.04.2010.
[7] Irna.ir, 06.07.1998.
[8] Дунаева Е. Иран и Центральная Азия: эволюция взаимоотношений // Двадцать пять лет исламской революции в Иране. – М.: Институт востоковедения РАН, 2005, с. 129.
[9] Сажин В. Иран: февраль 2009. Экономическая ситуация. – iimes.ru, 30.03.2009.

[10] Коммерсантъ, № 66 (4366), 15.04.2010.
[11] Азияинформ, 15.01.2007.
[12] Джомхурийе Эслами (Иран), 18.03.1997.
[13] http://www.isna.ir/Main/NewsViews.aspx?!D=News-758531
[14] Сажин В. Иран: февраль 2010. Экономическая ситуация.
[15] Turkish Newsletter, vol. 98-2:005, № 1, 12.01.1998.
[16] Нейтральный Туркменистан, 16.02.1998.
[17] Turkmenistan.ru, 23.07.2010.
[18] Ресалат (Иран), 15.08.1999.
[19] Irna.ir, 07.09.2001.
[20] bbcrussian.com, 28.11.2006.
[21] Ариэль Коэн. Интересы США и энергетическая безопасность Центральной Азии. – http://www.gundogar.org/&012204394
[22] http://www.svobodanews.ru, 11.01.2007.
[23] http://www.hrw.org/ru/news/2009/01/14/2009-0
[24] Irna.ir, 30.10.2004.
[25] Irna.ir, 26.10.2006.
[26] Деловая неделя, 30.01.1998.
[27] Кейхан, 06.07.1998.
[28] Кейхан, 22.08.1998.
[29] Независимая газета, 04.09.2007.
[30] Каменев С. Топливно-энергетический комплекс Туркменистана: современное состояние и перспективы развития // Центральная Азия и Кавказ, 2001, № 6, с. 186.
[31] Коммерсантъ, 12.02.2006.
[32] Интерфакс, 12.04.2006.
[33] iran.ru, 12.07.2010.
[34] Сажин В. Иран: февраль 2009. Экономическая ситуация. – iimes.ru, 30.03.2009.
[35] http://www.turkmenistan.ru/?page_id=12&lang_id=ru&elem_id=17890&type=event&sort=date_desc
[36] Iran.ru, 26.08.2004.
[37] Вестник Кавказа, 11.09.2010.
http://www.vestikavkaza.ru/news/ekonomika/projekt/25251.html
[38] Иран (Иран), 08.07.1998.
[39] Нейтральный Туркменистан, 03.08.2003.
[40] http://izrus.co.il/dvuhstoronka/article/2010-07-21/11011.html
[41] Там же.
[42] http://izrus.co.il/dvuhstoronka/article/2010-07-26/11077.html
[43] Там же.
[44] Там же.

[45] Демидов С. Религиозные процессы в постсоветском Туркменистане // Центральная Азия и Кавказ, 2001, № 4, с. 59.
[46] Илюшкин П. Мечети и церкви в дореволюционном Туркменистане // Суббота (Ашхабад), 1994, выпуск 16.
[47] Демидов С. Религиозные процессы в постсоветском Туркменистане. С. 62.
[48] См.: Базтаб (Иран), 17.01.2001.
[49] Время новостей (Россия), 10.06.2005.
[50] http://www/fergana.ru/article.php?id=1557
[51] http://www.gundogar.org/?02210499460000000000000011000000
[52] См., например: Ресалат, 15.08.1999; Хорасан, 07.01.2001.
[53] Iran.ru, 19.01.2007.
[54] Абрар, 18.12.1999.
[55] irna.ir, 29.08.1997.
[56] http://centralasia.org/newsA.php4?st=1122610020
[57] Салам (Иран), 24.04.1999.
[58] Джаван (Иран), 22.12.2006.
[59] http://www.farsnews.net/printable.php?nn=8510020265
[60] http://www.isna.ir/Main/NewsView.aspx?ID=News-854889
[61] http://www.isna.ir/Main/NewsView.aspx?ID=News-854903
[62] http://www.farsnews.net/, 15.08.2007.
[63] Там же, 16.08.2007.
[64] Хроника Туркменистана, 15.08.2010, http://www.chrono-tm.org/?id=2707
[65] Там же.

Глава 6

ПРЕДЕЛЫ И ОГРАНИЧЕНИЯ ИРАНО-ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОГО ДИАЛОГА

За истекшие почти два десятилетия, прошедшие со времени распада СССР и образования в регионе Центральной Азии новых независимых государств, Исламская Республика Иран сумела наладить вполне конструктивные отношения с Казахстаном, Киргизией, Таджикистаном, Туркменистаном и Узбекистаном. Все эти страны продуктивно сотрудничают с Ираном в самых разных сферах, включая политическую. Страны выработали близкие или тождественные подходы по многим вопросам региональной и глобальной политики. Однако эти отношения, будучи партнерскими и в достаточной мере взаимовыгодными, являются по отдельным компонентам весьма противоречивыми и потенциально конфликтными. Достаточно нестыкуемы характеры и формы государственного устройства Ирана и государств Центральной Азии. Так, в Иране в основу государственного устройства положена исламская концепция «велаяте факих» (правление шиитского лидера-правоведа), разработанная покойным главой иранского шиитского духовенства и вождем исламской революции 1979 г. аятоллой Рухоллой Хомейни. Основные ее положения сводятся к тому, что в стране установлен теократический тип правления и государственная власть базируется на основе ислама. Управление всеми социально-политическими и культурными процессами непосредственно реализуется и контролируется духовенством. Это уникальное государственное образование при наличии определенной демократии в рамках исламской государственности, каковым является Исламская Республика Иран, несет в себе определенный заряд противоречия в сравнении с секулярными республиками разного уровня демократии, установившимися в странах Центральной Азии.

Неурегулированность правового статуса Каспия составляет еще один из факторов потенциала конфронтации, способной принимать в будущем достаточно острые формы. Ми-

литаризация Каспия и начало использования его недр и биологического потенциала, реализуемые всеми странами, вовлеченными в договорной процесс, еще до принятия решений о его правовом статусе делает опасность конфликта достаточно осязаемой.

Несомненно отрицательное влияние на интеграцию Ирана на центральноазиатском геополитическом пространстве имеет ухудшающийся в последнее время политический имидж Ирана, связанный с реализацией его атомной программы. Принятые до 2010 г. три резолюции Совета Безопасности ООН ввели в действие пакеты санкций, имеющие своей главной целью остановку или временную приостановку Ираном реализации военного компонента ядерной программы. Санкции включают в себя запрет на поставки, продажу или транспортировку любых предметов, материалов, оборудования, товаров и технологий, которые могут способствовать реализации ядерной и ракетной программ Ирана. Резлюции Совета Безопасности ООН привели к усилению и углублению политико-экономической изоляции Ирана на международном уровне. В этих резолюциях процессы обогащения урана рассматривались как показатели наличия военного компонента у иранской атомной программы. Наконец, в июне 2010 г. Советом Безопасности ООН была принята резолюция 1929, вводящая очередной пакет финансово-экономических санкций против Ирана. Разумеется, новые санкции еще более усилили негативный имидж Исламской Республики Иран. Накануне их принятия в Вене, где базируется штаб-квартира МАГАТЭ, прошла сессия высшего органа этой международной организации – Совета управляющих. В представленном на нем докладе генерального директора МАГАТЭ Юкиа Амано о состоянии ядерной программы Ирана констатировалось, что ИРИ не выполняет требований, содержащихся в соответствующих резолюциях Совета управляющих МАГАТЭ и Совета Безопасности ООН. Отмечалось и то, что вопреки соответствующим резолюциям Совета управляющих МАГАТЭ и Совета Безопасности ООН, Иран не только не приостановил процессы обогащения урана, но и увеличил его запасы.

«В докладе указано, что запасы накопленного в Иране низкообогащенного урана достигли к началу июня 2,43 т против 2,06 т, которые были зарегистрированы в конце января ны-

нешнего года. При этом количество газовых центрифуг, задействованных в каскаде для обогащения урана, возросло в Иране до 3,936 тыс., а их общее число достигло 8,528 тыс.»[1]. Этот пакет антииранских санкций был принят при поддержке 12 из 15 членов Совета Безопасности, в том числе всех постоянных членов – США, России, Китая, Великобритании и Франции. Турция и Бразилия проголосовали против, Ливан воздержался. Был значительно расширен круг иранских персональных деятелей, по отношению к которым «следует проявлять бдительность»[2]. В этом документе упомянуты более 20 государственных и частных организаций, 15 фирм, являющихся структурами КСИР. Санкции предусматривают разрешение членам ООН блокировать счета физических лиц – граждан Ирана, запрещать открытие филиалов иранских банков за рубежом, накладывать вето на сделки с участием иранских банков и т.д. Разрешено также досматривать все корабли и самолеты под иранским флагом на своей территории в том случае, если имеются подозрения, что транспортируемые ими грузы имеют отношение к иранской атомной программе. Как считает авторитетный российский иранист В. Сажин, принятие Советом Безопасности ООН новой резолюции свидетельствует об озабоченности и беспокойстве международного сообщества иранской ядерной проблемой, а также о том, что политика Ирана в последние месяцы в ядерной сфере стала в такой мере конфронтационной, что «вынудила даже Россию и Китай согласиться с необходимостью введения против ИРИ санкционных мер. То есть, другими словами, сам Тегеран скрепил единство постоянных членов Совбеза – России, США, Великобритании, Франции, Китая»[3]. Однако благодаря дипломатическим усилиям России и Китая новые санкции не коснулись экспорта Ираном нефти и импорта бензина, что могло увеличить уязвимость ИРИ. Вместе с тем введенные следом, в июле 2010 г. односторонние санкции США и Евросоюза призваны оказать давление на Иран как раз в этих сферах. Дополнительным шагом явилось принятие в конце того же месяца своих собственных санкций со стороны Австралии и Канады. Разумеется, такая сплоченность мирового сообщества усиливает политическую и экономическую изоляцию Ирана, наносит значительный вред его репутации на мировой арене, привлекательности для партнеров. Подобный же эффект имеют и обвинения в поддержке Ираном таких террористических организаций, как «Хезболла», ХАМАС,

«Исламский джихад», оснащение их современными видами вооружения и боеприпасов. На таком фоне наличие очень тесных отношений с Ираном со стороны центральноазиатских стран может быть расценено мировым сообществом как поддержка негативных аспектов его внешней политики. Вероятно, это обстоятельство является важным фактором, препятствующим дальнейшим шагам этих стран в направлении сближения с Ираном. Такой факт можно проиллюстрировать на примере вопроса о введении Ираном безвизового проезда. Иран готов ввести такой режим по отношению ко многим странам, поддерживающим с ним нормальные конструктивные отношения. Учитывая постоянно декларируемую иранским руководством готовность к максимальному сближению с Таджикистаном на базе близости по языковым, историческим, культурно-цивилизационным и религиозным факторам, Тегеран предложил Душанбе введение совместного безвизового проезда для граждан двух стран. Однако, по признанию таджикских СМИ, их страна заявила, что «не готова к безвизовому режиму с Ираном»[4]. По инициативе Тегерана была достигнута принципиальная договоренность об облегчении визового режима с Таджикистаном, но в итоге до полной отмены виз дело не дошло. Было решено, что на этом этапе любой гражданин Таджикистана может по прибытии в Иран прямо в аэропорту стать обладателем иранской визы. Кроме того, таджикским бизнесменам, инвестирующим в иранскую экономику до 500 тысяч долларов, а также студентам будет сразу выдаваться годовая виза.

Надо отметить, что это уже не первый раз, когда вопрос полной отмены визового режима между Ираном и Таджикистаном стался нерешенным. Причину зам. министра иностранных дел ИРИ по консульским вопросам Хасан Кашкави объяснил в ходе пресс-конференции в Душанбе следующим образом: «Таджикистан еще не выразил готовность принять такое предложение». МИД Таджикистана аргументировал это тем, что там «...пока не готовы полностью отменить визовый режим, потому как есть много нерешенных вопросов, к решению которых надо всесторонне готовиться». Что касается лидеров двух стран, то Махмуд Ахмадинежад и Эмомали Рахмон неоднократно заявляли о необходимости упрощения визового режима как естественного положения для стран, «имеющих общую культуру и язык»[5].

Несколько иная ситуация сложилась в вопросе внедрения безвизового проезда с другой страной постсоветского пространства – Азербайджаном. Там Иран внедрил безвизовый режим в одностороннем порядке с 1 февраля 2010 г. По словам посла Ирана в Азербайджане М.Б. Бахрами, любой гражданин Азербайджана сможет отправиться в Иран без визы и пробыть в стране в течение месяца. В дальнейшем Иран планирует продлить этот срок до трех месяцев. Однако и здесь вторая сторона не приняла решения о вводе безвизового режима в отношении прибывающих в страну иранских граждан[6]. Довольно странно выглядит подобная ситуация по отношению к Туркменистану, где еще в начале 1990-х гг. был введен режим упрощенного перехода границы для граждан двух государств. Иран не раз заявлял о своей заинтересованности в открытии генерального консульства Туркменистана в одном из двух крупных городов провинции Голестан. В качестве ответного шага Иран готов открыть свое генеральное консульство в портовом городе Туркменбаши. Между тем в течение многих лет правительство Туркменистана не дает ответа на это предложение. Кроме того, Иран готов отменить визовый режим для граждан Туркменистана, поскольку иранское правительство «с большим доверием относится к туркменам и к Туркменистану»[7]. Однако решение руководства Туркменистана до сих пор не принято. Мы полагаем, что это происходит в силу вышеназванных обстоятельств.

Развитие отношений Ирана с государствами Центральной Азии сдерживается и рядом других объективных факторов. Главный из них и самый чувствительный для Ирана – присутствие в регионе других государств, по нынешней иранской политической терминологии – «***биганэган***» (чужаков), желающих также упрочить свое влияние на этом важном геополитическом пространстве.

Иран, несомненно, раздражает присутствие в странах Центральной Азии иностранных военных баз. Имеются в виду военные объекты, принадлежащие России, США, Франции и Германии. 5 таких объектов, принадлежащих России, находятся в Казахстане, в соседней Киргизии имеется столько же российских военных объектов. В Таджикистане дислоцировано два российских военных объекта. Полагая, что российские военные объекты, являющиеся в большинстве своем армейскими соединениями или полигонами, размещенными в бывших сред-

неазиатских республиках СССР со времен Советской власти, дислоцированы в регионе многие десятки лет, иранцы пока не предъявляют к ним особых претензий. Явное неудовольствие Тегерана вызывают военные базы западных государств, такие как центр транзитных перевозок США в Киргизии на базе аэропорта «Манас» рядом с г. Бишкеком, французская военная база в аэропорту столицы Таджикистана г. Душанбе, база ВВС Германии в узбекском городе Термезе на границе с Афганистаном, закрытая в 2005 г. американская военная база «Карши-Ханабад» в южном Узбекистане, которая в силу наметившегося сближения между двумя странами имеет шансы быть расконсервированной. Военные базы стран Запада были созданы с началом действий армий стран антитеррористической коалиции в Афганистане в 2001 г. Их размещение в странах ЦА продиктовано такими обстоятельствами, как близость к театру военных действий, защита союзников, необходимость переброски военных контингентов[8]. Учитывая растущую конфронтацию Ирана с Западом, обостряющуюся в последние несколько лет на фоне вводимых по инициативе США и ЕС санкций против иранской атомной программы, западное военное присутствие в странах Центральной Азии в определенной мере препятствует созданию большего климата доверия в ирано-центральноазиатских отношениях.

В сфере геополитики Иран беспокоит прозападный крен, который более всего отчетливо проявляется в отношении Казахстана, и в особенности – его американская составляющая. С Западом в той или иной мере связаны все без исключения центральноазиатские государства. Эти отношения нельзя назвать крепкими и стабильными. Страны Запада время от времени подвергают жесткой критике эти государства по причине несоблюдения прав человека и зажима оппозиции, низкого уровня реализации демократических свобод, вводя санкции политического и экономического характера. В частности, несколько последних лет такие санкции «работали» в отношении Узбекистана. В 2009 г. они были сняты. Безусловно, решение ЕС положить конец санкциям, введенным против Узбекистана четырьмя годами раньше, достойно самой положительной оценки. Это событие венчает усилия ЕС по созданию и упрочению климата доверия как по отношению ко всем центральноазиатским государствам, так и самой ведущей с точки зрения человеческого потенциала и гуманитарного наследия

страны региона – Республики Узбекистан. Тем самым завершен начатый еще год тому назад процесс снятия барьеров на пути полномасштабного сближения между ЕС и Ташкентом, обусловленный признанием со стороны Европы шагов правительства Узбекистана, предпринимаемых в сфере соблюдения фундаментальных прав человека. Несомненно, как благо для Узбекистана, проходящего сложный путь упрочения национальной независимости, можно расценивать такие последствия этого шага, как возобновление полномасштабной финансовой помощи Запада, которая приведет к существенному росту инвестиций, и, следовательно, стимулирует дальнейший экономический прогресс молодого государства, а также снятие дискриминационных ограничений на торговлю. В этой связи есть все основания надеяться, что ожидания ЕС, главным образом в гуманитарной сфере, включая такие компоненты, как транспарентность избирательных процессов, гарантии подлинной свободы слова и СМИ, эффективной деятельности в Узбекистане неправительственных организаций, соблюдения международных правозащитных стандартов, реализуются в релевантной мере. Как несомненную положительную индикацию отмечу высокую оценку со стороны Совета ЕС приверженности Узбекистана к дальнейшему взаимодействию с ЕС по проблемам прав человека и верховенства закона, а также позитивных шагов, реализованных Узбекистаном в последнее время. Думается, что решение ЕС скажется самым непосредственным образом на международном имидже Республики Узбекистан, дальнейшей гармонизации его отношений с внешним миром. В Иране хорошо понимают, что американское и вообще западное присутствие в регионе преследует цель ограничить в возможной степени иранскую экспансию в Центральную Азию. На подобное направлено и снизившееся в последнее время, но остающееся до сих пор достаточно значительным турецкое влияние. Турция реально доминирует в товарообороте стран региона, оказывает им диверсифицированную помощь в разных сферах национальной экономики, науки, культуры. Взаимодействие Турции со странами региона может в ближайшее время претерпеть качественный рост в силу того, что на состоявшемся 17 ноября 2006 г. саммите лидеров тюркских государств принято решение о создании Тюркского содружества. В случае его реализации тюркский фактор имеет шанс стать влиятельным субъектом глобальной политики. Страны-участницы

содружества намерены активизировать сотрудничество как на двустороннем уровне, так и в рамках различных международных организаций. В частности, они хотели бы использовать свой энергетический потенциал для коллективного геополитического влияния, выработать общую линию относительно маршрутов экспорта своих энергоносителей, что может положительно сказаться на укреплении экономической и политической независимости центральноазиатских стран. Разумеется, такая новая структура еще более усилит конкурентную гонку между Ираном и Турцией на центральноазиатском направлении. Реальный интерес, проявленный к созданию Тюркского содружества со стороны ряда стран региона, например, Казахстана и Киргизии, может повлиять на изменение темпов сотрудничества с Ираном в сторону уменьшения.

На реализацию ирано-центральноазиатского диалога влияет и предельно конфронтационный характер отношений между Ираном и Израилем, ставших по-настоящему взрывоопасными после прихода к власти неоконсерваторов. Это логично вписывается в радикализацию внешнеполитического курса Ирана, проводимую командой нынешнего президента М. Ахмадинежада. Проповедуемая новым президентом линия на изменение регионального и международного баланса сил в пользу Ирана и новое нагнетание риторики исламской революции не могут найти понимание в странах центральноазиатского региона, не приемлющих подобного политического инструментария. Превращение ИРИ в антиизраильский и антизападный лагерь, подкрепленное беспрецедентной милитаризацией страны, способно лишь охладить энергию тех сил в странах региона, которые поддерживают интенсификацию диалога с Ираном. Постоянно раздающиеся из Тегерана призывы стереть Израиль с карты мира, попытки пересмотреть исторические уроки Холокоста вступают в резкий диссонанс с накопленным за почти два постсоветских десятилетия опытом сотрудничества с Израилем. Его имеют все страны центральноазиатского региона, установившие полноценные дипломатические отношения с Израилем. Для государств Центральной Азии Израиль представляет интерес как в определенной мере надрегиональное государство, позиционирующее себя как единственная реальная демократия ближневосточного региона, имеющая отлаженные связи с Западом. Интерес к этой стране для центральноазиатских государств определяется и таким фактором, как наличие

серьезных и неоспоримых достижений в тех сферах экономики, которые имеют для них первостепенное значение. Сюда можно отнести уникальные технологии ведения орошаемого земледелия, достижения в медицине, фармакологии, хай-теке. Следует принять во внимание и наличие в Израиле консолидированных общин выходцев из всех центральноазиатских стран, хорошо ориентирующихся в специфике сотрудничества каждой из сторон. В сотрудничестве с Израилем каждой из стран Центральной Азии достигнуты достаточно неплохие результаты. Так, в одном лишь Казахстане при израильском содействии реализуется около 500 различных проектов, значительная часть которых осуществляется там, где в этом ощущается наибольшая потребность – в сельском хозяйстве. В этой сфере экономики взаимодействие развивается по линии внедрения современных технологий капельного орошения, передовых агрометодов возделывания хлопчатника, выращивания верблюдов со стойловым содержанием, воспроизводства запасов рыбы, строительства современных тепличных комплексов. В сотрудничестве наблюдается неплохая динамика. Если в 2002 г. казахстано-израильский товарооборот составлял примерно 30 млн. долларов, то в 2005 г. он превысил один миллиард долларов, став соизмеримым с казахстано-иранским, а по итогам 2009 г. достиг 2,5 млрд. долларов. Отметим и политическое взаимодействие двух стран, единый подход ко многим региональным и глобальным проблемам. Во время Второй ливанской войны в июле-августе 2006 г. израильское правительство специально отметило взвешенную позицию Казахстана в этом вопросе.

Полное взаимопонимание в политической области характеризует отношения Израиля с Республикой Узбекистан. Их не раз рассматривали как образцовую модель взаимопонимания и сотрудничества между еврейским и исламским государствами. «Партнерство между Израилем и Узбекистаном должно показать всему миру, что нет никаких причин для конфронтации между мусульманами и евреями»[9]. Именно в Ташкенте в феврале 1992 г. открылось первое в этом регионе израильское посольство. В течение почти пятнадцати лет обе страны динамично сотрудничают в области сельского хозяйства, хай-тека, здравоохранения, внедрения инновационных проектов в горнодобывающей промышленности. В Узбекистане активно используют накопленный Израилем опыт в сфере развития малого и среднего бизнеса. С этой целью с 2003 г. в Ташкенте был

создан израильский Консалтинговый центр, нацеленный на оказание информационной и консультативной помощи, в первую очередь в сфере апробированных в Израиле сельскохозяйственных технологий. Израиль реализует в Узбекистане и проекты в сфере промышленного развития – по расширению Кызылкумского фосфоридного комплекса, созданию компрессорной станции на крупнейшем в Узбекистане газоконденсатном месторождении Шуртан, добыче золота на базе золоторудных месторождений Коклатас и Даугызтау на севере Узбекистана. Сотрудничество в технико-экономической сфере стало для Израиля сложившейся сферой взаимодействия в отличие от только разворачивающегося партнерства в области безопасности. Здесь обе страны сотрудничают в противодействии распространению наркотиков и борьбе с исламским терроризмом, где у Израиля накоплен опыт, который может быть востребован в Узбекистане. Когда в январе 1999 г. в Ташкенте произошли теракты с большим количеством жертв среди мирного населения, Узбекистан немедленно обратился за консультациями к специалистам из Израиля. После подобных событий и теракта у входа в посольство Израиля в Узбекистане 30 июля 2004 г. в Ташкент для помощи в расследовании и предотвращении подобных терактов прибыли не только израильские эксперты в сфере безопасности, но и специальное оборудование[10].

Раздражение по поводу Израиля почти всегда прорывается наружу у иранских руководителей во время их поездок по странам Центральной Азии. Это, разумеется, вызывает жесткую реакцию. Так, в 1996 г. во время саммита ЭКО в Ашхабаде тогдашний иранский президент Али-Акбар Хашеми-Рафсанджани в присутствии всех президентов стран Центральной Азии посоветовал им «...не иметь дел с сионистами». В ответ на такое заявление президент Узбекистана Ислам Каримов поставил вопрос о том, что если страна-создатель ЭКО будет и впредь оказывать политическое давление и предпринимать попытки превратить это экономическое сообщество в трибуну конфронтации, его страна прекратит в нем свое членство. Беспрецедентно жесткие заявления по отношению к Израилю делает нынешний иранский президент М. Ахмадинежад. Во время своего большого турне по центральноазиатским странам в июле 2006 г. он выступил в здании туркменского парламента в Ашхабаде. Говоря о са-

мых болевых точках современной политики, М. Ахмадинежад сказал: «С образованием сионистского режима страны ближневосточного региона оказались перед лицом перманентной угрозы. Этот подстрекательский режим постоянно сеет раздор и вражду среди стран региона»[11]. Известны неоднократные попытки М. Ахмадинежада пересмотреть историю Холокоста, ставшего «кульминацией долгой и постыдной истории антисемитизма, гонений, погромов, дискриминации и других форм унижения евреев»[12].

Однако заметна и ситуация, когда в угоду своим отношениям с Ираном государства Центральной Азии также поддерживают внешнеполитические акции, носящие антиизраильский характер. Интересно проследить, как голосовали на Генеральной Ассамблее ООН и Совете ООН по правам человека по резолюции, поддержавшей одиозный отчет Комиссии Голдстоуна. Против антиизраильской резолюции Генассамблеи ООН выступили 16 государств, в том числе США, Германия, Италия, Канада, Украина, Польша, Венгрия, Чехия, Словакия и др. Четыре из шести мусульманских республик СНГ, как и другие мусульманские страны, поддержали эту резолюцию, в их числе Казахстан, декларирующий свое сотрудничество с Израилем как стратегическое. Как писал интернет-сайт Izrus.co.il, «очевидно, они сочли, что выступив против, кардинально не изменят ситуацию, зато это может быть негативно воспринято их партнерами в мусульманском мире»[13]. В то же время Туркменистан и Киргизия, не имеющие достаточно развитых отношений с Израилем, не явились на голосование, что может быть расценено как воздержание от голосования. По мнению аналитика М. Фалькова, «Узбекистан, поддержав антиизраильскую резолюцию, явно поквитался с Израилем за то, что весной 2005-го его представители не стали выступать против решения ООН резко осудить расправу властей этой республики над участниками беспорядков в Андижане. Еще в октябре 2008-го в разговоре с глазу на глаз с новым израильским послом Хилелем Ньюманом президент Ислам Каримов прямо заявил, что тогдашняя позиция Иерусалима стала одной из главных причин охлаждения двусторонних отношений»[14]. Антиизраильскую резолюцию поддержал и Таджикистан, практически не имеющий сколько-нибудь развитых отношений с Израилем, но являющийся стратегическим партнером Ирана на постсоветском пространстве.

Иран, несомненно, раздражает довольно высокий уровень двухсторонних отношений между центральноазиатскими государствами и Израилем. Однако в последнее время в Иране растет понимание того, что Израиль является страной, выстроившей стабильно высокий уровень отношений со странами Центральной Азии и играющей роль серьезного игрока в центральноазиатском геополитическом пространстве. На прошедшей в ноябре 2006 г. в Иране Конференции «Центральная Азия и внешняя политика Исламской Республики Иран» в докладе Хосейна Мусавияна – вице-директора Центра международных исследований Ассамблеи определения целесообразности принимаемых решений Израиль как региональный игрок поставлен в один ряд с Ираном и Турцией[15].

Нормальные и динамично развивающиеся во всех сферах, в том числе и политической, отношения стран центральноазиатского региона как с Ираном, так и Израилем могут создать действенные стимулы для Ирана в решении очень важной для него проблемы признания еврейского государства. Противостояние этих двух государств может считаться непреодолимым лишь при недостаточно глубоком анализе всех его причин и обстоятельств. Однако современная история неоднократно доказывала, что идеологические противоречия не могут считаться абсолютно непреодолимым препятствием для постепенного притяжения народов, еще не растерявших до конца многовекового опыта веротерпимости и взаимопонимания.

Примечания

[1] Сажин В. Иран: июнь 2010 года. Военно-политическая ситуация. – iimes.ru, 30.07.2010.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] iran.ru, 13.05.2010.
[5] Там же.
[6] polpred.com, 11.02.2010.
[7] Сажин В. Иран: февраль 2009. Экономическая ситуация. – iimes.ru, 30.03.2009.
[8] Кутнаева Н. Иностранные военные базы на территории постсоветской Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ, 2010, том 13, выпуск 2, с. 93.

[9] Маарив (Израиль), 16.09.1998.
[10] http://www.iimes.ru/rus.stat/2006/26-04-06.htm
[11] isna.ir, 24.07.2006, код новости 8505–01457.
[12] Iran. ru, 8.12.2006.
[13] http://izrus.co.il/dvuhstoronka/article/2009-11-06/7115.html
[14] http://izrus.co.il/dvuhstoronka/article/2009-11-06/7115.html
[15] isna.ir, 28.11.2006, код новости 8509–03740.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С течением времени Исламская Республика Иран выдвигается на роль третьего по значимости – после России и Китая – полюса силы для стран региона Центральной Азии. По влиянию в регионе он на порядок отстает от этих мощных мировых держав, но по темпам наращивания своей экономической и политической активности в Центральной Азии вполне с ними сопоставим. Имея колоссальные возможности для сотрудничества друг с другом, обе стороны – ЦА и Иран – еще не раскрыли полностью свои возможности и все еще находятся на начальном этапе взаимодействия, отрабатывая его наиболее эффективные формы и методы. За почти 20 лет сотрудничества определились самые перспективные области, в которых ирано-центральноазиатское сотрудничество может быть наиболее эффективным. Это – нефтегазовая отрасль, транспорт, энергетика, легкая промышленность, торговля. Сам Иран, по словам заместителя главы МИД ИРИ М. Аминзаде, рассматривает экономическое взаимодействие с соседними странами ЦА в качестве одной из важных составляющих своей внешней политики на длительную перспективу[1]. В регионе ЦА политика Ирана может быть в целом охарактеризована как интегрирующая и стабилизирующая, направленная на решение региональных проблем в рамках эффективной дипломатии. В том случае, если будут изжиты конфронтация и враждебность в отношениях Ирана с Европой, США и Израилем, ирано-центральноазиатские взаимные контакты могут приобрести большую полноту и максимально раскрыть свой потенциал.

Исламская Республика Иран стала важнейшим внешнеэкономическим и внешнеполитическим партнером Туркменистана и вполне уверенно выдвигается на такие же позиции в Таджикистане. Узбекистано-иранские отношения демонстрируют до сих пор явственно ощущаемый запах конфронтационности, хотя нельзя исключить в будущем существенного сближения двух стран. Их позиции по таким важным для обеих стран проблемам, как афганская и таджикская, в течение многих лет су-

щественно разнились, и каждая из сторон обвиняла другую в срыве урегулирования. Достижение мира в Таджикистане и потерявшая остроту в связи со сравнительным ослаблением талибов ситуация в Афганистане привели к сближению позиций Узбекистана и Ирана, но холодок взаимного недоверия все никак не выветрился из сферы двухсторонних отношений. Вполне стабильными стали ирано-казахстанские отношения, показывающие существенные наработки.

В ближайшей перспективе, если амбиции Ирана на региональное лидерство продолжат сопровождаться таким же мощным наращиванием своего экономического потенциала, роль и влияние Ирана в центральноазиатском регионе будут возрастать.

В самые последние месяцы появились явные индикации к тому, что и объединенная Европа хотела бы более активно позиционировать себя в центральноазиатском регионе. Это особенно выпукло проявилось с началом дежурного председательства ФРГ в ЕС в 2006 г. Показателем этого явился визит министра иностранных дел ФРГ Франк-Вальтера Штайнмайера по всем пяти государствам центральноазиатского региона, состоявшийся в конце октября – начале ноября 2006 г. В рамках этого визита прошла презентация новой стратегии ЕС в отношении Центральной Азии. В ее разработке с МИДом ФРГ сотрудничали и политики государств Центральной Азии, главным образом Казахстана. Именно Германия выступала инициатором приоритетного сотрудничества единой Европы с единой Центральной Азией. По всей видимости, именно с этим связано продвижение ею таких проектов, как транскаспийский газопровод по дну Каспия в обход российской территории, нацеленный на экспорт казахстанского и туркменского газа в Европу. Очевидно, Россия будет противодействовать этому проекту. По мнению российских аналитиков, здесь может возникнуть новая линия водораздела не только в сфере экономики, но и геополитики между Казахстаном и Туркменистаном, с одной стороны, и Россией – с другой[2]. По всей видимости, доводы России, сводящиеся к тому, что а) прокладка газопровода по дну Каспия должна быть согласована со всеми каспийскими странами, а в условиях отсутствия оформленного юридического статуса Каспия достичь этого практически невозможно, б) реализация проекта вряд ли возможна по экологическим и сейсмическим мотивам, – вряд ли будут приняты во внимание. Однако, учитывая, что в реализации проекта важная роль при-

надлежит ЕС, являющемуся важнейшим внешнеторговым партнером Ирана, можно прогнозировать участие в нем и Ирана, что придаст новый импульс ирано-центральноазиатским отношениям.

В Иране внимательно отслеживают тенденции развития центральноазиатского региона, находя в них достаточно много позитивного для себя. Жизненно важным для себя Иран считает дистанцирование этих стран от США и Израиля. Что касается американского вектора, то Ирану, несомненно, на руку временное ослабление американского влияния в Киргизии и Узбекистане, четко проявившееся после мартовской смены власти в Киргизии и майских событий в Андижане, произошедших в 2005 г. Произошедшая смена власти в Туркменистане в феврале 2007 г. не смогла существенно изменить сложившуюся в этой стране политическую реальность и продолжила сложившиеся тоталитарные тенденции. По всей видимости, это будет способствовать еще более глубокому затягиванию страны в тупик глухой изоляции, что сулит Ирану все возможные плюсы монополиста в достаточно диверсифицированном торгово-экономическом сотрудничестве с ним, несмотря на повышение роли Запада на этом треке.

У Тегерана достаточно причин для беспокойства на центральноазиатском векторе своей внешней политики. Его опасения связаны с неуменьшающимися возможностями как политического, так и экономического давления США на страны этого региона. Но реально оценивая складывающуюся конъюнктуру, в Тегеране приходят к выводу, что два важнейших государства Центральной Азии – Казахстан и Узбекистан – не имеют достаточных реальных шансов для тесного сотрудничества с США, потому что их ресурсный потенциал чрезмерно включен в политическое и экономическое взаимодействие с главными стратегическими партнерами – Россией и Китаем. Довольно жесткая узбекистано-американская конфронтация 2005 г. и продолжающаяся в США критика внутренней политики президента И. Каримова временно ослабили надежды на динамичное сотрудничество Ташкента и Вашингтона, но исходящие от США импульсы сигнализируют о стремлении этой страны вернуться к существовавшей до 2005 г. реальности. Осенний 2006 г. визит казахстанского президента Н. Назарбаева в США показал, что перспективы развития диалога этих двух стран будут в достаточной степени регламентироваться

ширящимся в США пониманием того, что даже внешне благополучный режим этого лидера не совсем стыкуется с западными стандартами гражданского общества. Достаточно обнадеживающе для Ирана выглядит и ситуация в Таджикистане, где весьма щедрая помощь США не означает дистанцирования от Ирана и прекращения сотрудничества с Ираном, которое президент этой страны Эмомали Рахмон квалифицировал как стратегическое партнерство.

На опыте своего сотрудничества с центральноазиатскими странами Иран понимает, что ему насущно необходимо проводить в этом регионе еще более активную внешнюю политику, чтобы не потерять уже завоеванные позиции, а даже нарастить новые. Это вытекает из на глазах меняющегося политического климата в регионе, корректив в деятельности тех или иных внешних игроков, политических трансформаций внути стран региона. В его арсенале имеются достаточно существенные экономические ресурсы, которые он может пускать в ход в случае необходимости. Здесь оказываются эффективными методы экономических преференций, с помощью которых он пытается укреплять свое влияние в той или иной стране. Так, в 2006 г., видя, что США изъявили желание выделить Киргизии дополнительную экономическую помощь и это обстоятельство в значительной мере способно влиять на военное сотрудничество двух стран, особенно в части использования американцами своей военно-воздушной базы в аэропорту «Манас», Иран решил ввести в действие свои финансовые возможности, заявив о вероятности выделения льготного кредита на более значительную сумму в 200 милллионов евро[3]. Вслед за этим, 5–8 декабря 2006 г. Бишкек посетила высокопоставленная иранская делегация во главе с министром экономики и финансов ИРИ Дарьюшем Данеш-Джафари, подписавшая ряд выгодных для испытывающей экономические трудности страны контрактов. Хотя киргизско-иранские отношения реализуются с 1992 г., и за это время трижды состоялся обмен визитами на самом высоком уровне, взаимодействие двух стран не получило должного развития. С иранской стороны «...наблюдалось намерение не терять своего присутствия в Киргизии», поддерживать «политический диалог на плаву»[4]. В ситуации, когда Киргизия все никак не может окончательно определиться по вопросу военного сотрудничества с США, предложения иранской помощи в жизненно необходимых для Киргизии сферах,

таких как строительство ГЭС, ряда ирригационных плотин, ЛЭП для передачи электроэнергии в северные провинции Ирана, приобретают невиданные прежде объемы. Активность Ирана в продвижении своих интересов в этой стране приняла невиданную прежде динамику. Иран интенсифицировал и контакты с Киргизией в рамках различных международных структур, таких как Организация Исламская Конференция, ЭКО, специализированные организации ООН. Новые возможности появились и в результате присоединения ИРИ в качестве наблюдателя к Шанхайской организации сотрудничества, где Киргизия является полноправным членом и провела в Бишкеке саммит этой организации в июне 2007 г. Это создало потенциал взаимодействия между ИРИ и Киргизией по вопросам безопасности, борьбы с терроризмом и незаконным оборотом наркотиков. В итоге, видимо, не следует считать случайным то обстоятельство, что 15 декабря 2006 г. парламент Киргизии на своем заседании поручил правительству страны пересмотреть базовые принципы размещения американской военно-воздушной базы в бишкекском аэропорту «Манас». На этом примере можно видеть потенциал иранского проникновения в страны ЦА.

Что касается ослабления израильского влияния в государствах Центральной Азии, то здесь в активе Ирана гораздо меньше достижений. Диалог всех государств региона с Израилем развивается достаточно ровно, что логично вытекает из диверсифицированности международно-экономических связей всех стран центральноазиатского региона. Так, ослабление американского и, в целом, западного влияния в Узбекистане не отразилось на диалоге двух стран, их сотрудничестве в самых различных сферах. Товарооборот двух стран последовательно растет, реализуется множество программ в сферах экономики, медицины, народного образования, науки. Постоянный характер приобретают политические консультации по важнейшим проблемам международной жизни.

В заключение коснемся будущей стратегии Ирана в регионе Центральной Азии. Приход к власти в Иране неоконсерваторов во главе с нынешним президентом М. Ахмадинежадом несколько сместил акценты во внешней политике страны, приоритеты которой переместились на исламские страны ближневосточного региона, где нынешняя администрация пытается более эффективно действовать, добиваясь реального лидерства в регионе. Иранский президент заявляет об этом доста-

точно однозначно[5]. Перманентно значимый для Ирана центральноазиатский регион не выглядит сейчас зоной приоритетного внимания. Представляется, что даже поездки нынешнего президента М. Ахмадинежада в страны этого региона не являются очередными шагами в наращивании интеграции с государствами Центральной Азии, а призваны лишь удержать статус-кво на сложившемся уровне. Иранское руководство внимательно отслеживает и пытается объективно анализировать новые реалии стран этого региона, как то: внешнеполитические подвижки в Узбекистане, выразившиеся в середине первого десятилетия XXI в. в смене прозападной ориентации на пророссийскую, а затем – в постепенном возврате в прежнюю реальность, революцию «тюльпанов» 2005 г. в Киргизии, одним из следствий которой стала непоследовательность во внешнеполитических пристрастиях, которая через 5 лет поглотила своих лидеров, передав власть Временному правительству, и др. Учитывая большую, нежели у предыдущих лидеров Ирана, антизападную составляющую во внешней политике нынешнего президента М. Ахмадинежада, можно ожидать более жестких шагов Ирана по противодействию другим внешним игрокам на геополитическом поле Центральной Азии. Эта жесткость может наиболее отчетливо проявиться в решении проблемы правового статуса Каспия. Иран постоянно выступает против того, чтобы к процессу использования углеводородов каспийского региона были подключены внерегиональные игроки. Его посыл основан на том, что любые действия и предложения, исходящие от внерегиональных стран, способны лишь нанести вред региональной интеграции и подорвут взаимное доверие. Сам М. Ахмадинежад неоднократно заявлял о том, что Запад преследует в регионе лишь свои политические цели, ничуть не заботясь об интересах стран каспийского региона. Иран же, как постоянно декларируют его лидеры, уделяет и намеревается уделять в будущем первостепенное значение региональной экономической интеграции, базирующейся на исторической, культурно-цивилизационной, географической общности. Интеграция будет сконцентрирована на таких первостепенно важных для Ирана сферах, как торговля, транспорт, энергетика, продвижение новых технологий. При этом, на иранский взгляд, пока интеграция идет не устраивающими его темпами, причиной чему является вмешательство Запада, в первую очередь США. Учитывая более отчетливо выраженный антиамерикан-

ский компонент внешней политики правительства М. Ахмадинежада, можно ожидать более однозначного неприятия с его стороны проамериканских тенденций во внешней политике той или иной центральноазиатской страны. В частности, это касается и участия стран региона в программах НАТО. До тех пор, пока это не носит характер непосредственной интеграции этих стран (это касается главным образом Казахстана) в военные структуры НАТО, Иран не будет на это особенно остро реагировать, сконцентрируясь на продолжении экономического сотрудничества. В случае, если этот процесс перейдет определенные Ираном красные линии, возможна его реакция, характер которой Иран пока не раскрывает. Однако в целом нет никаких индикаций к тому, что основополагающие принципы иранской стратегии по отношению к этому региону могут претерпеть какие-либо существенные коррективы. Изменение тактики может диктоваться реалиями ситуации, но преемственность региональной стратегии Ирана на центральноазиатском направлении, как нам представляется, имеет все возможности для последующей реализации.

Примечания

[1] isna.ir, 21 августа 2004 г.
[2] http://www.dw-world.de/dw/article/0,2144,2258964,00.html
[3] http://axisglobe-ru.com/article.asp?artcle=175
[4] Воронов С. Некоторые аспекты ирано-киргизских отношений на современном этапе, – http://iimes.ru/rus/stat/2006/15-12-06/htm
[5] irna.ir, 1 января 2007 г.

SUMMARY

The present monograph: *"Iran in Central Asia: a two-decade dialogue"* is dedicated to the analysis of the extremely diversified relations between the Islamic Republic of Iran and the newly independent states that appeared in the Central Asia region after the disintegration of the Soviet Union. These states became active players in world politics almost 20 years ago. Many other countries got a rare opportunity to establish and develop relations with the newcomers, which were making the first steps in the boundless ocean of international interaction. In this book we attempted to focus on Iran's taking advantage of the possibility of entering a new geo-political entity, as well as to research the history of the formation of Iran's policy in Central Asia in the multifarious gamut of international relations. It was undoubtedly important to observe that process using such countries as Kazakhstan, Kirghizia, Tajikistan, Turkmenistan, and Uzbekistan as an example.

The new countries of Central Asia emerged on the path of independence during the collapse of the Soviet economy and severance of the closely-knit connections established over decades of common development. These countries were facing the need to transform themselves into normally functioning states using the post-Soviet period for establishing the key governmental, socio-economic, and political institutions. Iran's goals in the same period were to reach the status of the regional leader with a pragmatic economic approach, which would include continuous integration into the world economy as its inseparable component. The commencement of the post-Soviet era gave Iran an unique historic opportunity of acting in a novel economic and political area.

The recent years have demonstrated that Iran has quite effectively used the historic chance it was granted, having achieved notable results in its economic and cultural cooperation with the countries in the region and rendering valuable assistance to these countries' integration into a number of international organizations. The book considers all the pros and cons of this interaction using a

variety of publication sources in the Russian, English, French, Hebrew, Farsi, Uzbek, Tajik, and Kazakh languages, while emphasizing the unique features of Iran's establishing relations with each of the countries in the region. For example, Iran's relations with Kazakhstan are largely determined by the Caspian Sea factor. The integration of these two countries and the priorities of their cooperation have been developing based on their location in the Caspian Sea basin. Today's reality is indicative, however, of this factor playing both integrating and disintegrating roles. Moreover, the development of a dialogue between Iran and Kazakhstan has been impeded by the latter's pro-Western stance.

The relations between Iran and Turkmenistan are less dependent on the position of other partners in the cooperation, compared with those between Iran and Kazakhstan. They are based on economic necessities while the political controversies are being mostly ignored. This pattern of Iran's action in Central Asia is largely determined on both states' mutual affinity under the conditions of the absence of another choice. Both countries are bound to preserve strong mutual relations. This is further dictated by a shared border and a centuries-long tradition of historical, religious, and cultural proximity. The existence of Turkmen population clusters in the north of Iran plays a cementing role. Iran seeks to develop its relations with Turkmenistan hoping to reinforce its position in Central Asia while pursuing the ultimately pragmatic goals of taking advantage of Turkmenistan's rich reserves of hydrocarbons, trade opportunities, and transit roads to other countries of the region. For Tajikistan, the cooperation with Iran is largely based on the cultural aspects, within which the idea of establishing a union of Farsi-speaking countries is getting centre stage. Tajikistan's official ideology defines the need of integration with Iran as determined by the shared heritage of some kind of an ancient "Aryan civilization". The Aryan tenets, which are becoming more and more trendy in Tajikistan have found their target audience in Teheran, where the pan-Iranism ideology did not lose ground even after the rise of an Islamist government to power.

The monograph comes to the conclusion that the Islamic Republic of Iran will become a third-significant lever of power (after Russia and China) in Central Asia. Iran still lags behind these powers in its influence in the region but the pace of its economic and political activity is quite comparable with theirs.